

Основан
в 1967 году
Выходит
6 раз в год
Издательство
"Наука"
Москва

Научно-популярный журнал
Института русского языка
Академии наук СССР

Русская бречь

1986 НОЯБРЬ · ДЕКАБРЬ

В НОМЕРЕ: РЕШЕНИЯ XXVII СЪЕЗДА КПСС — В ЖИЗНЬ!

3 *Ф. Г. Паначин.* Основа лингвистической культуры

К 275-летию со дня рождения М. В. Ломоносова

11 *Л. П. Жуковская.* М. В. Ломоносов о русском языке и письме

19 *В. П. Вомперский.* «Российская грамматика» М. В. Ломоносова

28 *М. Ф. Мурьянов.* История одной эниграммы (из «Риторики» М. В. Ломоносова)

35 *Г. И. Шкляревский.* «Лучшее его произведение во всех отношениях» (О языке и стиле «Слова о пользе химии» М. В. Ломоносова)

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

41 *С. Р. Серков.* Ф. Глинка и «коренное русское слово»
К уроку литературы

46 *Б. И. Матвеев.* Слово «дорога» у Н. В. Гоголя

52 *М. Ю. Федосюк.* Портрет в «Анне Карениной»

58 *А. А. Колганова.* «Идея, умноженная на стиль»

В ПОМОЩЬ ПРОПАГАНДИСТУ

63 *Н. И. Кохтев.* Ярко, понятно, убедительно (Публицистическое мастерство В. И. Певского)

ТЕРМИНОЛОГИЯ

69 *Г. С. Кириченко.* Термин в судостроении

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

К 185-летию со дня рождения В. И. Даля

75 *Л. И. Балахонова.* Из истории создания областного словаря Академии наук

81 *Н. В. Попова.* Авторские отступления в Словаре В. И. Даля

84 Николай Вячеславович Грушевский (1851–1887)

СЛОВО МОЛОДОМУ ЛИНГВИСТУ

- 90 *М. Ю. Новикова.* Заголовок-метафора и художественный текст
 95 *А. С. Цуккерман.* Тепловатый — «слегка» или «слишком теплый»?

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

- 99 *Р. А. Симонов.* 850 лет «Учению» Кирика Новгородца

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

- 106 *Т. В. Горячева.* Замолаживает, заволаживает...

ОНОМАСТИКА

- 112 *В. П. Фелицына.* О фамилии *Фелицын*
 115 *В. А. Никонов.* Из Словаря русских фамилий

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

- 118 Домра и домбра

121 КРОССВОРД

- 123 Тематический указатель статей, опубликованных в журнале «Русская речь» в 1986 году

Рисунок на обложке и рисунки портретов С. Жагина

Заведующая редакцией

Т. С. Колмакова

Художественный редактор

Е. Н. Сапожникова

Корректоры

В. В. Белая, М. Б. Рыбина

Сдано в набор 18.08.86

Подписано к печати 09.10.86.

А—10661. Формат бумаги 84×108¹/₃₂.

Печать высокая. Усл. печ. л. 6,72.

Усл. кр.-отт. 408,1 тыс. Уч.-изд. л. 8,7.

Бум. л. 2,0. Тираж 58 900. Зак. 2845

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».

Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25
 2-я типография изд-ва «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

ОСНОВА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ф. Г. ПАНАЧИН,
первый заместитель Министра просвещения СССР

Совершенствование народного образования — один из ключевых вопросов социальной политики Коммунистической партии и Советского государства. В концепции ускорения, намеченной апрельским (1985 г.) Пленумом ЦК КПСС и развернутой XXVII съездом партии, важное место отведено школе: ведь в ней воспитываются все поколения советских людей. 1986 — 1987 учебный год — решающая пора реализации школьной реформы. На пяти стержневых направлениях работает сегодня по-новому наша школа: структура среднего образования предполагает одиннадцатилетний (а в Прибалтике — двенадцатилетний) срок обучения; впервые в массовом порядке учиться стали шестилетки; серьезно обновились учебные планы и программы; в жизни ребят прочно утверждается общественно полезный производительный труд; введены новые предметы — «Основы информатики и вычислительной техники», «Этика и психология семейной жизни», «Основы производства. Выбор профессии».

Реформа школы направлена прежде всего на повышение качества образования и воспитания молодежи, глубокое постижение ею основ наук. Формирование коммунистического мировоззрения, высоких нравственных устоев, животворных чувств советского патриотизма и социалистического интернационализма — дело первостепенной важности для шести миллионов просвещенцев страны.

В нашем поступательном движении вперед, в духовном преображении и совершенствовании советского общества велика роль школьного гуманитарного образования, и в ча-

стности — образования лингвистического. В последнее время нередко раздаются тревожные голоса о недооценке гуманитарной подготовки молодежи. Но это далеко не так. И дисциплины естественно-математического цикла, и новые предметы — производительный труд и информатика — не потеснили ни историю и литературу, ни русский и родной языки. По новому учебному плану на русский язык и литературу в школах с русским языком обучения отведено 80 часов в неделю, что равно времени, выделенному на математику, физику, информатику и черчение. В национальной же школе это соотношение в пользу гуманитарных предметов еще более ощутимо: только на родной и русский языки и литературу отводится 110 недельных часов.

Реформа школы требует серьезного совершенствования преподавания родного языка. Он является могучим орудием познания национальной культуры, истории своего народа. Знание родного языка — основа и общей, и лингвистической культуры личности, оно помогает и более успешному освоению русского. Влияние здесь взаимное: русский язык поможет тоньше и глубже осознать, почувствовать красоту родной речи.

Для улучшения лингвистической подготовки школьников в соответствии с требованиями реформы разработаны новые программы по русскому языку, совершенствуются учебники по этому предмету. Уже в начальных классах мы стремимся развить у детей речевой слух, научить их правильному произношению, владению связной речью, обогатить их словарь. И конечно же, первый помощник учителя в решении этих сложных задач — детская книга, работа с которой начинается с первой же учебной недели.

Знание грамматики, прочные орфографические и пунктуационные навыки, умение бегло и осмысленно читать — все это необходимый фундамент культуры, условие успешного усвоения основ наук. Но уроки русского языка не ограничиваются лишь этими задачами. Их цель — воспитать глубокую любовь к родному языку, к богатому и могучему русскому слову — сокровищнице духовной культуры народа. Учителя призваны дать ребятам не только знания в области языка, но и помочь им ощутить его как живой, цельный, непрерывно развивающийся организм, все стороны которого — звуковая, смысловая, грамматическая — тесно и неразрывно

связаны. Уже с пятого класса школьники учатся понимать социальную значимость слова, роль русского языка как средства межнационального общения народов нашей страны, его мировое значение.

Весь школьный курс русского языка пронизывает стремление развить речь детей, повысить их речевую культуру. Сейчас в некоторых школах Российской Федерации проходит экспериментальную проверку новое учебное пособие, которое так и называется «Русская речь». Три года — в 4-м, 5-м и 6-м классах школьники будут работать с этой книгой. Она познакомит с различными стилями речи, со средствами языковой выразительности, поможет внимательнее читать книги и газеты, свободнее и ярче выражать свои собственные мысли и чувства. С будущего учебного года «Русская речь» станет обязательной книгой для всех ребят в школах РСФСР.

По новому учебному плану на развитие речи отведено гораздо больше часов. Вообще школьный курс русского языка активно ориентирован сегодня на практику. Этому подчинены и требования совершенствования методики преподавания предмета, и новые критерии оценки знаний учеников. Владение языком, умение правильно писать и говорить, ясно и логично выражать свои мысли — вот что прежде всего оценивает учитель, а не заученные правила и формулировки. На уроках по всем предметам школа соблюдает единые требования к грамотности ребят.

Общение со словом, с родной речью обогащают многочисленные дидактические пособия, созданные для ребят в последние годы. Это, в первую очередь, словари — «Школьный толковый словарь русского языка» (М., 1981), «Школьный грамматико-орфографический словарь русского языка» (М., 1985), «Учебный фразеологический словарь русского языка для национальных школ» (М., 1984) и другие. Они периодически переиздаются, и все же этих нужнейших школе книг еще не хватает. Уверен: и учителя, и ученики с радостью встретят учебный терминологический словарь по основам информатики и вычислительной техники, над которым работают сейчас ученые-лингвисты. Интересные пособия созданы для внеклассного чтения: «Рассказы о синонимах», «Как устроен наш язык», «Лингвистические парадоксы», «Твое имя». Свою лепту в воспитание интереса к родному языку, в умелое пользование им вносит и учебное кино, сделавшее для

школы несколько фильмов по речевой этике: «Если вы вежливы», «Разговор по телефону», «Как возразить в споре?» и другие.

Казалось бы, немало делается для того, чтобы помочь нашим детям овладеть богатством родной речи. И все же у нас еще очень мало увлекательных книг о русском языке, адресованных школьникам. Мы ждем помощи ученых, в частности — сотрудников Института русского языка АН СССР. Объявлен конкурс на создание учебника и учебно-методических пособий по русскому языку, и мы надеемся, что ученые-лингвисты примут в нем участие.

Еще в 40-х годах видный советский языковед Л. В. Щерба на страницах педагогического журнала писал: «...мы, строители нового социалистического общества, являемся братским союзом чуть не двухсот народов, говорящих... на своих родных национальных языках. У нас у всех общее дело, являющееся основным смыслом жизни современных поколений граждан нашего Союза. Но общее дело требует и общего языка» (Советская педагогика, 1942, № 3 — 4).

Этим общим языком, добровольно принятым всеми народами нашей страны в качестве средства межнационального общения, стал великий русский язык. Верные ленинским заветам в области национальной политики, Коммунистическая партия и Советское государство создают условия благоприятствования для изучения русского языка всеми нациями и народами СССР.

Научными сотрудниками НИИ преподавания русского языка в национальной школе Академии педагогических наук СССР в прошлом году выпущены типовые учебные комплексы по русскому языку. В них входят учебник, наглядные пособия, дидактический материал, методические рекомендации учителям. На основе этих типовых комплексов в республиках будут созданы свои учебники, предусматривающие региональные особенности, местный литературный материал. Успешно идет эта работа в Молдавии, в Латвии.

Для ребят национальных школ, изучающих русский, разработано несколько факультативов — по лексике, фразеологии, словообразованию. «Язык и культура», «Тайны русского языка». «Русский язык как средство межнационального общения» — эти факультативные курсы характеризуются практической направленностью, основаны

на широком использовании коммуникативной функции языка.

В соответствии с требованиями реформы впервые издаются учебники и пособия по русскому языку для подготовительных классов национальных школ. Для малышей, которые придут в многонациональные классы, издана красочная «Русская речь». Авторы учли возраст своих «читателей», которые пока еще не умеют читать. Поэтому основные темы для бесед — «Наша Родина», «Наш класс», «Наш дом», «Мы — ученики», «Поле и труд» и другие — даны в картинках. От учителя зависит умело и образно насытить эти беседы реалиями жизни ребят различных регионов нашей огромной страны.

Для начальных классов национальных школ впервые создан картинный словарь русского языка, как один из компонентов учебного комплекса. В нем около тысячи лексических единиц, ситуативные картинки для развития речи, увлекательные задания. Получат малыши и тетради с печатной основой по русскому языку.

Все это будет способствовать и более глубоким знаниям, и практическому овладению русской речью. Мы сознаем, что в обучении русскому языку в национальной школе есть еще очень существенные недостатки. Мало хороших национальных учебников. В Туркмении, в Азербайджане, например, учебники слабые, невыразительные, их лингвистический и методический арсенал очень скуден. В Грузинской ССР учебники не переиздавались уже многие годы и морально устарели. Все это отнюдь не способствует развитию интереса к русскому языку.

Вызывают тревогу проблемы подготовки кадров преподавателей — русистов. Органами народного образования предприняты дополнительные меры по совершенствованию этой работы. Сегодня в национальных школах трудятся более 113 тысяч русистов; причем у абсолютного большинства — высшее образование. В стране сейчас 94 факультета и отделения, в педвузах, которые готовят учителей-русистов для национальных школ. Прием на первые курсы этих факультетов в прошлом году достиг 11 тысяч человек. Возрос внеконкурсный прием молодежи коренных национальностей союзных республик на факультеты русского языка и литературы педвузов России, Украины, Белоруссии — в 1985 году он превысил полторы тысячи человек. Для выпускников национальных школ, поступивших

в педагогические учебные заведения на филологические факультеты, введен практический курс русского языка в объеме пятисот часов. Разработаны и внедрены новые учебные планы, программы, учебники. Утверждено положение о годичных вечерних курсах для лиц, желающих совершенствовать свои знания по русскому языку, при педвузах и университетах. В институтах усовершенствования учителей союзных и автономных республик заново создано 35 кафедр русского языка.

Сделано и делается немало. Но для самоусовершенствования оснований нет. Нас тревожит снижение общей грамотности студентов, будущих учителей-русистов. В Киргизском пединституте русского языка, например, лингвистическая грамотность учащихся пятого курса ниже, чем у первокурсников. Снижается уровень владения языком в Армении, в Азербайджане. В пединституте русского языка Азербайджанской ССР, например, много докторов, кандидатов наук, а студенты по-русски говорят плохо. Да и у многих из преподавателей с учеными степенями лингвистическая подготовка оставляет желать лучшего. Качество подготовки научных кадров — серьезная проблема республиканских органов народного образования.

В этом можно сделать серьезный упрек и НИИ русского языка республиканских Академий наук. В них созданы секторы по взаимодействию и обогащению языков. Их помощь школе, вузу, участие в создании учебников — естественны и необходимы. Но, к сожалению, контакты у нас с ними еще весьма поверхностны.

А интеграция усилий ученых и педагогов сегодня необходима. Там, где это сделано, ощутимы хорошие перемены в качестве обучения русскому языку. Так, например, в Эстонской ССР создан координационный совет, объединивший все заинтересованные ведомства — Министерства просвещения и высшего образования, Госпрофобр, книжные издательства, кафедры русского языка университетов и педвузов. Скоординирована тематика научных исследований, намечены пути улучшения подготовки педагогических кадров, регулярную помощь оказывают ученые школе. И как результат — в последние два — три года значительно возрос уровень знания русского языка у эстонских школьников.

Свободное владение русским языком должно стать нормой для молодежи, оканчивающей средние учебные заведения, — так ставит задачу партия. Для ее решения потребуются серьезные усилия и педагогов, и ученых, и органов народного образования. Все вместе мы должны создать надежную, эффективную систему обучения русскому языку в национальной школе. Ждут своего глубокого исследования такие проблемы, как условия и характер функционирования русского языка в различных республиках, психолингвистические особенности развития речевой деятельности в условиях близкородственного и неродственного двуязычия. А разве не актуальны для лингводидактики совершенствование методики, изучение проблем положительной мотивации при изучении языка? Все это — первоочередные задачи сотрудников НИИ ПРЯНИШ Академии педагогических наук, республиканских НИИ педагогики. Научно-методическое обеспечение преподавания русского языка в национальной школе мы еще не можем признать удовлетворительным.

Школьное гуманитарное образование — основа лингвистической культуры личности. Особое значение приобретает она сегодня, когда мы осуществляем курс на ускорение и эффективную перестройку во всех сферах экономической и социальной жизни. Духовная культура общества немислима без языковой культуры, без свободных плодотворных языковых контактов всех наций и народов нашей страны. Русский язык в условиях ускорения активно служит нашему общему делу. Вот почему гражданский долг и просветителей, и ученых — всех причастных к этой проблеме — помочь школе дать молодежи глубокие, прочные знания в области русского языка — важнейшего средства межнационального общения.

Мы вступаем в год 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Воспитание школьников на революционных, боевых и трудовых традициях Коммунистической партии и советского народа — почетная гражданская обязанность каждого педагога, писателя, публициста. В этой важнейшей идеологической работе нашими первыми помощниками будут хорошая книга и умное, убедительное, вдохновенное слово.

ВЕЛИКИЙ СЫН РОССИИ

Для каждого советского человека имя Михаила Васильевича Ломоносова неразделимо с понятием Родины.

Отмечая славную дату — 275-летие со дня рождения нашего великого соотечественника, мы принимаем как бесценное сокровище наследие его великих трудов. Посвятив свою жизнь делу развития отечественной науки и просвещения народа, он всю свою деятельность, творческую энергию подчинил нуждам государства.

«Если внимательно посмотреть назад, то станет ясным, что многие краеугольные камни успехов нашей жизни были заложены в прошлом именно Ломоносовым», — писал академик С. И. Вавилов. Эти слова справедливы и по отношению к русскому литературному языку. Ломоносов первый начал изучать его во всем многообразии, став истинным создателем русского поэтического и научного языка.

Освобождая язык русской науки и литературы от иностранного влияния, Ломоносов заботился о том, чтобы он не утратил своей природной красоты и силы, сохранил в себе все ценное, что было выработано на протяжении многих веков развития русской культуры.

Бесценно научное и литературное наследие Ломоносова, свидетельствующее о том, что у истоков русской науки и культуры стоял гениальный ученый, представляющий собой, по словам В. Г. Белицкого, «великий характер, явление, делающее честь человеческой природе и русскому имени».

М. В. Ломоносов о русском языке и письме

Л. П. ЖУКОВСКАЯ,
доктор филологических наук

В 1758 году Ломоносов, пользуясь терминологией своего времени, писал, что первые церковные книги, которые переписывались на Руси и у южных славян — болгар и сербов — в течение веков, были переведены с греческого языка на славенский. Словом *славенский* тогда называли славянский язык вообще, противопоставляя его какому-либо неславянскому языку, а не только диалект древних повгородских словен и не язык предков современных словенцев — жителей Словении с центром в городе Любляне — одной из семи республик Югославии.

В современной славистике язык первых переводов называют *старославянским*.

Ломоносов понимал слово *славенский* так, как употребил его в «Повести временных лет» под 6545 годом (т. е. 1037 г.) древнерусский летописец, говоря, что князь Ярослав Мудрый «собраныице многы и прекладаша от грек на словенское письмо».

Но язык первых славянских памятников Ломоносов только вначале называл *славенским*. Уже в 1749–1750 годах в споре с Г. Миллером он проводил строгое различие между славянскими языками и между русским и старославянским языком. Иронизируя, Ломоносов писал Миллеру по-латыни: «О преславный знаток русского языка, не знающий даже того, что все церковные книги написаны на славянском языке, который в Польше употребляется только в храмах — и этот обычай до сего дня сохранился в гре-

ческой церкви в Польше! Кроме того, уже с древнейших времен польский язык отличается от русского, так и от церковнославянского диалекта. Ведь церковный диалект, который живет у всех народов славянского племени и греческого вероисповедания, есть собственно древний моравский язык, употребление которого у славянских народов никогда не было всеобщим» (см. кн.: В. П. Воиерский. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. М., 1970).

В 1764 году в своем отзыве о плане работ приглашенного в Петербург немецкого историка А. Л. Шлецера Ломоносов называет язык первых славянских памятников «древним славено-моравским» (*antiqua Slaveno – Moravica lingua*) и даже просто «древнеморавским» (*antiqua Moravica dictio*). Одаренный мыслящий языковед, Ломоносов этим названием глубоко научно оценивал роль разных славянских диалектов в формировании первого литературного языка — старославянского — в период деятельности Константина и Мефодия (Константин, в монашестве — Кирилл, умер в 865 году, его брат Мефодий — в 835, в сане архиепископа моравского). Константин был выдающимся ученым, как говорили тогда — «философом» (буквально — любитель мудрости). В 863 году по распоряжению византийского императора он должен был выполнить просьбу великоморавского князя Коцела: организовать в его державе богослужение на родном славянском языке. Славяне в то время не имели собственного алфавита и при необходимости пользовались греческим или латинским письмом, не приспособленным для передачи звуков славянской речи. Могущественнейшая в середине IX века Моравская держава терпела притеснения от Зальцбургских епископов, навязывавших ей христианизацию на латинском языке.

Еще будучи в Греции, Константин составил первую славянскую азбуку — глаголицу (впоследствии она была заменена кириллицей, получившей название по имени составителя первой азбуки; кириллица сохранилась в основном своем составе до наших дней; в ней были использованы пригодные для славянских звуков буквы греческого алфавита). При этом Константин опирался на свое знание славянского диалекта города Солуни, где он вырос (ныне — Фессалоники). Используя свой славянский алфавит, Константин начал переводить с греческого языка необходимые для богослужения молитвы и книги.

Однако главная переводческая и просветительская деятельность Константина и многолетняя деятельность Мефодия протекали у западных славян. Сначала это было в столице Великой Моравии, а затем в Паннии, древних славянских территориях.

Братья со своими многочисленными учениками, из которых они готовили будущих писцов книг, священников и переводчиков (последних у Мефодия было около 70 человек), осуществляли переводы на славянский язык христианской литературы. В них, помимо формирования на основе греческого языка специальной славянской христианской терминологии, Константин и Мефодий использовали грамматические формы и общую славянскую лексику, но также неизбежно должны были употреблять специфические языковые особенности моравской речи, отличные от известного им солунского диалекта. Иначе они не выполнили бы свою задачу создания славянского богослужения именно для моравян.

Лишь в дальнейшем, когда после смерти Мефодия ученики обоих братьев были вынуждены перебраться в Болгарию, моравизмы и паннонизмы там стали заменять южнославянскими словами и специфические звуки последовательно передавать буквами, изобретенными еще в Греции на основе солунского славянского диалекта. Впоследствии, после официального принятия христианства на Руси (988 г.), при переписывании русскими писцами с инославянских оригиналов древнерусских книг, в них появились восточнославянские языковые признаки.

Названием «древнеморавский» Ломоносов подчеркивал, что контингент моравских и паннонских книжников (писцов и переводчиков) в Моравии формировался из местного славяноязычного населения так же, как на рубеже X—XI веков это происходило в древней Руси. Здесь князь Владимир, признав христианство религией своего государства, уничтожил изображения языческих богов, начал «по городам ставить церкви и попов, и людей на крещение приводить по всем городам и селам», а также «поймати у нарочитой чади», т. е. брать у высокопоставленных придворных детей и отдавать их «на учение книжное. А матери же чад своих плакахуся по них, еще бо ся бяху не утвердили верою. Но аки по мертвецю плакахуся». Это эмоциональное сообщение древнерусского летописца, разумеется, было хорошо известно Ломоносову. Отсюда его внимание к моравскому вкладу в язык первых старославянских книг, которое отразилось в терминологии приведенных выше работ.

В кратком, но выдающемся по своей значимости филологическом труде «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» Ломоносов высказывает мнение о языке этих книг, рассматривая его как прямого наследника не только греческого языка, но и греческой литературы. Эту работу он пишет ланидарно, строго деловито, как это свойственно представителю точных наук, каким Ломоносов и был прежде всего. Его основополагающие вы-

сказывания можно без преувеличения назвать фундаментальными. Он смотрит в корень явления, когда в первом же абзаце своего «Предисловия...» пишет: «В древние времена, когда славенский народ не знал употребления письменно изображать свои мысли, которые тогда были тесно ограничены для неведения многих вещей и действий, ученым народам (т. е. имеющим свою или хотя бы иноязычную письменность. — Л. Ж.) известных, тогда и язык его не мог изобиловать таким множеством речений и выражений разума, как ныне читаем. Сие богатство больше всего приобретено купно с греческим христианским законом, когда церковные книги переведены с греческого языка на славенский». Далее он продолжает: «Отменная красота, изобилие, важность и сила эллинского слова сколь высоко почитается, о том довольно свидетельствуют словесных наук любители. На нем, кроме древних Гомеров, Пиндаров, Демосфенов и других в эллинском языке героев, впитывали великия христианския церкви (род. падеж ед. числа. — Л. Ж.) учителя и творцы... Ясно сие видеть можно выкинувшим в книги церковные на славенском языке, коль много мы от переводу ветхого и нового завета, поучений отеческих, духовных песней Дамаскиновых и других творцов канонов видим в славенском языке греческого изобилия и оттуду умножаем довольство российского слова, которое и собственным своим достатком велико и к приятию греческих красот посредством славенского сродно».

Имея в виду некоторые синтаксические явления, глагольное управление, фразеологию, Ломоносов признавал, что «сначала переводившие с греческого языка книги на славенский не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять в перевод свойств греческих, славенскому языку странных, однако опыте чрез долготу времени слуху славенскому перестали быть противны, но вошли в обычай. И так, что предкам нашим казалось невразумительно, то нам ныне стало приятно и полезно».

Признавая огромную роль древнейшей переводной литературы для формирования выдающегося по своим качествам среди других языков русского литературного языка, Ломоносов особенно ценил в древних славянских «церковных» книгах то, что они изначально появились на Руси на своем родном славянском языке, а не на иноземном, хотя и классическом — греческом или латинском. Так, Ломоносов критикует поляков за то, что они «преклонясь издавна в католическую веру, отправляют службу по своему обряду на латинском языке», и противопоставляет им немцев-лютеран. Он отмечает, что «немецкий язык был убог, прост и бессилен, пока в служении употреблялся язык латинский. Но как немецкий народ стал священныя книги читать и службу слушать на своем языке

(здесь имеется в виду богослужение на родном языке в некоторых немецких землях после перевода Лютером лишь в 1521—1534 гг. Ветхого и Нового завета на немецкий язык. — Л. Ж.), тогда богатство его умножилось, и произошли искусные писатели. Напротив того, в католических областях, где только одну латынь, и то варварскую (т. е. не классическую латынь античных авторов, а средневековую — Л. Ж.), в служении употребляют, подобного успеха в чистоте немецкого языка не находим».

Ломоносов имел полное право на это высказывание, важное для истории всех европейских языков и формирования культуры европейских народов. Он провел пять лет в Германии (с 1736 по 1741 г.), причем первые три года учился в Марбургском университете, где по собственной инициативе изучал и филологические науки. Он хорошо владел не только немецким литературным языком в его письменном и разговорном вариантах, но и профессионально занимался изучением немецкого языка и его диалектов. На основании сопоставления картины их соотношения в Германии и своего отличного знания русских диалектов Ломоносов пришел к важнейшему для того времени заключению о специфике русского языка и его диалектов. Он сделал ставшее хрестоматийным для русских диалектологов заключение: «Народ российский, по великому пространству обитающий, не взирая на дальнее расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и в селах. Напротив того, в некоторых других государствах, например, в Германии, баварский крестьянин мало разумеет мекленбургского или бранденбургский швабского, хотя все того ж немецкого народа».

В отношении русского недиалектного языка Ломоносов считал, что благодаря введению в древнерусский обиход славянских переводов с греческого начали формироваться три стиля русского литературного языка: «Российский язык через употребление книг церковных по приличности имеет разные степени: высокий, посредственный и низкий». Высоким «штилем составляться должны героические поэмы, оды, прозаичные речи о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолению возвышаются. Сим штилем преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славенским из книг церковных».

«Средний штиль состоять должен из речений, больше в российском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностью, чтобы слог не казался надутым. Равным образом употребить в нем можно и низкие слова, однако остере-

гаться, чтобы не опуститься в подлость (т. е. вульгаризм.— Л. Ж.) ... Сим штилем писать все театральные сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово... Стихотворные дружеские письма, сатиры, эклоги и элегии сего штиля больше должны держаться. В прозе предлагать им пристойно описания дел достопамятных и учений благородных».

«Низким штилем» Ломоносов предлагает писать «комедии, увеселительные эпиграммы, песни; в прозе — дружеские письма, описание обыкновенных дел. Простонародные низкие слова могут иметь в них место по рассмотрению», то есть по усмотрению автора.

Этим стилем написал Ломоносов шутилистую пьесу «Суд российских писем, перед Разумом и Обычаем от Грамматики представленных». Эту не законченную им комедию предположительно датируют первой половиной 1750-х годов, когда Ломоносов работал над главным своим филологическим трудом — «Российской грамматикой».

В сохранившейся начальной части пьесы всего четыре действующих лица: Разум, Обычай, Сторож и Грамматика. Но судя по некоторым данным, в ней должны были быть представлены «все пьемена», то есть все буквы алфавита.

Обычай, то есть практическое использование букв письма, не разрешает Сторожу впускать на сцену Грамматику, которая по характеристике, данной ей Разумом, предлагает свои «спряжения и склонения» и «имеет такое особливое искусство, что об одной запятой может написать великую книгу».

Разум просит впустить Грамматику, которая входит и предлагает рассудить спор «российских писем», то есть букв русского алфавита, из которых «иные хвалятся своим пригожим видом, некоторые приятным голосом, иные своими натронами, а почти все старинною своею фамилиею» (т. е. старинным своим происхождением).

Госпожа Грамматика прежде всего характеризует сами почерки, какими в разное время на Руси и в России писали книги: «Ежели Вам угодно перекликать их на улице, то станут они для нынешней стужи в широких шубах, какие они носят в церковных книгах». Слова «на улице», видимо, означают, что речь идет о написаниях букв на вывесках. Выражение «для нынешней стужи» свидетельствует, что Ломоносов задумал эту комедию зимой. По-видимому, это была одна из зим, когда Ломоносов серьезно и упорно работал над своей научной грамматикой, а для психологической разгрузки изобразил некоторые грамматические темы шутивно. Под «широкими шубами» подразумевается письмо уставом — наи-

более древнее книжное письмо. В уставе буквы писались жирными и волосными линиями, широко, в XI—XII веках они были почти квадратные, с конца XIV века несколько вытянутые.

«А ежели в горнице пересматривать изволите,— продолжает автор,— предстанут в летнем платье, какое они надевают в гражданской печати. Бude же за благо рассудите, чтобы они пришли к окнам на ходулях, явятся так, как их в старинных книгах под заставками писали (имеется в виду письмо «вязью», каким писали заголовки в книгах после художественно выполненных заставок.— Л. Ж.) или как ныне в Вязме на пряниках печатают. А когда по их честолюбию в наряде притти позволите, тогда наденут на себя ишанские парики с узлами, как они стоят у псалмов в начале, а женский пол суриком нарумянится». Пышные растительные инициалы в печатных книгах XVII века (и в современных Ломоносову книгах) нередко печатали красной краской, а в отдельных экземплярах даже раскрашивали от руки.

«Буде же хотите, чтобы они явились как челобитчики в плачевном виде, то упадут перед вами, растрепав волосы, как их няньки подбьиче в челобитных пишут». Здесь дана такая выразительная характеристика, что ни в каком комментарии не нуждается. Впрочем, все приведенные характеристики «писмен» написаны с великодушным юмором. Не сохранись отрывки этой пьесы, мы и не знали бы, каким веселым человеком был Ломоносов, гениальный ученый-энциклопедист: физик, химик, основоположник современного естествознания, металлург, историк, лингвист, великий просветитель, выдающийся поэт. Даже в филологических науках он намного опередил свое время.

Далее, по замыслу Ломоносова, каждая буква алфавита должна была рассказывать о себе, хвалить свои достоинства и жаловаться на беды. Но в дошедшей до нашего времени части пьесы сохранился только текст буквы «Аз», первой буквы алфавита. Аз говорит о себе: «Я стою, во-первых у Аполлона, главного правителя на Парнасе... и начинаю первое лице; однако не взирая на то, чинят мне великие обиды, особливо Он (буква о.— Л. Ж.), который рангом, лицом и голосом со мной сравниться не может». Здесь особенно интересно понимание Ломоносовым фонетических свойств *a* и *o*: *a* — самый звучный, открытый гласный среди остальных гласных звуков. Мешает Азу именно Он, а не какая-либо другая буква, изображающая гласный или согласный звук, так как существует «аканье» — смешение *a* и *o* в безударных позициях. К сожалению, текст на «Он» не сохранился, а сравнить их было бы особенно интересно. После смерти Ломоносова (4/15 апреля 1765 г.) его кабинет был опечатан, и уже на следующий день все материа-

лы забрал фаворит Екатерины II Григорий Орлов. И только после смерти Орлова какая-то часть архива Ломоносова попала в руки потомков ученого и его сестры. Другая часть (может быть, большая) исчезла из поля зрения науки. Не хранится в Архиве Академии наук СССР и окончание комедии «Суд российских писем». Лишь какая-то часть ее была в руках Ф. О. Туманского, который и напечатал продолжение пьесы, а вернее сказать, — материалы к этому продолжению. В частности, о букве «ъ»: «ъ немой место занял, подобно как пятое колесо». Здесь Ломоносов выступает смелым новатором — реформатором орфографии, ведь «пятое колесо» будет ликвидировано в русском письме только спустя 160 лет при реформе, начавшей действовать с 15 октября 1918 года.

Буква ь («ять») говорит, что ее выгоняет буква е «из мѣста, владѣнія и наслѣдія, однако я не уступлю. Е не доволен своим селением и веселием, меня гонит из утѣшения; Е пускай будет доволен женою, а до дѣвиц дела нет». Так обыгрывается правописание указанных слов с буквой е (селение, веселие, жена) и с буквой ь (мѣсто, владѣніе, наслѣдіе, дѣвица). Аналогично развивается спор Ферта (ѳ) и Фиты (ѿ).

Интересна авторская ремарка: «Шум между литерами. Согласные не смеют говорить без позволения гласных».

Возможно, что Ломоносов и не успел закончить свою комедию, так как в публикации Туманского в ряде случаев излагается только общее содержание речей отдельных писем. Например: «С и З спорят между собою в предлогах»; «И жалуется на И, что оно наряжается часто в его платье». Имеется в виду не только небрежное написание обеих букв в скорописном письме, но и история их начертаний. В XI—XIV веках писали И с перекладной, идущей вниз слева направо, как в латинском N, а И — с прямой перекладной, как в современном русском И. Постепенно наклон перекладной перемещался: поднималась их правая часть и опускалась левая (И, И).

Преувеличены жалобы К: «Меня нет несчастливее, выгнан и только оставлен в греческих календах; вместо меня уже прибавляется Г: гъ дому, гъ богу». Этими примерами иллюстрируется высказывание Ломоносова: «Произношение и Правописание также между собой спорят».

Выдающийся знаток русского языка и письма во всех их проявлениях, Ломоносов выступает здесь и как тонкий фонетист, провозвестник реформирования орфографии, исследователь истории письма и истории русского языка, разных сторон славяно-русского письменного наследия, создатель теории литературного языка и его стилей, реформатор научной терминологии.

«Российская грамматика» М. В. Ломоносова

В. П. ВОМПЕРСКИЙ,
доктор филологических наук

«Российская грамматика» М. В. Ломоносова — первая научная грамматика русского языка, которая составила целую эпоху в описании русского литературного языка и его нормализации. С Ломоносова начинается развитие русского языкознания как науки, русский язык становится предметом специального преподавания и изучения в средних и высших учебных заведениях России.

До Ломоносова наука мало занималась изучением русского языка. В центре интересов ученых был старославянский, церковнославянский язык, или, как его еще называли, «славенский». Поэтому первые грамматики были грамматиками церковнославянского языка. Самая ранняя — «Грамматика словенска» Лаврентия Зизания (Вильна, теперь Вильнюс, 1596). Выделяется стройностью концепции, систематичностью изложения и самостоятельными наблюдениями «Славенская грамматика» Мелетия Смотрицкого (ее полное название — «Грамматика славенския правильное синтагма»), была напечатана в 1618 г. в Вильне, а затем в 1619 г. — в пригороде Вильны — Евью).

«Славенская грамматика» пользовалась большой известностью, но ней изучали книжный церковнославянский язык, она являлась образцом для различного рода грамматических и стилистических исследований и служила учебником и справочником на протяжении почти 150 лет. С дополнениями и изменениями ее неоднократно переиздавали.

Эту грамматику хорошо знал юноша Ломоносов. Позднее, в период написания своей «Российской грамматики», Ломоносов обращался к «Славенской грамматике» Мелетия Смотрицкого, критически осмысливая ее исследовательский опыт. В сущности и все первые грамматики русского языка до ломоносовской поры, появившиеся в конце XVII — первой половине XVIII вевов, ориентировались на «Славенскую грамматику» Мелетия Смотрицкого, рассматривая особенности русского языка через призму церковнославянского.

До «Российской грамматики» Ломоносова были известны шесть печатных грамматик русского языка. Но все они слишком кратки и элементарны и были написаны с учебными целями.

Первая попытка описать в связном виде грамматические особенности русского языка принадлежит дипломату Генриху Лудольфу, который в 1693—1694 годах жил в России и хорошо изучил русский язык. В 1696 году он издает в Англии (в Оксфорде) «Русскую грамматику» на латинском языке.

В 1706 году, в Штольценберге, близ Данцига (теперь Гданьск) известный деятель русской культуры начала XVIII века, издатель, лексикограф и грамматист И. Ф. Копиевский (он описан Пушкиным в «Арапе Петра Великого» под именем Копиевича) печатает по распоряжению Петра I «Руководение в грамматику во славяно-русскую, или московскую» с параллельными латинскими, немецкими и русскими текстами.

В 1723 году в Санкт-Петербурге преподаватель Славяно-греко-латинской школы в Великом Новгороде Федор Максимов издает «Граматику славенскую», построенную на сопоставлении грамматических и лексических особенностей книжнославянского и живого русского языка.

В Санкт-Петербурге в 1730 году переводчик Академии наук и лексикограф И. С. Горлицкий, один из составителей русской части «Немецко-латинско-русского лексикона» Э. Вейсманна, печатает «Граматику русскую нынешняго языка» на французском языке.

В приложении к «Немецко-латинско-русскому лексикону» Э. Вейсманна (СПб., 1731) переводчик Академии наук и грамматист В. Е. Адодуров помещает свои «Начальные основы русского языка», написанные по-немецки.

Наконец, в 1750 году в Стокгольме шведский славист М. Гренинг, долго живший в России и хорошо знавший русский язык, издает на шведском языке «Российскую грамматику».

То, что все грамматики русского языка до ломоносовской поры написаны на иностранных языках, следует объяснить двумя причинами.

Первая из них заключена в методологических принципах европейского языкознания второй половины XVII—середины XVIII веков. В основу грамматик той поры положены идеи логической универсальной грамматики. Сторонники ее считали, что всем языкам свойственно общее логическое содержание и различие между ними проявляется в формах, в грамматических конструкциях, звуках. Поэтому составители разных языков обращают внимание на общие принципы искусства речи, встречающиеся в них, и лишь потом анализируют специфику их грамматических различий.

Вторая причина заключается в историко-культурных особенностях славяно-русского двуязычия в древней России. Ученым той поры хорошо известно противоречие, которое обнаруживалось при составлении грамматик русского языка: в описании форм склонения и спряжения и в отборе лексико-грамматического иллюстративного материала отражались живые нормы словоупотребления, а в авторской речи самого грамматиста не дифференцированно использовались то русские, то «славянские» формы.

Так возникло противоречие между языком грамматического описания в самом учебнике и лексико-грамматическими особенностями его иллюстративного материала. Подобное противоречие было свойственно, например, «Славянской грамматике» Федора Максимова. Единственным выходом из этого затруднительного положения было создание русской грамматики на иностранном языке. Так, в частности, поступают Лудольф, Горлицкий, Адодуров. Иностраный текст, в котором излагаются грамматические правила, являет собой язык-посредник, метаязык описания живой русской речи, представленной в формах склонения и спряжения и в иллюстративном материале.

Перейти от несовершенных грамматических опытов изучения русского языка к «Российской грамматике» значило, как правильно заметил академик С. П. Обнорский, «от схоластических рассуждений по предмету грамматического художества перейти к подлинной области самостоятельного научного знания языка» (Обнорский С. П. Избранные работы по русскому языку. М., 1960, с. 163).

Проблема правильного и точного описания норм нового литературного языка приобретает в 30—40-х годах XVIII века большое общественное значение. Над разрешением этого важнейшего вопроса русского языкознания работают многие выдающиеся филологи этого времени — А. Д. Кантемир, В. Е. Адодуров, В. К. Тредиаковский, но решить эту научную задачу удается только Ломоносову, общепризнанному авторитету в области общего и русского языкознания, ученому, положившему начало описательному и сравнительно-историческому изучению русского языка.

Намерение написать «Российскую грамматику» возникает у Ломоносова в период работы над «Кратким руководством к красноречию», т. е. в 1744—1746 годах.

В этом руководстве Ломоносов пишет со всей определенностью, что «чистота штиля» зависит прежде всего «от основательного знания языка», «чему способствует прилежное изучение правил грамматических». «Без грамматики разуметь трудно», — эти слова Ломоносова перекликаются с его знаменитым высказыванием из текста посвящения к «Российской грамматике»: «Туна оратория, коспозычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики». Поэтому необходимо привести в ясность и собрать воедино грамматические правила «российского языка», печатного свода которых еще не существовало.

Работу над «Российской грамматикой» Ломоносов начинает с накопления максимального количества фактов. Подготовительные материалы к ней поражают своим многообразием. Здесь помещены фонетические записи, образцы произношения, склонений и спряжений, примеры словосочетаний, анализ различного рода синтаксических структур, историко-языковой и историко-культурный комментарий к различным лингвистическим явлениям. Обширный лексический и фразеологический материал записей позволяет составить отдельный толковый словарь русского языка. Все эти примеры почерпнуты из различных источников: из гражданских и церковных книг, архивных рукописей, государственных актов, словарей, из народных песен, областных диалектов и социальных жаргонов, а больше всего из живой, общенародной, разговорной речи города и деревни.

«Российская грамматика» (она издана в 1755 г.) состоит из шести «наставлений», в которых Ломоносов излагает свои взгляды на теорию и историю языка, описывает учение о частях речи, называя их «частями человеческого голоса», учение о звуках русской речи и синтаксис словосочетаний. Эти «наставления» имеют следующие названия: «О человеческом слове вообще», «О чтении и правописании российском», «О имени», «О глаголе», «О вспомогательных или служебных частях слова», «О сочинении частей слова». Материалистическая направленность научного метода и мировоззрения ученого ярко отразилась в «Российской грамматике». Ломоносов понимает язык как средство общения людей. Он отмечает связь и взаимодействие языка и мышления.

В первом параграфе «Российской грамматики» он пишет: «По благороднейшем даровании, которым человек прочих животных превосходит, то есть правителе наших действий — разуме,

первейшее есть слово, данное ему для сообщения с другими своих мыслей. Польза его столь велика, коль далече ныне простираются происшедшие от него в обществе человеческом знания, которые весьма бы тесно ограничены были, если бы каждый человек воображенные себе способом чувств понятия только в собственном своем уме держал сокровенны. Когда к сооружению какой-либо машины приготовленные части лежат особливо, и некоторая определенного себе действия другой взаимно не сообщает, тогда все бытие их тщетно и бесполезно. Подобным образом, если бы каждый член человеческого рода не мог изъяснить своих понятий другому, то бы не токмо лишены мы были сого согласного общего течения дел, которое соединением разных мыслей управляется, но и едва бы не хуже ли были мы диких зверей, рассыпанных по лесам и по пустыням».

Таким образом, Ломоносов утверждает, что язык существует в обществе, что он является средством общения и представляет собой одно из важнейших условий культурного и социального развития общества.

Он описывает семантико-грамматические признаки восьми частей речи: имени существительного, местоимения, глагола, причастия, наречия, предлога, союза, междометия, подробно характеризует морфологическую систему литературного языка, обращая внимание как на архаические формы (например, формы предл. пад. ед. ч. жен. рода *в земли, на земли*, формы род. пад. мн. ч. муж. рода с твердой основой без флексии *предел, сопостат*, дательный самостоятельный *бывшу мнѣ на морѣ, восстала сильная буря* и т. д.), так и на живые формы (например, творит. пад. мн. ч. от существительных жен. рода с основами на мягкий согласный с окончанием *-ями*: *добродетелями, лошадьми*, глагольные формы прошедшего времени *брак* от *брякать*, *глядь* от *глядѣть*).

Основой произносительной системы русского литературного языка Ломоносов считает московское наречие, которое «не токмо для важности столичного города, но и для своей отменной красоты прочим справедливо предпочитается». Поэтому самое характерное явление, по мысли ученого, для произносительной системы «русского языка» — это акаше. Ломоносов подробно описывает систему русских гласных и согласных.

При общности лингвистической цели описания в «Российской грамматике» Ломоносова — дать систему русского литературного языка середины XVIII века — можно отметить четыре исследовательских метода изучения языкового материала: сравнительно-исторический, функционально-стилистический, нормативно-описательный и метод социально-речевых оценок.

Ломоносов заложил основы сравнительно-исторического метода в языкознании и установил родство славянских языков и других групп индоевропейского семейства за несколько десятилетий до английского языковеда Вильяма Джонса (1746—1794) и более чем за полвека до того, как это связано обосновал немецкий лингвист, профессор берлинского университета Франц Бопп (1791—1867). Ломоносов применил сравнительно-исторический метод для создания нормативно-стилистической грамматики русского языка. Это было важно сделать, так как при близкородственном двуязычии в России — русском и «славенском», когда обе культурно-языковые стихии смешивались или когда русское неправомерно уподоблялось «славенскому», необходимо было разграничить русское и «славенское» начало в истории русского литературного языка и разработать принципы их описания. Сравнительно-исторический метод выступал в качестве предварительного условия для создания научно обоснованного описания грамматики нового литературного языка.

Ломоносовское разграничение русского и старославянского языков, принятое современным языкознанием и ставшее традиционным, в то время было важным научным открытием, так как испого представления о различии родственных языков у ученых не существовало.

В «Российской грамматике» постоянно сравниваются слова, фразеологизмы и грамматические формы русского, польского, чешского, сербского и других славянских языков. Ломоносов сопоставляет структурные особенности славянских языков с другими языками индоевропейской семьи. Приведем две иллюстрации.

Говоря об исчезновении в русском языке особой части речи — грамматического артикля, который в славянской лингвистической терминологии назывался грамматическим членом, Ломоносов пишет, что восемь частей речи «должны быть по своей необходимости во всяком языке». И хотя под влиянием греческих грамматик в русскую грамматику вводится девятая часть речи — грамматический член, «оний принадлежит без сомнения до местоимений и не больше может составлять особливую часть слова, как у немцев *der, die, das*, у французов *le, la*».

Рассматривая систему форм склонения в русском языке, Ломоносов отмечает, что «по самой натуре человеческого слова все надежи (именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, звательный — *V. V.*) потребны, притом и довольны (т. е. достаточны — *V. V.*). Однако на то невзирал, некоторые языки имеют в них недостаток, и для того им один падеж вместо двух служит. Иные имеют в том избыток, и что у прочих один падеж

изображает, то и два разделяют. Российский язык избыточествует перед прочими для некоторых предлогов седьмым особливим надежом, который без них нигде не употребляется. Например: город, городахъ, рукахъ, побѣдахъ просто сказать нельзя, но с предлогами: въ город, при городахъ, на рукахъ, в побѣдахъ. В «Славянской грамматике» (Мелетия Смотрицкого.— В. В.) назван он сказательным, но свойственное назван быть может предложным).

Разрешив с помощью сравнительно-исторического метода проблему разграничения русского и старославянского языков, Ломоносов обращается уже к другой проблеме — проблеме описания структуры нового литературного языка и его функционально-речевых разновидностей. Ученый выясняет, как в результате сложных процессов взаимодействия между системами княжнославянского и русского языков, начавшихся с конца XVI века, эти близкородственные стихии перестают быть отдельными языками и создают единый литературный язык на общерусской народно-речевой основе с функциональными разновидностями, которые он называет «штилями» — высоким, средним и низким.

В основу грамматического описания Ломоносов кладет метод функционально-стилистической характеристики нового русского литературного языка и его речевых разновидностей.

«Российская грамматика» была первым подлинно научным трудом в русской науке, содержащим описание норм нового литературного языка. Описание норм, по мысли Ломоносова, должно быть построено на внимательном изучении характера речевого употребления говорящих по-русски. Не всякое употребление может служить образцом для описания норм, а только «лучшее рассудительное употребление», которое ученый находит в «общем употреблении» или в «повседневном употреблении». «Худые примеры — не закон» — так он определяет свою лингвистическую позицию. В тех случаях, когда в грамматическом исследовании невозможно собрать варианты нормы и, как пишет Ломоносов, «привести их под правила», тогда их «надлежит оставить общему всех учителю — повседневному употреблению».

Ломоносов вскрывает диалектическую зависимость между употреблением (узусом) и нормой, отраженной в грамматике. Грамматика, считает он, должна строиться на изучении речевого опыта говорящих и пишущих по-русски. Обогащенная этим опытом, она возвращает говорящим и пишущим «лучшее рассудительное употребление» в виде норм, правил и рекомендаций, являясь важнейшим средством развития общества, совершенствования языковой культуры народа. Ломоносов пишет, что грамматика «от общего употребления происходит, однако правилами показывает

путь самому употреблению. Тончайшие философские воображения и рассуждения, многообразные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи. И ежели чего точно изобразить не можем, на языке нашему, но недовольному своему в нем искусству приписывать долженствуем».

Всю «Российскую грамматику» пропизывает исследовательский метод социально-речевых оценок (он, кстати говоря, присутствует и в других филологических сочинениях Ломоносова), который основан на теории языкового вкуса, разработанной европейским языкознанием XVIII века. По мысли ученого, следование социально-речевым оценкам, которые выявляются из общего опыта хорошо говорящих по-русски и корректируются грамматикой, дает возможность создать представление о «правильном российском штиле». В тех случаях, когда в языковой практике существует предпочтительность выбора того или иного слова, грамматической формы и конструкции с точки зрения социально-речевых оценок, Ломоносов обосновывает этот выбор. Поэтому он постоянно указывает, какое употребление «приличнее» или «пристойнее», «приличнее положить» или «в пристойные места взять», какое «обыкновенно слуху» и какое «дикое и слуху несносно» или «слуху досадно», какое «неправедно», «неправильно», «весьма развратно», «весьма странно и противно способности легкого чтения». В пестрой картине советов и рекомендаций, существовавших в речевой практике послепетровского времени, авторитетные грамматические предписания Ломоносова имели жизненно важное значение для нормализации нового литературного языка.

Реформа русского литературного языка, произведенная Ломоносовым, встретила полное одобрение в широких слоях русского общества. «Российская грамматика», другие филологические сочинения и литературно-художественные произведения Ломоносова оказали большое влияние на развитие русского литературного языка, много сделали для усовершенствования культуры письменной и устной речи. Поэтому, подводя итоги своей научной и литературной деятельности в Академии, Ломоносов с полным правом писал в одном служебном документе: «Одами, публичными речьюми и диссертациями пользовал и украшал я Академию перед всем светом двадцать лет. На природном языке разного рода моими сочинениями, грамматическими, риторическими, стихотворческими, историческими, также и до высоких наук подлежащими физическими, химическими и механическими стиль российской в

минувшие двадцать лет несравненно вычистился перед прежним и много способнее стал к выражениям идей трудных, в чем свидетельствует общая апробация моих сочинений и во всяких письмах употребляемых из них слова и выражения, что к просвещению народа много служит».

На Ломоносова, как на автора первой научной грамматики русского языка, легла обязанность разработать самый тип ее издания. С этой задачей он справился блестяще. Опыт и такт Ломоносова как преподавателя удержали грамматику от перегрузки рассуждениями научно-исследовательского характера. Она сделалась одним из популярных учебных руководств по русскому языку. Многие поколения русских людей обязаны ей своим знанием литературного языка, своей грамотностью.

На протяжении XVIII века «Российская грамматика» неоднократно переиздавалась. При жизни ее автора она была издана дважды, а после кончины ученого — трижды: в 1771, в 1777 и в 1784 годах. В 1764 году в Санкт-Петербурге был опубликован немецкий перевод «Российской грамматики», который дал возможность познакомиться широкого европейского читателя с образцовым описанием нового русского литературного языка.

Весь последующий период в истории русской грамматической мысли вплоть до появления в 1831 году «Русской грамматики» А. Х. Востокова должен быть по праву назван ломоносовским. Идеи «Российской грамматики» видны в основе всех учебных руководств по русскому языку, написанных для русских учащихся грамматистами и методистами второй половины XVIII — начала XIX веков.

Для современных исследователей русского языка подвиг Ломоносова служит образцом подлинно научного описания родного языка, примером того, как следует прокладывать новые пути в изучении русского языка, который великий ученый уподоблял «безмерно широкому полю или, лучше сказать, едва пределы имеющему морю».

История одной эпиграммы

ИЗ «РИТОРИКИ» М. В. ЛОМОНОСОВА

М. Ф. МУРЬЯНОВ,
кандидат филологических наук

Ломоносовская «Риторика» возникла не на пустом месте, этому произведению предшествовал, начиная с античности, длинный ряд других «Риторик». Жанр «Риторики» как руководства не предполагал авторского разграничения на свое и чужое, не требовал дискуссии с другими точками зрения. Текст книги разбит на параграфы, что само по себе говорит об изложении хорошо устоявшихся понятий, которые надлежит принимать как твердые правила, основанные на историческом опыте риторического искусства. Они диктуются не автором данной книги, а всей традицией риторического искусства и являются объективной истиной.

Содержание «Риторики» излагается не от первого грамматического лица. Исключение из этого принципа делается Ломоносовым в том месте «Риторики», где он говорит о *витиеватых речах* (§§ 130—131) и выражает свое отношение к ним, противопоставленное западноевропейской моде: «Сие показываем не с таким намерением, чтобы учащиеся меры не знали и последовали бы нынешним италянским авторам, которые, силясь писать всегда витиевато и не пропустить ни единой строки без острой мысли, нередко завираются» (§ 130). По определению автора, *витиеватые речи* «суть предложения, в которых подлежащее и сказуемое сопрягаются некоторым странным, необыкновенным или чрезвычайным образом, и тем составляют нечто важное или приятное» (§ 129). Соответственно этому русский мыслитель классифицирует виды «сопряжений» и иллюстрирует их примерами. Описание стилистической фигуры, «когда разные части уподобляются частям другой вещи и потом целое с целым

снесется», сопровождается «Примером из Марциала»:

На белых волосах у Аппия зима,
И лето на глазах, горящих от вина;
Как пьет, то по посу фиалки расцветают
И точно тем весны средину представляют;
Как в осень, щеки все брусники полны зрелой.
Не всяк ли видит: год изображен тут целой?

Риторика, § 133, 6

Чтобы вникнуть в мысль Ломоносова, пужно отчетливое, всестороннее понимание приведенного им примера. Что же это за текст?

Редакторы филологического тома Полного собрания сочинений Ломоносова академик В. В. Виноградов, член-корреспондент АН СССР С. Г. Бархударов и Г. П. Блок сообщили о нем единственное: «Источник цитаты не установлен» (т. 7, с. 824). В следующем томе Полного собрания сочинений текст стихотворения был повторен и снабжен новым примечанием, автором которого названа В. Н. Макеева: «Эпиграмма, принадлежащая, по-видимому, самому Ломоносову» (т. 8, с. 862, 925).

Заслуга убедительного, блестящего решения задачи принадлежит В. Е. Васильеву, готовившему ломоносовский «Пример» для антологии русских эпиграмм в серии «Библиотека поэта». Составленное им примечание разъясняет: «Перевод анонимного латинского четверостишия «In niveis Appi iam regnat bruma capillis...», приведенного в 3-м издании риторики «Orator extemporaneus» (1672) преподавателя Брунsvикской иезуитской коллегии М. Радау. Латинский текст эпиграммы воспроизведен в курсе лекций 1726. года преподавателем Московской славяно-греко-латинской академии Исаакием Хмарным. Ее автором он ошибочно указал Марциала, а Ломоносов, очевидно, доверился этому указанию» (Русская эпиграмма. Л., 1975, с. 631).

Тем самым перед нами открывается заманчивая возможность увидеть Ломоносова-латиниста, работающего над отделкой поэтического перевода. Прежде чем приступить к анализу текста, позволим себе несколько соображений к примечанию коллеги В. Е. Васильева.

Русская печатная продукция XVIII века каталогизирована в общегосударственном масштабе, курс лекций Исаакия Хмарного в ней не числится. Формулировка примечания позволяет думать, что речь идет о рукописном конспекте, однако это не так: академик В. Н. Петец держал в руках рукописный сборник Киево-Софийского собора № 482, начинающийся пивтвкой на латинском языке, переписанной с печатного издания под названием «Officina

praestantissimae artis poeticae diligentibus rossiacaе Minervae operariis edita atque omnium idoneorum praeceptorum cultu adornata per reverendum patrem Isaacium Chmarny. Anno Domini 1726 et 1727», то есть «Мастерская превосходнейшего поэтического искусства, изданная для усердных служителей российской Минервы и украшенная изяществом всех приличествующих авторитетов преподобным отцом Исаакием Хмарным. Лета Господня 1726 и 1727». Далее в сборнике находилась «Драма о царе Езекии» Хмарного (В. И. Перетц. Памятники русской драмы эпохи Петра Великого. СПб., 1903).

Нет сведений о том, был ли Исаакий Хмарный учителем Ломоносова в Славяно-греко-латинской академии, были ли они знакомы по каким-либо другим обстоятельствам, знал ли Ломоносов его книгу. Возможно, что все это так. Но можно допустить и отсутствие этого промежуточного звена, то есть непосредственное обращение Ломоносова к «Импровизированному оратору» — книге, много раз издававшейся в разных странах, в последний раз — в 1739 году. Был ли ее автором брауншвейгский иезуит Михаэль Радау или пекий Георг Беккер из Эльбинга, под именем которого она вышла в первом издании 1650 года, — на этот вопрос нет уверенного ответа (Chr. G. Jöcher. Allgemeines Gelehrten-Lexikon. 3. Bd. Leipzig, 1751, Sp. 1863). Интересующая нас строфа состоит не из четырех, а из пяти стихов, она впервые появилась не в третьем, а во втором издании «Импровизированного оратора» (Амстердам, 1661), которое имеется в Отделе редких книг Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Цитируем полностью:

In niveis Appi jam regnat bruma capillis,
Inque oculis semper vino flammantibus aestas,
Baccifer autumnus pingit nasumque genasque,
Cumque bibit florum dulce illi ad tempora ver est;
Sic potans totum in vultu gerit Appius annum.

(pars I, capitulum I, quaestio VIII)

В белоспешных волосах Анпия уже властвует зима,
и в глазах, всегда горящих вином, — лето;
Плодородная осень красит и нос, и щеки,
и когда пьет — приятно цветущая ему сейчас есть весна.
Так, пьющий, Анпий изображает на лице весь год.

(часть I, глава I, вопрос VIII)

При чтении эпиграммы в «Импровизированном ораторе» называть ее автором Марциала, мастера античной эпиграммы, Ломоносов мог независимо от Хмарного, в заблуждение вводит сама книга. Она содержит примеры из множества авторов, в том числе

из Марциала. После одного такого примера, имеющего корректное написание «Марциал, книга 8, эпиграмма 46», дается интересное нас стихотворение, написанное эллипсисом, то есть с пропуском обычно легко подразумеваемого слова: «Item in ebrium Appium» — «Также на пьяного Аппия». Когда при чтении вопрос об авторстве — не самоцель, неправильное понимание этой строки весьма вероятно: неясно, к чему относится «Item» — «также Марциал» или «также пример».

Можно с полной уверенностью сказать, что данная эпиграмма — не произведение античной поэзии. Классическая филология сегодня достаточно организована, чтобы не оставлять вне поля зрения ни одной древнеримской строчки, хотя бы однажды опубликованной учеными после возникновения книгопечатания, потерь античных текстов на этом этапе истории культуры уже не бывало. Если охватывающий всю античную латынь, начавший выходить с 1900 года грандиозный словарь «*Thesaurus linguae Latinae*» не включил в свой цитатный материал нашу строфу, то сделано это сознательно и должно пониматься так, что доказательств древности текста не существует, речь идет о произведении новолатинской поэзии. Латинские стихи сочиняла учная Европа, начиная от Петрарки, Меланхтона и до эпохи Просвещения, художественным идеалом была латынь античности. Лишенная живых соков народности, творимая на неразвивающемся языке, новолатинская поэзия компенсировала свою органическую ущербность уточненной образованностью.

Поэты-профессора состязались в знании древних авторов и стилистических различий между ними, чем в немалой степени способствовали созданию благоприятной атмосферы для развития литературы на живых языках, для совершенствования поэтической техники. В этом отношении новолатинских поэтов можно сравнить с садовниками, прививающими благородную, но слабую ветвь к мощному, полному здоровья молодому дичку, с тем, чтобы развилось и плодоносило культурное дерево. Поэтическое искусство нового времени многим обязано античной латинской поэзии. Это относится и к русской поэтической культуре, переживавшей такую прививку как раз в стенах Московской славяно-греко-латинской академии. Однако сегодня изученность новолатинской поэзии, в отличие от поэзии древнего Рима, мала, проблема авторства трудно разрешима, и приходится довольствоваться констатацией анонимности нашей эпиграммы.

Обратимся к содержанию стихотворения. Перед нами портрет старого человека, судя по имени — римлянина. Нельзя сказать с определенностью, отображают эти стихи непосредственно живого

Аппия или же являются подписью к его портрету, написанному маслом на холсте, в эпоху Барокко подобного рода подписи к произведениям живописцев имели распространение (см.: G. Kranz. Das Bildgedicht in Europa. Zur Theorie und Geschichte einer literarischen Gattung. Paderborn, 1973). Так или иначе, но художественное видение и латинского поэта, и его русского переводчика в высшей степени живописно, причем Ломоносов пишет отнюдь не в традициях русской парсуиной живописи, с ее статичной линейностью форм, унаследованной от иконописцев, а так, как писали западноевропейские живописцы, как можно было писать только после Рубенса и Рембрандта.

Впечатление — чисто колористическое, мы как бы видим цветные пятна, не имеющие линейных очертаний. Верх головы снежно-белый, воображение досказывает, что под шапкой седых волос — смуглое лицо южанина. Латинский оригинал сдержанно намекает, что *плодоносная осень окрашивает* (*baccifer autumnus pingit*) не только щеки, но и нос (исходное *baca* — «плод садового дерева», а в поэтическом языке — «перл», то есть нечто с сизоватым оттенком, как тончайший палет на спелой сливе или ягоде винограда; к тому же, по мнению этимологов, для *baca* «соблазнительно сближение» с именем Вакха: A. Ernout, A. Meillet. Dictionnaire étymologique de la langue latine, t. 1. Paris, 1959). Ломоносовское переложение остроумно уточняет цвета, связывая их вовсе не с садовыми плодами. Нос приобретает цвет фиалок, причем не постоянный, а подвижный, живой, предательски паливающийся от вина, от которого по-весеннему молодеет дух старого Аппия. Цвет римских фиалок известен, Плиний их называет *violae purpureae*. Латинисту, читающему Ломоносова, есть от чего прийти в восторг при этой переводческой подмене понятий: из фиалок, по свидетельству Цицерона, римляне делали себе пиршественные венки на головы, фиалки разбрасывались по подушкам, на которых возлежали пирующие (Тускуланские беседы, V, 73), но вместе с тем фиалками же в определенный день года воздавались почести умершим. Лишь в одном ошибся Ломоносов: фиалки не *весны средина* представляют, а весны начало. Они, по Овидию, — вестники пробуждения природы, первые цветы, собираемые детьми (Трестия, III, 12, 5).

Багровые мясистые щеки Аппия окрашены в цвет зрелой брусники — ягоды, которая и в голову не пришла бы римскому поэту, поскольку в Среднеземноморье брусника не растет, это ягода северная, по преимуществу русская, ее немецкое название *Preisselbeere* немцы признают славянизмом (H. H. Bielfeldt. Deutsch Preisselbeere «*Vaccinium vitis-idaea*», seine Herkunft und

Wortgeschichte.— Zeitschrift für Slawistik, 16. Bd. Berlin, 1974). Обращает на себя внимание, что в только что вышедшем в свет выпуске академического «Словаря русского языка XVIII века» (вып. 2, Л., 1985) слово *брусника* дано не ранее чем по контексту 1791 года, дневнику путешествия П. И. Челищева по северу России (самым ранним свидетельством является хозяйственный документ 1690 г., процитированный «Словарем русского языка XI–XVII вв.», вып. I, М., 1975). Следовало ли опускать свидетельство поэтического языка Ломоносова? Конечно, можно вынужденно согласиться, что это словоупотребление уж очень индивидуально, более того — уникально, а в применении к римскому портрету даже неправомерно, так как античная латынь такого цветообозначения не знает. И все же в данном случае чувство неудовлетворенности Словарем XVIII века в какой-то степени остается: ведь написан русский портрет римлянина, и Ломоносов знал, что делал, когда добавил в палитру специфически русскую краску, радующую глаз и сердце земляков. Не для римлян же этот портрет писался, зачем же русским словарщикам отказываться от этого поэтического подарка! К тому же, сам Ломоносов определил для портрета Аппия место не где-нибудь, а в «Риторике», призванной участвовать в «формализации нового литературного языка на всех уровнях словаря и стилистики» (В. П. Вомперский. О лингвистическом значении «Риторике» М. В. Ломоносова.— В сб.: Памяти академика В. В. Виноградова. МГУ, 1971).

Самое выразительное на лице и в то же время самое трудное для портретиста — глаза человека. Чисто колористическими средствами их содержание не изобразить, но в данном случае надо было придерживаться общего принципа — писать обозначающими цветом словами. Нужный эпитет был подобран. *Горящие* глаза — это и цвет, и вместе с тем не цвет. Цвет — потому что в параллель поставлено жаркое римское лето, пора полного расцвета всех красок южной природы. Не цвет — потому что все горящее должно иметь цвет пламени, а глаза его не имеют, здесь горит невещественное, эмоция. Слова с ускользающим смыслом, как известно, нежелательны в деловой речи, но в искусстве, особенно в поэзии, они находят на своем месте.

Каждый из четырех цветов палитры соотнесен с определенным временем года. С другой стороны, эти четыре цветовых пятна составляют целостный облик Аппия, такого, какой он есть. Другую целостность составляет годовой круг, слагаемый из четырех равных частей, переданных не в привычной для нас календарной последовательности, а как две антитезы: зима — лето, затем весна — осень. Во второй антитезе Ломоносов сделал инверсию по отношению к

латинскому оригиналу, умышленно или случайно получив такую же очердность всех частей годового круга, какая имеется в оказавшей заметное влияние на европейские литературы поэме «Времена года» (1726–1730) Джеймса Томсона, предполагаемого автора английского гимна «Правь, Британния!» («Rule, Britannia!»).

Итак, части одного целого связаны с частями другого целого (филалки — с весной, и т. д.), но и само целое соотносено с другим целым: лицо Аппия — с годовым кругом. Полностью соблюдены все условия выдвинутого в «Риторике» теоретического тезиса о *витивеатой речи*: «разные части уподобляются частям другой вещи и потом целое с целым сполнится». Удачно ли подобран пример, является ли он действительно витивеатым? Ответ на этот вопрос зависит от того, что понимать под словом *витивеатый*. Старые словари определяли *витивеатый* как «красноречивый» — и только. В наше время, по определению Большого академического словаря, *витивеатый* — это «замысловатый, затейливый, изысканный, лишенный простоты, неестественный», и, пожалуй, ни один поэт такой похвалы принять не пожелает. Новые поэты пишут иначе. Все поколения поэтов от Пушкина до наших дней существенно преобразовали литературный вкус общества. Преобразования эти будут продолжаться, «*доколь в подлунном мире Жив будет хоть один поэт*».

Однако это не означает, что критерии одного века можно применять к поэзии другого века и, найдя несоответствие, выносить осуждающий приговор. Литературно образованный читатель испытывает неизъяснимое наслаждение как раз от того, что он научился и умеет настраивать свое эстетическое восприятие на разные эпохи, на разные культуры, по возможности не прибегая к услугам переводчиков, хотя знать все языки, на которых написаны прекрасные стихи, к сожалению, невозможно. В данном случае литературно образованный читатель найдет, что латинская эпиграмма переведена Ломоносовым талантливо, ярко, хотя и с некоторым превышением прав переводчика в их сегодняшнем понимании. Конечные результаты являются вполне творческими, поставленной задаче соответствуют «и тем составляют нечто важное или приятное».

«Лучшее его произведение во всех отношениях»

О ЯЗЫКЕ И СТИЛЕ «СЛОВА О ПОЛЬЗЕ ХИМИИ»
М. В. ЛОМОНОСОВА

Г. И. ШКЛЯРЕВСКИЙ,
профессор Харьковского университета

Шестого мая 1751 года президент Академии Российской К. Г. Разумовский поручил профессору химии М. В. Ломоносову произнести на заседании Академии «российскую речь, которая бы состояла в ученой какой ни есть материи, а не в похвальном слове» (Пекарский П. П. Жизнеописание М. В. Ломоносова, — В кн.: История имп. Академии наук в Петербурге. Т. II, СПб., 1873).

Перед Ломоносовым не мог не возникнуть вопрос: чему посвятить выступление? Он выбрал — химию. И не случайно. По его убеждению, именно химия «широко распространяет руки свои в дела человеческие» и раскрывает перед исследователями процессы изменений и превращений веществ (Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.—Л., 1951, т. II, с. 362, далее цитируется по этому изданию). Об этом и о связи теории с практикой решил сказать Ломоносов на заседании Академии.

«Слово о пользе химии» — блестящий образец научно-публицистической ораторской прозы. И закономерно, что такой тонкий сти-

лист, каким был К. Н. Батюшков, говоря об этом произведении, считал необходимым подчеркнуть: «Слово о химии, по моему мнению, есть лучшее его произведение во всех отношениях» (Батюшков К. Н. Сочинения. СПб., 1885, т. II, с. 346).

Ломоносов поставил перед собой задачу — убедить слушателей в своей правоте вообще и в справедливости отдельных конкретных умозаключений в частности. Для этого было необходимо наполнить речь новыми интересными фактами, логическими, стройными выводами и такими словами и выражениями, которые бы действовали не только на интеллект, но и на чувства слушателей. В своей «Риторике» Ломоносов писал: «Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об одной мнению». Речь образцового оратора, по его убеждению, должна отличаться содержательностью, образностью, ритмической организованностью и правильностью произношения.

Перед Ломоносовым-автором «Слова о пользе химии» стояла более сложная задача — выступить не в высоком «штиле» поздравительных речей, для которых «вступление должно быть цветно и приятно, тропами, фигурами и витиеватыми речью, как драгоценными камнями, украшено», а в ином, который он определил через пять лет в «Рассуждении о пользе книг церковных в российском языке». Это — «средний штиль»: «в прозе предлагать им пристойно описание дел достопамятных и учений благородных».

В «Слове о пользе химии» в гармоническом единстве выступает мастер высокохудожественной речи, создатель ярких, блестящих ее образцов и гениальный ученый, теоретик и практик, знающий цену наблюдению, факту и обобщению, выраженному в точных, предельно ясных и логически стройных речевых формулах. Впоследствии президент АН СССР академик С. И. Вавилов проникновенно и справедливо скажет, что «М. В. Ломоносов был ученым в поэзии и искусстве и поэтом и художником в науке» (Вавилов С. И. Ломоносов и русская наука. М., 1945).

Образность, риторическая приподнятость, научная логичность и стройность — из этих стилистических особенностей, зачастую взаимоисключающих, но в данном случае взаимопроникающих и сливающихся воедино, и сложилась речевая ткань «Слова о пользе химии».

Его начало — своеобразная увертюра, не только доносящая до слушателей основную, ведущую мысль произведения, но сразу же эмоционально их настраивающая. Это гимн науке, просвещению. Причем доказательство их общественной пользы Ломоносов строит в форме риторического вопроса: «Такое приятное, беспорочное и полезное упражнение где способнее, как в учении, сыскать мож-

но?» Не случайно ключевое утверждение Ломоносов облекает в форму вопроса, который, по его словам, служит «не для испытания неизвестных, но для сильнейшего изображения известных вещей».

Далее оратор рисует перед аудиторией контрастные образы «европейского жителя», образованного и «в науках сведущего», и невежественного дикаря, «скитающегося в степях американских».

Строгая и точная логика доказательств ученого выступает в единстве с поэтическим, образным мышлением художника.

Противопоставления, семантические параллелизмы с инверсионным построением (например, характерное для прозы Ломоносова расположение сказуемых в конце предложения), эмоциональные эпитеты и метафоры делают его рассуждения не сухо дидактичными, а взволнованными, ритмически организованными, эмоционально воздействующими на слушателей. «Один лет своей жизни или краткого веку детей своих показать не знает, другой по токмо прошедших времен многоразличные... приключения, в патуре и обществах бывшие, по летам и месяцам располагает, но и многие будущие точно предвозвещает. (...) Поставьте человека, лиственным или сырою звериною кожею едва наготу свою прикрывающего, при одянном златотканными одеждами и украшенном блистанием драгоценных камней». И далее: «Воззрите мысленными очами вашими на плывущего через малую речку на связанном тростнике и на стремящегося по морской пучине на великом корабле, надежными орудиями укрепленном, силою ветра против его же самого бегущем... Не ясно ли видите, что один почти выше смертных жребия поставлен, другой едва только от бессловесных животных рознится; один ясного познания приятным сиянием увеселяется, другой в мрачной ночи невежества едва бытие свое видит?» (Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. 1951, т. II).

Предложения с рядом излюбленных Ломоносовым метафор, состоящих из соединения абстрактных существительных с эмоционально окрашенным родительным определительным падежом («ясного познания приятное сияние», «мрачная ночь невежества» и др.), завершаются выразительным, анафористическим по своей структуре восклицанием: «Толь великую приносит учение пользу, толь светлыми лучами просвещает человеческий разум, толь приятно есть красоты его наслаждение!». Так вдохновенно и поэтично венчает он свою главную и любимую мысль: «науки юношей питают, отраду старцам подают».

Своеобразным мостиком, по которому Ломоносов подводит слушателя к непосредственной теме своего выступления — химии, служит мастерски построенный период, в котором оратор сообщает

о своем бессилии описать всю необъятность наук, охватывающих земное естество. Четкая ретмика периода (анафоры «желал бы...», соединенные со следующими за ними синтаксическими параллелизмами), выразительные перифразы (знание, наука — это «храм человеческого благополучия»), эпитеты высокого стиля («премудрые и трудолюбивые мужи») — все это делает речь не только убеждающей, но и эмоционально воздействующей на слушателя, волнующей его.

Обратимся к авторскому тексту и убедимся в этом сами: «Желал бы я вас ввести в великолепный храм сего человеческого благополучия, желал бы я вам показать в нем подробно прониканием остроумия и неусыпным рачением премудрых и трудолюбивых мужей изобретенные пресветлые украшения, желал бы удивить вас многообразными их отменами, увеселить восхищающим изрядством и привлеци к ним неоцененною пользою, ко к исполнению такового предприятия требуется больше[с] моего разумение, большее моего красноречие, большее время потребно, нежели к совершению сего намерения позволяется. Того ради прошу, последуйте за мною мыслями вашими в едип токмо внутренний чертог сего великого здания, в котором потщусь вам кратко показать некоторые сокровища богатая природы и объявить употребление и пользу тех перемен и явлений, которые в них химия производит».

Далее Ломоносов приступает к непосредственному изложению своих взглядов на химию, на ее задачи, связанные с другими науками, на необходимость неразрывного единения теории и практики.

Эта часть «Слова о пользе химии» начинается предложениями, резко отличающимися от вступления своей синтаксической простотой, лексической четкостью и определенной научной сухостью, приближающимися по своей смысловой емкости и лапидарной выразительности к афоризмам: «Науки подают ясное о вещах понятие и открывают потаенные действия и свойств причины; художества (промышленность, ремесла. — Г. III.) к приумножению человеческой пользы оные употребляют. Науки довольствуют врожденное и вкорененное в нас любопытство; художества списканием прибытка увеселяют. Науки художествам путь показывают; художества происхождение наук ускоряют».

Одной из специфических черт красноречия Ломоносова является нагнетание однородных членов предложения, например дополнений, служащих для подчеркивания правильности и неизбежности появления отрицательного ответа на задаваемый вопрос: «Ибо как можем рассуждать о теле человеческом, не зная ни сложения костей и составов для его укрепления, ни союза, ни положения мыш-

цей для движения, ни распростертия нервов для чувствования, ни расположения внутренностей для приуготовления питательных соков, ни протяжения жил для обращения крови, ни прочих органов сего чудного строения?».

Одна из важнейших мыслей ученого — необходимость знания для химика смежных естественных наук. С помощью художественных уподоблений и сравнений, построенных на олицетворении и метафорах, Ломоносов доносит до слушателей это актуальное и важное положение: химик должен быть разносторонним, изобретательным наблюдателем, использующим все возможные пути для изучения интересующего его объекта.

«Когда от любви беспокоящийся жених желает познать прямо склонность своей к себе невесты, тогда, разговаривая с ней, замечает в лице перемены цвету, очей обращение и речей порядок, наблюдает ее дружба, обходительства и увеселения, выспрашивает рабынь... и так по всему тому точно уверяется о подлинном сердца ее состоянии. Равным образом прекрасная природы рачительный любитель, желая испытать толь глубоко сокровенное состояние первоначальных частиц, тела составляющих, должен высматривать все оных свойства и перемены, а особливо те, которые показывает ближайшая ее служительница и наперсница и в самые внутренние чертоги вход имеющая химия, и когда он разделенные и рассеянные частицы из растворов в твердые части соединяет и показывает разные в них фигуры, выспрашивать у осторожной и догадливой геометрии, когда твердые тела на жидкие, жидкие на твердые перемещает и разных родов материи разделяет и соединяет, советовать с точною и замысловатою механикою, и когда чрез слитие жидких материй разные цветы производит, выведывать чрез проницательную оптику. Таким образом, когда химия, пребогатая госпожи своей потаенные сокровища разбирает, любопытный и неусыпный натуры рачитель, оная через геометрию вымеривать, через механику развешивать и через оптику высматривать станет, то весьма вероятно, что он желаемых тайностей достигнет».

Привычный слушателям перифраз («натуры рачительный любитель» — исследователь тайн природы), красочная и точная метафора (химия — «наперсница и служительница природы»), выразительные эпитеты, характеризующие олицетворенные, одушевленные науки — геометрию, механику, оптику, — новая, созданная Ломоносовым и легко усваиваемая слушателями научная терминология в устах оратора превращаются в сложный речевой стиль, который с полным основанием можно считать (для середины XVIII века) образцом живого, как бы мы сейчас сказали, научно-популярного изложения.

Не случайно именно эта часть «Слова о пользе химии» вызвала пристальное внимание К. П. Батюшкова: «Здесь удивляюсь, первое, красоте и точности сравнения, второе, — порядку всех мыслей и потому всех членов периода, третье, — точности и приличию эпитетов: все показывает, что Ломоносов писал это от избытка познания. В самом изобилии слов он сохраняет какую-то особенную строгую точность в языке совершенно новом. Каждый эпитет есть плод размышлений или отголосок мыслей: догадливая геометрия, точная и замысловатая механика, пронизательная оптика» (Батюшков К. П. Сочинения, т. II, СПб., 1885, с. 345).

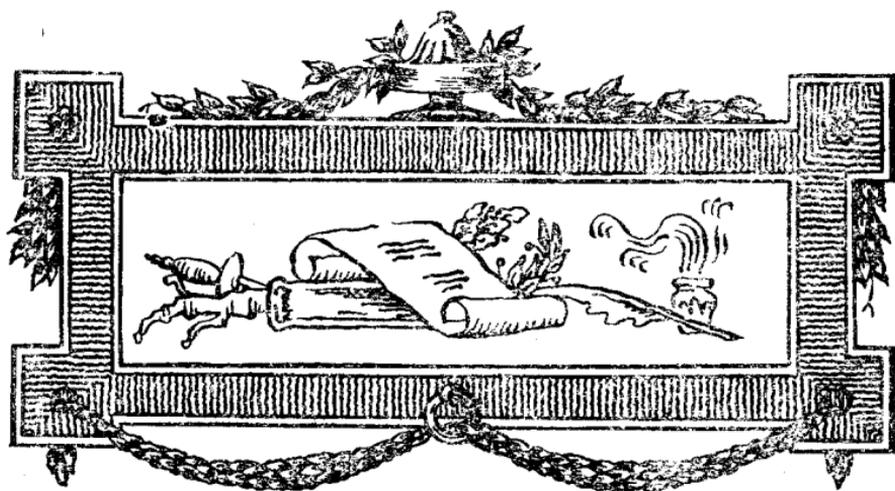
В «Слове о пользе химии» Ломоносов щедро пользуется элементами стилистики созданных им художественных произведений, а зачастую и их образами.

Так, рассуждая о роли огня-теплоты в жизни природы и человека, он эту часть речи превращает в лирическое отступление с поэтическими эпитетами, художественными метафорами, интимизирующими обращениями к «приятным полям и лесам», которые только тогда «прекрасной одеждой» покрываются, когда наступает «любезная теплота».

Размышляя о значении химии в развитии металлургии, Ломоносов прибегает к сравнению деятельности ученого с подвигом аргонавтов, металла — с «золотым руном», препятствий на пути исследователя — с хоботом «толь лютого и страшного дракона», а химии — с «незлюбивой Медеей», помогающей исследователю. Как и в своих одах (например, в оде на день восшествия на престол Елизаветы — 1747), он широко употребляет высокую книжную лексику («отверзают», «вещает», «неканья», «тщетно», «сыны воздают», «простирайте»), инверсии, призванные усилить высокое, риторическое звучание речи (например, постпозитивные, расположенные после имен существительных, притяжательные местоимения — «руки ваши», «искания ваши», «стада ваши»).

В заключительной части речи, в своеобразном дифирамбе, выдержанном в стиле похвального слова, Ломоносов прославляет роль Петра I в развитии науки в России. Великий Петр «по окончании тяжких трудов военных, по укреплении со всех сторон безопасности целого отечества первое имел о том попечение, чтобы основать, утвердить и размножить в нем науки».

Соединение в одном лице филолога и ученого-естествоиспытателя, философа и поэта позволили Ломоносову создать неповторимый по смысловой емкости и образной выразительности слог художественных, научных и научно-публицистических произведений.

Ф. Глинка и „коренное русское слово“

С. Р. СЕРКОВ

В художественной литературе и критике первой половины XIX века последовательно и кропотливо вырабатывались нормы русского литературного языка. Заметную роль в этом сыграли писатели и поэты-декабристы, которые в своих литературно-критических статьях, наряду с актуальными политическими темами, затрагивали вопросы формирования и развития языка художественных произведений. Так, один из самых заметных представителей декабристской литературы Федор Николаевич Глинка (1786—1880), поэт, прозаик и публицист, успешно выступал в журналах того времени, ратуя за самобытную, глубоко народную литературу, за очищение языка художественных произведений от различных иноязычных влияний.

К языковым проблемам Ф. Глинка обратился в самом начале своей творческой деятельности, выступив в журнале «Русский вестник» с довольно объемной статьей «Замечания о языке Словенском и о Русском, или светском наречии» (1811 г.). В этой статье автор рассуждает о путях развития русского языка, а также пытается проследить историю его возникновения. Несколько раньше, в 1810 году Глинка писал: «Какой же был старинный русский язык, и не осталось ли от него некоторых следов?», и сам же на него отвечал: «Песнь о Полке Игорева разрешает отчасти сей вопрос, в пей находим свидетельство о *коренном русском слове*» (Русский вестник, 1810, № 5, с. 130).

В своих статьях Глинка призывает к борьбе за чистоту родного языка и стиля, рекомендует употреблять в литературе слова русского происхождения и осуждает чрезмерное пристрастие к словам иноязычным. «По мнению некоторых,— пишет он,— сложные речения (длинные слова.— С. С.) так же неприличны, как и слова иностранные. Мне кажется, последнее вреднее. В сложных речениях и неудачно подобранных все еще слышим нечто отечественное: слова иностранные дики для слуха и при том напоминают, что мы не рачим о собственности своей» (Русский вестник, 1811, № 7, с. 75—76).

Высказывания Глинки о языке пронизаны пафосом патриотизма. И это понятно, если вспомнить, что незадолго до этого закончилась война 1805—1807 гг., участником которой он был. Глинка полагал, что одна из основных причин оскудения русского языка кроется в «новом воспитании». Действительно, традиционное в то время дворянское воспитание и образование не способствовали глубокому изучению отечественной литературы и родного языка.

В современной литературе не увидишь и слова русского, сетует далее Глинка, потому что, «ознакомя и приуча слух, память и душу к словам иностранным, мы невольно затрудняемся в выборе и употреблении природных слов». Русское образованное общество перестало ощущать прелесть и стройность родного языка, воспринимать его своеобразие и изящество. А посему желательно, чтобы русские стали говорить и писать по-русски. Для этого, по мнению Глинки, надо, чтобы «при воспитании полагали необходимым правилом учение отечественного слова; рассудительное и несусынное чтение славянских и русских книг под руководством опытного наставника»; необходимо издавать побольше русских книг, а то «к тысячам иностранных книг, едва ли одну отечественную прибавляем», в результате чего даже «незнающие никакого иностранного языка, отвыкли от коренного русского слова и научились мыслить и изъясняться не по-русски» (там же, с. 78—79).

Эти соображения Глинки, высказанные им в «Русском вестнике», отчасти перекликаются с идеями на шумевшего «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка» адмирала А. С. Шишкова. Однако, выступив в защиту славянского наречия, Глинка тем не менее не примкнул к литературному лагерю Шишкова («шишковистам»), стремясь «брести своим путем». Но его собственное стихотворчество этого периода причудливо объединяло, казалось бы, полярные поэтические традиции, являясь на редкость пестрым и неоднородным, подчеркнуто ориентированным на архаику, витийственный и громкий гражданский пафос поэзии Ломоносова, Державина, Радищева. Идеи, провозглашенные Шишковым и его сторонниками в споре с Карамзиным о судьбах русского языка, оказались ближе творческим пристрастиям Федора Глинки. Высокое звучание «старого слога» уживалось в его поэзии с лирической, задушевной нотой, мелодичностью, и в этом, бесспорно, прослеживалось влияние Батюшкова и Жуковского.

В своих литературно-критических статьях Глинка, по сути дела, предвосхищает многие теоретические установки ранних декабристских организаций — Союза спасения и Союза благоденствия, связывавших создание русской литературы со значительно возросшим после войны 1812 года национальным самосознанием. Например, Н. И. Гнедич в «Рассуждении о причинах, замедлявших развитие нашей словесности», писал: «Слава земли российской должна наполнить и возвеличить наши сердца той благородной гордостью, должна вселить в нее навеки то уважение к самим себе и языку своему, которое одно составит истинное достоинство народа».

Основное направление предстоящих поисков писатели декабристской ориентации видели в сближении литературного языка (имелся в виду высокий книжный язык) с разговорной речью. Расширяя стилистический диапазон художественной литературы, они отвергали эстетизированную лексику карамзинистов, склоняясь к расширению словарного запаса за счет старославянского и древнерусского языков, а также элементов разговорных и просторечных. Именно широкое обращение к этим лексическим пластам, по мнению писателей-декабристов, могло способствовать выражению идей высокой гражданственности, патриотизма и вольнолюбия.

Позднее А. Бестужев-Марлинский, говоривший о языке славянском как «арсенале», из которого следует черпать «звучные слова», писал: «Обладая неразработанными сокровищами слова, мы, подобно первобытным американцам, меняем золото оного на блестящие заморские безделки» (Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения в двух тт. Т. 2. М., 1958, с. 536).

О важности, которую придавали декабристы сохранению чистоты отечественной словесности, говорит тот факт, что даже в Законоположении Союза благоденствия (§ 54) существует отдельный пункт, где рекомендуется обращать «особенное внимание на обогащение и очищение языка».

Отечественная война 1812 года, в немалой степени способствовавшая росту национального самосознания, побудила литераторов задуматься о создании литературы, ориентированной на героическое прошлое страны. В 1816 году Глинка выступает в журнале «Сын отечества» с весьма актуальной статьей «О необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года», которая явственно отражает социальные воззрения и эстетическую программу революционных дворян, направленную на возрождение национально-го прошлого России. «Сочинитель истории сей, — писал Глинка, — должен иметь все способности и все способы, приличные великому предприятию, изобразить потомству столь беспримерную борьбу свободы с насилием, веры с безверием, добродетели с пороком». Особое внимание Глинка обращал на слог историографа, который «должен быть чист, ясен и понятен не для одних ученых, не для одних военных, но для людей всякого состояния, ибо все состояния участвовали в славе войны и в свободе Отечества».

В этой работе Глинка не преминул подчеркнуть, что будущий историограф «постарается изгнать из писаний своих все слова и даже обороты речей, заимствованные из чуждых наречий», и высказал важную мысль о создании Русского военного словаря, где все специальные слова и выражения были бы понятны русскому читателю. «Таковая книга, — заключает автор статьи, — была бы подарком для отечественной словесности».

Этой же проблеме была посвящена и следующая статья Глинки «Письмо к генералу NN. о переводе воинских выражений на русский язык». «Письмо...» было обращено к начальнику Главного штаба генерал-адъютанту Синягину, который задумал составить и издать *Словарь воинских речений*. Основной задачей будущего Словаря было избавление от многочисленных галлицизмов, заполонивших воинский язык. «Издание предприемлемого Вашим превосходительством воинского словаря (для объяснения по-русски всех чужеземных слов и выражений в военных писаниях) панесет, конечно, последний удар уже из всех пределов российской словесности вытесняемой толще чужеземных речений», — восклицает Глинка. Автор статьи отмечал положительные сдвиги, наметившиеся в данном направлении: «Давно ль говорили у нас: триангул, сирконференция, эксперимент, элемент, ферментация, проблема, стратегема и проч. и проч.? Теперь говорят: треугольник, окружность, совеща-

ние, опыт, стихия, брожение, задача, военная хитрость и проч. и проч.»).

Страстный поборник самобытности родного языка, участник Отечественной войны 1812 года, гвардейский полковник Ф. Н. Глинка видел «зарю свободы» русской словесности в очищении ее от ненавистных ему галлицизмов. «Колечко, — писал он далее в «Письме...», — время уже присоединиться и воинам к мирным защитникам отечественного слова, дабы общими силами освободить язык наш, столь же сильный и величественный, как и сам народ русский, от нашествия иноплемennых наречий» (Глинка Ф. Письма к другу. Ч. I. СПб., 1816, с. 9, 35—36, 41, 52—53). И вновь в этих словах отчетливо звучит патриотический мотив, непосредственно связывающий языковую проблематику с гражданской.

Было бы несправедливо усматривать в теоретических воззрениях Федора Глинки псевдопатриотическую направленность, узконациональную ограниченность. Напротив, в своих статьях писатель-декабрист демонстрирует широкую образованность, приводит в качестве примеров, достойных подражания, произведения Т. Ливия, Т. Тассо, Ф. Шиллера и многих других иноязычных писателей, с уважением говорит о Расине и Вольтере.

Вслед за выступлениями Глинки о важности и необходимости разработки исторической темы в русской литературе, очищении русского языка от иноязычного засилья эти вопросы неоднократно будут ставиться в обзорах «Полярной звезды», в литературно-критических статьях Рыльева, Кюхельбекера и других литераторов декабристского окружения. Пафос борьбы за полноправие исконно русского языка слышен в комедии Грибоедова «Горе от ума» (и это закономерно: ведь Чацкий — человек декабристского склада). В этой борьбе, видным участником которой был Федор Николаевич Глинка, давала о себе знать колечко, известная односторонность. Понятно, что в нашем многоязычном мире невозможно полнокровное развитие национального языка вне его взаимодействия с другими языками, заимствования из которых при этом неизбежны. Но это ни в коей мере не снижает ценности идеи, во имя которой декабристы отстаивали национальную самобытность русского слова.

Рисунок В. Леонова

К уроку литературы

Слово „дорога” у Н. В. Гоголя

Б. И. МАТВЕЕВ,

В пору жизненных невзгод, тягостных переживаний, краха творческих планов Н. В. Гоголь стремился куда-нибудь уехать, лишь бы только сменить обстановку. Дорожные происшествия и впечатления помогали ему рассеяться, избавиться от дурного расположения духа и обрести внутренний покой. Возможно, один из таких моментов своей биографии он запечатлел в известном лирическом отступлении в «Мертвых душах»: «Боже! как ты хороша подчас, далекая, далекая дорога! Сколько раз, как погибающий и тонущий, я хватался за тебя, и ты всякий раз меня великодушно выносила и спасала!» (здесь и далее, помимо случаев, оговоренных особо, цитируется издание: Гоголь Н. В. Собр. соч. в 7 тт. Т. 5. М., 1978).

В пути-дороге Гоголь вынашивал и обдумывал свои будущие произведения, здесь обретали плоть и кровь его персонажи. Под звон колокольчиков и стук копыт Гоголь слушал их речи, вглядывался в выражения лиц, становился свидетелем их поступков. Благодарственным гимном дороге звучат строки писателя: «А сколько

родилось в тебе чудных замыслов, поэтических грез, сколько переживалось дивных впечатлений!..».

Чтобы не ушли, не выветрились из памяти дорожные картины, Гоголь иногда прерывал путешествие и садился писать. Сохранился рассказ самого писателя, относящийся ко времени его пребывания в Италии, об одном из эпизодов такой работы: «Со мной был такой случай: ехал я раз между городками Дженсано и Альбано, в июле месяце. Среди дороги, на бугре, стоит жалкий трактир, с бильярдом в главной комнате, где вечно гремят шары и слышится разговор на разных языках. Все проезжающие мимо непременно тут останавливаются, особенно в жар. Остановился и я. В то время я писал первый том «Мертвых душ» и эта тетрадь со мной не расставалась. Не знаю почему, именно в эту минуту, когда я вошел в этот трактир, захотелось мне писать. Я велел дать столик, уселся в угол, достал портфель и под гром катаемых шаров, при невероятном шуме, беготне прислуги, в дыму, в душной атмосфере, забылся удивительным сном и написал целую главу, не сходя с места. Я считаю эти строки одними из самых вдохновенных. Я редко писал с таким одушевлением» (Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952, с. 505—506). И так уж получилось, что тема дороги стала излюбленным композиционным приемом в поэтике Гоголя. Его герои обязательно куда-нибудь идут или едут, а в пути с ними случаются различные истории...

Тема дороги — композиционный стержень повествования и в бессмертных «Мертвых душах». Кроме того, в этой поэме во всю мощь заявляет о себе многогранный образ *дороги*. В сюжете поэмы — это и жизненный путь Чичикова («по при всем том трудна была его дорога»), и дорога, по которой этот герой едет в своей бричке, и дороги истории, по которым несетя Русь-тройка, и пути развития человечества... Со словом *дорога* тесно увязана идея произведения о путях развития России — жгучий вопрос современности, которому Гоголь хотел дать свое решение.

Прежде чем обратиться к рассмотрению слова *дорога* — цели нашего разговора — приведем краткую словарную справку, которая, надеемся, поможет более углубленному восприятию многозначной семантики этого слова в гоголевских «Мертвых душах». В Словаре синонимов русского языка (Т. 1. Л., 1970, с. 299) читаем: «Дорога и путь совпадают почти во всех значениях. Различия между ними заключаются в очень тонких оттенках, основанных главным образом на том, что слово *дорога* имеет конкретное (предметное) значение, а *путь* — более общий и отвлеченный характер».

Изображая похождения Чичикова, Гоголь использует существительное *дорога* большей частью в прямом значении — направление, путь следования: «Но Селифан никак не мог припомнить, два или три поворота проехал. Сообразив и припоминая несколько дорогу, он догадался, что много было поворотов, которые все пропустил он мимо»; узкая полоса земли, предназначенная для передвижения: «А Чичиков в довольном расположении духа сидел в своей бричке, катившейся давно по столбовой дороге»; вид местности, открывавшийся взору проезжающего: «...он (Чичиков.— Б. М.) занялся только одной дорогою, посматривал только направо и налево... Наконец и дорога перестала занимать его...»

Кроме того, это слово у Гоголя выступает в следующих прямых значениях — перед отправлением в путь: «В продолжение этого времени он имел удовольствие испытать приятные минуты, известные всякому путешественнику, когда в чемодане все уложено и в комнате валяются только веревочки, бумажки да разный сор, когда человек не принадлежит ни к дороге, ни к сиденью на месте...»; как синоним наречия *мимоходом*: «дорогою оторвал прибитую к столбу афишу»; как обозначение завершения пути: «С дороги бы следовало поехать чего-нибудь, да пора-то почная, приготовить нельзя» и др.

В лирических отступлениях, где речь идет о творческих замыслах писателя, особенностях его художественного метода, высоком значении человека, будущности России, слово *дорога* выступает уже в других, на этот раз переносных значениях.

Прежде всего в значении «жизнь человека»: «Но не таков удел, и другая судьба писателя, дерзнувшего вызвать наружу все, что ежеминутно пред очами и чего не зрят равнодушные очи,— всю страшную, потрясающую массу мелочей, опутавших нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша земная, подчас горькая и скучная дорога, и крепкою силою неумолимого резца, дерзнувшего выставить их выпукло и ярко на всенародные очи!»

Затем — как процесс творчества, призыв к неустанному писательскому труду: «И долго еще определено мне чудной властью идти об руку с моими странными героями, озирать всю громадно несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы!... В дорогу! в дорогу! прочь набежавшая на чело морщина и строгий сумрак лица! Разом и вдруг окунемся в жизнь со всей ее беззвучной трескотней и бубенчиками и посмотрим, что делает Чичиков».

Гоголь высвечивает в слове *дорога* и другие значения, например способ разрешить какую-либо трудность, выйти из сложных обстоятельств: «И сколько раз уже наведенные нисходившим с небес смыслом, они и тут умели отшатнуться и сбиться в сторону, умели среди беда дня попасть вновь в непроходимые захолустья, умели нанустить вновь слепой туман друг другу в очи и, влачась вслед за болотными огнями, умели-таки добраться до пропасти, чтобы потом с ужасом спросить друг друга: где выход, где дорога?». Экспрессия слова *дорога* усилена здесь с помощью контраста. *Выход, дорога* противопоставлены *болоту, пропасти*.

А вот пример использования этого слова в рассуждении автора о путях развития человечества: «Какие искривленные, глухие, узкие, непроходимые, заносящие далеко в сторону дороги избирало человечество, стремясь достигнуть вечной истины...». И вновь тот же прием расширения изобразительных возможностей слова — противопоставления прямого, торного пути, который «всех других путей шире... озаренный солнцем», кривой, уводящей в сторону дороге.

В заключающем первый том «Мертвых душ» лирическом отступлении автор говорит о путях развития России, о ее будущем: «Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымом дымитесь под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и отстает позади... летит мимо все, что ни есть на земли, и, косясь, ностораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства». В этом случае выразительность слова усилена с помощью противопоставления его разных значений: путь развития России и место для прохода, проезда.

Другим способом повышения художественной изобразительности текста являются эпитеты — эффективный прием образного воздействия, поэтического преобразования слова. Эпитет озаряет новым светом то слово, к которому примыкает, и сам загорается, включаясь в новый контекст. Чтобы показать это, приведем некоторые эпитеты к слову *дорога*: «наша земная, подчас *горькая* и *скучная* дорога»; «...*пыльная* почтовая дорога опрыскалась каплями дождя»; «...показывая ей кнутом на *почерневшую от дождя* дорогу между ярко-зелеными, освеженными полями»; «... он был

похож на какого-то человека, уставшего или разбитого *дальней дорогой*» (курсив наш. — Б. М.).

Из сохранившихся фрагментов разных редакций первого тома «Мертвых душ» видно, какой кардинальной переделке подверглись, в частности, начальные страницы седьмой главы, открывающейся лирическим отступлением о суровом поприще писателя-сатирика. И в окончательной (являющейся ныне как бы канонической), и в так называемой «второй редакции» Гоголь прибегает к анафоре, которая призвана подчеркнуть разницу в судьбах признанного и непризнанного обществом писателя.

Анафора во «второй редакции» создается двухкратным повторением в первом абзаце наречия *весело* и одинаковых синтаксических конструкций внутри предложения: «Весело после томительной длинной дороги, когда человек устал, бока его насиделись и патолклись вдоволь и вся фигура его приняла жалкое положение какого-то мокрого, нахохлившегося петуха, с слезою на глазах и непостижимою ленью сходить в карман за платком; после холодов, слякоти и всяких гадостей, после холодных скучных станций, обклеенных бумажными обоями, за которыми гуляют стада разных стационарных животных, после пошлого вида всех возможных сортов стационарных зрителей, надоевших нестерпимо, после оглушительных бряканий колокольчиков, перебранок, починок, мазания колес, ямщиков и кузнецов и всякого рода дорожных подлецов, — весело, когда после всего этого мелькнет знакомая крыша, под вечер, при посеревшем воздухе, при засыпающей умильно окрестности, и знакомый двор, и знакомые люди, при них же неслась наша жизнь, и ужин, и комната та же, та, с теми же часами, картинами, тем же диваном, и веселый шум, и беготня детей, и тихие успокоительные речи, и та же самая старая нянька идет навстречу, и та же самая старая собака, уже с закрывшимся одним глазом, все еще махающая хвостом! — Счастье тому, кого ждет такая радость, кто семьянин и которого целию впереди — родная крыша. Горе холостяку!» (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. VI. М., 1951, с. 438—439).

В окончательной редакции Гоголь в два раза сокращает данный абзац, — и его стиль приобретает большую динамичность и выразительность. Теперь абзац начинается не с наречия *весело*, а с краткого прилагательного *счастлив*: «Счастлив путник, который после длинной, скучной дороги с ее холодами, слякотью, грязью, невыспавшимися стационарными зрителями, бряканьями колокольчиков, починками, перебранками, ямщиками, кузнецами и всякого рода дорожными подлецами видит наконец знакомую крышу с несущимися навстречу огоньками, и предстанут пред ним знако-

мые комнаты, радостный крик выбежавших навстречу людей, шум и беготня детей и успокоительные тихие речи, прерываемые пылающими лобзаниями, властными истребить все печальное из памяти...»

Во втором абзаце обеих редакций противопоставляются два удела писателей, два направления в искусстве. Контрастность подчеркивается с помощью анафор, синтаксических параллелизмов и сопоставления разных значений слова *дорога*: жизнь и творческий путь. В окончательной редакции слово *дорога* употребляется в разных значениях три раза, а во «второй» только один. Вместо него здесь выступает слово *жизнь*: «Но не та судьба и другой удел писателя, посягнувшего обнажить до глубины ничтожное и преренное в жизни, всю потрясающую пламенное сердце, всю противную страшную мелочь жизни» (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. VI, с. 439). В окончательной редакции это предложение подвергается Гоголем радикальной правке, в частности, слово *жизнь* заменяется словом *дорога*, которое с бóльшей силой подчеркивало трагичность судьбы писателя-сатирика, «дерзнувшего вызвать наружу все, что ежоминутно пред очами и чего не зрят равнодушные очи...»

Животносно и красочно гоголевское слово. Еще В. Г. Белинский в статье «Русская литература в 1843 году» очень верно подметил, что Гоголь не пишет, а рисует, «его фраза, как живая картина, мечется в глаза читателю, поражая его своею яркою верностию природе и действительности».

Рисунок Ю. Панипартовой

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Почему в названиях московских аэропортов *Быково* и *Внуково* при одинаковой форме прилагательных на *-ов* — разное ударение?»

Ф. М. Климов, г. Люберцы, Московской области

Различия в ударении объясняются тем, что производящие основы этих слов — *бык* и *внук* имеют разные акцентологические парадигмы: *бык, быка́, быку́* и т. д., но *внук, вну́ка, вну́ку* и т. д.

Об ударении в образованиях этого типа см.: Редькин В. Л. Акцентология современного русского литературного языка. М., 1971.

К уроку литературы

Портрет в „Анне Карениной“

М. Ю. ФЕДОСЮК

кандидат филологических наук

В. Г. Белинский считал, что ценность художественного произведения определяется еще и тем, как и насколько совершенно в нем выражены человеческие характеры. Это положение критика с наибольшей глубиной и убедительностью воплощено в творчестве Л. Н. Толстого и, в частности, в его романе «Анна Каренина».

В этом произведении, как известно, 287 действующих лиц, главных и второстепенных, причем каждый герой Толстого — это психологически и художественно мотивированное явление, единичное и типически обобщенное, прослеженное в развитии, во взаимодействии с окружающими.

Связь характера персонажа и его портрета в литературном произведении взаимообусловлена. Через портрет, то есть описание внешности героя, автор раскрывает его внутренний облик, его психологический и нравственный мир. В «Анне Карениной» портрет является одним из важнейших средств создания художественных образов. Благодаря умению Толстого выделить ту или иную характерную особенность героя, его портрет приобретает удивительную выразительность, живость и конкретность. Так, автор отмечает, что походка у Алексея Александровича Каренина была такая, что он вращал всем тазом и тупыми ногами. Пожалуй, без этой убийственной, может быть, даже жестокой авторской характеристики портрет одного из главных героев романа был бы неполным...

Помимо авторских характеристик, самовысказываний героев и т. д., Толстой применяет самые разнообразные приемы изобра-

жения портретов. Обратимся к тексту романа (цитаты даются по изданию: Толстой Л. Н. Собр. художеств. произведений в 12 тт. М., 1948).

В одной из глав четвертой части «Анны Карениной» рассказывается о том, как Алексей Александрович Каренин приезжает к знаменитому петербургскому адвокату посоветоваться о разводе. «Адвокат,— читаем у Толстого,— был маленький, коренастый, плешивый человек с черно-рыжеватою бородой, светлыми длинными бровями и нависшим лбом. Он был наряжен, как жених, от галстука и двойной цепочки до лаковых ботинок. Лицо было умное, мужицкое, а наряд франтовской и дурного вкуса».

В этом отрывке знакомство с героем автор начинает с подробного описания его внешности, а затем уже показывает его характер в развитии. Такой портрет можно назвать прямым или явным.

Другим примером явного портрета может служить описание Васеньки Весловского (здесь и далее курсив наш.— М. Ф.): «Когда он (Левин — М. Ф.) приблизился к коляске, он увидел рядом со Степаном Аркадьичем не князя, а красивого полного молодого человека в шотландском колпаке, с длинными концами лент назади. Это был Васенька Весловский, троюродный брат Щербацких — петербургско-московский блестящий молодой человек, „отличнейший мальчик и страстный охотник“, как его представил Степан Аркадьич».

В обоих случаях мы имеем дело с портретами персонажей, которые ранее в романе не упоминались или, по крайней мере, по были узнаны другими действующими лицами.

К этому приему явного портрета Толстой обращается довольно часто, особенно, когда изображает второстепенных персонажей. Именно так, например, описана Марья Николаевна, сожительница Николая Левина, купец Рябинин, за бесценок покупающий лес у Стивы Облоцкого, мадемуазель Варенька, с которой Кити знакомится на водах, и т. д. На этом фоне, на первый взгляд, может показаться странным, что большинство главных героев романа появляются на сцене как бы лишённые явных портретных черт. Нет специального — и, конечно же, это неслучайно — описания внеш-

ности Анны Карениной или Стивы Облонского, Кити или Долли, Каренина или Вронского. Портреты этих героев есть, но они словно растворены в тексте.

Посмотрим, например, что сказано автором про облик Стивы Облонского. «На третий день после ссоры, — читаем на первых страницах романа, — князь Степан Аркадьич Облонский — Стива, как его звали в свете, — в обычный час, то есть в 8 часов утра, проснулся не в спальне жены, а в своем кабинете, на сафьянном диване. Он повернул свое полное, выхоленное тело на пружинных дивана, как бы желая опять заснуть надолго, с другой стороны крепко обнял подушку и прижался к ней щекой; но вдруг вскочил, сел на диван и открыл глаза». Здесь определение *полное, выхоленное тело* говорит не только о внешности Стивы, но и о некоторых чертах его характера — лени, изнеженности, барственности.

Во второй главе романа о том же Стиве сообщается, что он, «встав, надел серый халат на голубой шелковой подкладке, закинул кисти узлом и, вдоволь забрав воздуха в *свой широкий грудной ящик*, привычным бодрым шагом *вывернутых ног*, так легко носивших его полное тело, подошел к окну, поднял стору и громко позвонил». И далее: «— Матвей, сестра Анна Аркадьевна будет завтра, — сказал он, остановив на минуту глянцевитую, пухлую ручку цирюльника, расчищавшего розовую дорогу между *длинными кудрявыми бакенбардами*». В пятой главе автор показывает отношение окружающих к Облонскому: «Степана Аркадьича не только любили все знавшие его за его добрый, веселый нрав и несомненную честность, но в нем, *в его красивой, светлой наружности, блестящих глазах, черных бровях, волосах, белизне и румянце лица*, было что-то физически действовавшее дружелюбно и весело на людей, встречавшихся с ним».

Почему Толстой не дает прямого портрета героя? Прежде всего, видимо, для того, чтобы сохранить динамизм повествования. Сообщив читателю как бы вскользь, непароком, необходимые с его точки зрения сведения о внешности Стивы, Толстой следует дальше, несколько не замедляя темпа рассказывания. События в романе развиваются стремительно, в соответствии с заданной мыслью, содержащейся в самой первой фразе: «Все смешалось в доме Облонских». И вновь убеждаешься: Л. Н. Толстой, для которого характерны исчерпывающе детальные описания душевного состояния героев, умеет быть предельно лаконичным, когда этого требует композиция произведения.

Замечено, что даже если повествование у Толстого ведется не от первого лица, почти в любом фрагменте его романов действует некий центральный персонаж, чью психологию и точку зрения на

события раскрывает автор (см.: Успенский Б. А. Поэтика композиции, М., 1970). И если на страницах «Анны Карениной» мы встречаем не скрытый, а явный портрет, то это, как правило, мотивировано психологией центрального персонажа.

Каковы же причины обращения Толстого к явному портрету? В одних случаях они бывают связаны с тем, что описываемое лицо является новым, еще неизвестным центральному персонажу. Именно так, через восприятие Анны Карениной, дан портрет ранее незнакомой ей Сафо Штольц:

«Сафо Штольц была блондинка с черными глазами. Она вошла маленькими, бойкими, на крутых каблучках туфель, шажками и крепко, по-мужски пожала дамам руки.

Анна ни разу не встречала еще этой новой знаменитости и была поражена и ее красотой, и крайностью, до которой был доведен ее туалет, и смелостью ее манер. На голове ее из своих и чужих нежно-золотистого цвета волос был сделан такой эшафодаж прически, что голова ее равнялась по величине стройно выпуклому и очень открытому спереди бюсту. Стремительность же вперед была такова, что при каждом движении обозначались из-под платья формы колен и верхней части ноги, и невольно представлялся вопрос о том, где сзади, в этой подстроенной колеблющейся горе, действительно кончается ее настоящее, маленькое и стройное, столь обнаженное сверху и столь спрятанное сзади и внизу тело.

В других случаях обращение к явному, прямому портрету вызвано тем, что, хотя главный и второстепенный герои знакомы друг с другом, но их встреча происходит после долгого перерыва. Изменения во внешности одного героя, замеченные другим, расширяют читательское представление об обоих: *«Вронский три года не видал Серпуховского. Он возмужал, отпустив бакенбарды, но он был такой же стройный, не столько поражающий красотой, сколько нежностью и благородством лица и сложения. Одна перемена, которую заметил в нем Вронский, было то тихое, постоянное сияние, которое устанавливается на лицах людей, имеющих успех и уверенных в признании этого успеха всеми».*

Появление явного портрета может отражать и изменившуюся точку зрения центрального персонажа на своего давнего знакомого. Именно в таком непривлекательном виде предстает перед нами графиня Лидия Ивановна: *«Еще Анна не успела выпить кофе, как доложили про графиню Лидию Ивановну. Графиня Лидия Ивановна была высокая полная женщина с нездорово-желтым цветом лица и прекрасными задумчивыми черными глазами. Анна любила ее, но нынче она как будто в первый раз увидела ее со всеми ее недостатками».*

Наконец, явный портрет фиксирует изменения в облике человека, до этого хорошо известного центральному персонажу. Обратимся к описанию внешности Алексея Александровича Каренина: *«Анна, думавшая, что она так хорошо знает своего мужа, была поражена его видом, когда он вошел к ней. Лоб его был нахмурен, и глаза мрачно смотрели вперед себя, избегая ее взгляда; рот был твердо и презрительно сжат. В походке, в движениях, в звуке голоса его была решительность и твердость, каких жена никогда не видала в нем».*

Если же читатель еще не получил представления о паружности героя, уже знакомого центральному персонажу, то о ней он, как правило, узнает из скрытого портрета. Так, Алексей Александрович Каренин впервые появляется на тех страницах романа, где все события поданы через восприятие Анны Карениной. Поскольку его внешний облик, конечно же, хорошо известен Анне, то описание всех деталей портрета (за исключением, пожалуй, так поразивших Анну ушей) дано в скрытом виде: *«Ах, боже мой! отчего у него стали такие уши?»* подумала она, глядя на его *холодную и представительную фигуру* и особенно на поразившие ее теперь хрящи ушей, подпиравшие поля *круглой шляпы*. Увидав ее, он пошел к ней навстречу, сложив губы в *привычную ему насмешливую улыбку* и прямо глядя на нее *большими усталыми глазами*.

Подчеркивание наиболее характерных для данного персонажа деталей внешности, реализованных в скрытом портрете, сообщает тексту некоторую неожиданность, тем самым усиливая эмоциональное воздействие на читателя. Вспомним, например, описание первой встречи Вронского и Анны. *«Вронский, — пишет Толстой, — пошел за кондуктором в вагон и при входе в отделение остановился, чтобы дать дорогу выходящей даме (...)* Когда он оглянулся, она тоже повернула голову. *Блестящие, казавшиеся темными от густых ресниц, серые глаза дружелюбно, внимательно остановились на его лице, как будто она признавала его, и тотчас же перенеслись на подходящую толпу, как бы лица кого-то».*

Автор достигает большого художественного эффекта, когда вновь и вновь обращает читательское внимание на те или иные черты внешности персонажей, которые, однажды подмеченные, становятся как бы постоянными их характеристиками. Так, едва ли не при каждом появлении Анны на страницах романа Толстой упоминает ее *блестящие глаза, густые ресницы и красивые маленькие руки*; постоянной характеристикой Стивы является его *красивое лицо* и, как и у Анны, *блестящие глаза*; Алексея Александровича Каренина нередко характеризуют *усталые глаза и белые с набухшими жилами руки*. Иногда повторяющаяся характеристика бывает

направлена на незаметное снижение образа в глазах читателя. Например, говоря о Вронском, автор неоднократно упоминает о его *обросшей волосами красной шее и крепких белых зубах*. Разумеется, делается это неспроста. Такие повторы укрепляют в нашем сознании мысль о сходстве Вронского с иностранным прищипом — «прекрасно выкормленным животным», что не без оснований приходит в голову и самому Вронскому.

И в заключение несколько слов о портрете Константина Левина. Можно было бы ожидать, что Левин, как и другие главные герои романа, будет охарактеризован с помощью скрытого портрета. Такое описание выглядело бы вполне естественно, тем более, что впервые Левин появляется на тех страницах романа, где все события переданы через восприятие давно знакомого с Левиным Стивом Облонского. Однако, поскольку Левин — наиболее важная для автора фигура в романе, Толстой, очевидно, стремился, чтобы перед читателем предстал не «растворенный» в тексте, а целостный, явный портрет Левина. Появление именно такого портрета психологически оправдано тем, что Облонский, увидев Левина, вначале воспринимает его как незнакомого человека. «Еще не было двух часов, — пишет Толстой, — когда большие стеклянные двери залы присутствия вдруг отворились, и кто-то вошел. Все члены из-под портрета и из-за зеркала, обрадовавшись развлечению, оглянулись на дверь; но сторож, стоявший у двери, тотчас же изгнал вошедшего и затворил за ним стеклянную дверь». После заседания Стива хочет разыскать входившего и спрашивает о нем сторожа. « — Нешто вышел в сени, а то все тут ходил. Этот самый, — сказал сторож, указывая на *сильно сложенного широкоплечего человека с курчавою бородой*, который, не снимая *бараньей шапки*, быстро и легко взбегал вверх по стертым ступенькам каменной лестницы (...)

Степан Аркадьич стоял над лестницей. Добродушно сияющее лицо его из-за шитого воротника мундира просияло еще более, когда он узнал вбегавшего.

— Так и есть! Левин, наконец! — проговорил он с дружескою, насмешливою улыбкой, оглядывая подходившего к нему Левина.

Так, используя разные приемы изображения внешнего портрета героев, Л. Н. Толстой добивается динамичности, выразительности и глубокого психологизма изложения.

Рисунок В. Мирошник

К уроку литературы

„Идея, умноженная на стиль“

К 80-ЛЕТИЮ ВЫХОДА В СВЕТ РОМАНА
А. М. ГОРЬКОГО «МАТЬ»

А. А. КОЛГАНОВА,
кандидат филологических наук

Когда мы говорим о Горьком-первооткрывателе, то имеем в виду и новый литературно-художественный метод, и новаторство образных средств, и новизну стилистических приемов. Творчество великого пролетарского писателя (и в частности, стилистика его произведений) исследовано всесторонне. Но есть еще и здесь лакуны.

Исследователи романа «Мать» редко останавливаются на истории его заглавия. Это не упущение, а результат того, что какой-нибудь особой «истории» нет, поскольку название появилось сразу. С самого зарождения замысла книги родилось и ее имя, ибо писатель не выдумывал, не выверял, не сравнивал, не заменял его — так точно оно отвечало авторским целям.

Известно, что первоначальный замысел был более обширным. Горький предполагал писать дилогию, вторая часть которой должна была называться «Сын». У этого названия были варианты: «Павел Власов», «Герой». Однако планам Горького не суждено было осуществиться (набросками к незавершенной второй части писатель считал повесть «Лето», рассказы «Мордовка», «Романтика», «Сашка»), и, как это часто бывает, незавершенность замысла вызвала неопределенность заглавия.

Первые упоминания Горького о романе появляются в письмах, начиная с июля 1906 года (адресатами были И. П. Ладыжников, А. В. Амфитеатров, Е. П. Пешкова), и всегда с названием «Мать». Из воспоминаний М. Ф. Андреевой известно, что начальные наброски к будущей книге сделаны в 1903 и 1904 гг. Сообщая об этом, Андреева упоминает лишь название «Мать», и никакое другое.

Итак, заглавие романа найдено Горьким раз и навсегда (подчеркиваем: ни в переписке, ни в других документах, касающихся истории зарождения замысла и издания романа, нет ни одного упоминания о намерениях автора изменить название книги), что и отразилось во всех изданиях, отечественных и зарубежных. Исключения составляют лишь две заграничные публикации «Матери», небезосновательно озаглавленные «Товарищи». В одном из них, а именно: в лондонском книжном издании 1937 года, неминуемо измененная заглавие («Comrades»), была произведена разбивка на главы, для которых были придуманы свои названия. В частности, таковы: «В страхе и тревоге», «В поисках света», «Железная хитрость», «Приход смерти», что свидетельствовало об измине вольном обращении английских редакторов с горьковским текстом. Название «Товарищи», будучи более прямолинейным в передаче идеи произведения, бесспорно проигрывало в сравнении с титулом оригинала.

О бережном отношении к замыслу автора (это касается и названия его произведения) исследователи творчества пролетарского писателя, составители полного собрания его сочинений писали: «Горький стремился к широкому художественному обобщению, к типизации наиболее характерных явлений действительности, к поэтизации того, что росло... Это позволило ему достичь необычайной емкости, которой отличается все, что изображается в „Матери“» (Горький А. М. Полн. собр. соч. Т. 8. М., 1970, с. 477).

Эта емкость содержания и стиля заявлена уже на титульном листе. Краткая конкретная и выразительная мысль, содержащаяся в заглавии, является стержневой в этом произведении. Идея заглавия «Мать» разрослась до символа всех пролетарских матерей. По мнению современников, писатель отразил путь духовного перерождения человека, несущего всему миру материнское всеобъемлющее чувство.

В одном из писем Горький говорил о своем намерении написать речь матери, в которой она «обрисует весь мировой про-

цесс, как шествие *детей* (курсив автора — А. К.) к правде. Детей, ты это пойми! В этом страшное усиление мировой трагедии» (Горький А. М. Полн. собр. соч. Т. 8, с. 429).

В литературе известны заголовки, поражающие своей неожиданностью, диссонансирующие с текстом. У Горького — намеренная перекличка, заглавие подготавливает текст и в то же время логически завершает, обобщает его. Вся система изобразительных средств в произведении опирается на словесный образ матери. Его многозначность не произвольна, а намеренно подчеркнута автором.

Горький считал: «чем проще слово, тем более оно точно, чем правильнее оно поставлено, тем больше придает фразе силы и убедительности» (М. Горький о литературе. М., 1935, с. 125). Отсюда — из этой простоты, силы и убедительности родом великое название великой книги. Роль романа «Мать» в художественных открытиях Горького огромна. Школа горьковского мастерства сказалась и на дальнейшем «репертуаре» названий русской книги.

Удивительно громкими бывают порою цифры. Особенно там, где они до того не звучали. Попробуем проверить «алгеброй гармонию» художественного названия. При всем многообразии исследовательских работ горьковедов никто не задавался целью сопоставить «имя» первого пролетарского романа с потоком других заглавий русской литературы. Жизнь заглавия «Мать» можно восстановить благодаря справочному изданию, предпринятому Библиотекой им. В. И. Ленина. Материалы, собранные для начавших выходить в свет томов «Указателя заглавий художественных произведений», помогли выяснить, что книги с названием «Мать» появлялись на русском языке... 44 раза.

Оставим в стороне переводы произведений зарубежных авторов (К. Чапек, С. Пшибышевский, Э. де Амичис, Л. Франк), а также книги писателей народов СССР (Ф. Алиева, И. Леманис). Обратимся к произведениям, имеющим аналогичное горьковскому названию и появившимся до романа «Мать». Встретилась лишь пьеса Е. Н. Малашкиной и повесть В. К. Измайлова, изданная в Ростове-на-Дону почти одновременно с горьковским романом. Трудно предположить, что Измайлов успел ознакомиться с книгой Горького, вышедшей, как известно, в Америке в 1906 году, и так быстро выпустить свою. Сходство некоторых эпизодов, насыщенная патетичность повествования, которые сближают эти два произведения, вызваны одним и тем же историческим событием — революционным всплеском в России. Измайлов описывает эпизод подавления казаками демонстрации рабочих; случайно среди них оказывается работница-мать с больным ребенком, который погибает от казачьих нагаек.

Сопоставление измайловской повести и романа Горького показывает, как далеко ушел пролетарский писатель от своих коллег-современников. Там, где Измайлов остановился, Горький идет вперед; там, где героиня Измайлова беспомощно страдает, Ниловна мужественно борется; где измайловская героиня одинока, горьковская — среди соратников; когда Измайлов пишет расплывчатыми акварельными красками, Горький строго патетичен и точен. Так сопоставление родственных заглавий и стоящего за ними содержания еще раз подчеркивает новаторство горьковской стилистики.

Не случайно вслед за Горьким название его романа стали использовать активно: М. Кузнецкий — в 1909 году, Н. Сушницкий — в 1910 году, Т. Львов и Н. Карпов в 1911-ом, годом позже Н. Хотымский. В этом ряду примечательна повесть Львова, написанная в период спада революционной волны в России. Ее автор намеренно заострил в своем произведении религиозно-праведнические мотивы и снабдил книгу демонстративным подзаголовком «Несовременная повесть». Следует упомянуть также рассказ «Мать» (1915 г.) известного для своего времени прозаика В. В. Брусянина, у которого заглавие — своеобразный призыв. Автор вынуждает героиню, стремящуюся к общественному служению, ограничиться домашним очагом и воспитанием детей. Мелодраматический строй повествования Брусянина воспринимался современниками как скрытая полемика с горьковской манерой письма.

Однако даже в тех случаях, когда названия «Мать» были далеки от горьковского понимания, они выражали живую стилистическую закономерность: литература уходила от тяжелых, длинных, прямолинейных заголовков. Оставляя, как правило, многословные заглавия для публицистики, стилизаций, пародий, писатели совершенно отчетливо выражали тенденцию времени к сжатию, укрупнению названий.

По мере развития метода социалистического реализма, обогащения его стилистических возможностей, прочнее становилось воздействие горьковской художественной традиции. Так, в двадцатые годы советский писатель Ф. А. Березовский опубликовал повесть «Мать», которая с 1923 по 1960 годы выдержала одиннадцать изданий. Намеренно уходя от сюжетного сходства с прославленным горьковским романом, Березовский ведет повествование в близкой тональности. В центре произведения, посвященного большевистскому подполью времен гражданской войны в Сибири, образ матери, работницы Степаниды Петровны Зубковой, борющейся против белогвардейцев в одних рядах со своими детьми и мужем. Героиня Березовского трагически погибает. Об этом образе критик П. Мирецкий в духе времени писал: «...личное и материнское то борется

с социальным, то растворяется в нем. Восторжествовала мать-революционерка» (П. Мирецкий. Предисловие.— В кн.: Березовский Ф. А. Собр. соч. Т. 1. М.—Л., б. г., с. 45).

Березовский подхватывает пролетарскую идею гражданственности материнства. Отсюда так созвучны диалоги, так близки обращения. Для Илювны друзья сына — «дети», для Степаниды арестованные рабочие — «детушки». Она горюет о них, как о собственных сыновьях. Обращение «сынок» к рабочему-борцу привычно для обеих героинь. Опираясь на величественную публицистичность горьковского заголовка, Березовский разворачивает его символику в традиционнo обобщенный образ Родины: «Другая мать выросла перед глазами: голодная, оборванная и окровавленная Россия. Властно звала. Требовала борьбы и мести» (Березовский Ф. А. Т. 1, с. 85).

Великая идея нового социалистического мира, переданная через символику заглавия «Мать», развивалась и трансформировалась в ходе развития русской и советской литературы.

По-новому начали звучать художественные открытия Горького в годы Великой Отечественной войны, когда идея материнства как чувства патриотического, гражданского, общенародного сказалась на стилистике произведений всех родов и жанров. Поэмы А. Т. Твардовского и С. В. Михалкова, озаглавленные аналогично горьковскому роману, наиболее значительные из них.

Мир заглавий красочен и многолик, есть в нем заголовки-вывески, заголовки-воззвания, заголовки-споры, горьковское же название стало целой эпохой в искусстве книжного имени, ибо оно выступило как концентрация идеи и стиля автора.

Рисунок Б. Захарова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что означает слово „присные“?»

Р. Агальцова, г. Видное Московской обл.

Присный — значит вечный, всегдашний. Это слово древнее. В древнерусских текстах зафиксировано наречие *присно* «всегда» и сочетание *присный братъ* «единоутробный брат». По одной из этимологических версий, *присный* развилось из сочетания приставки *при-* и *ист(ый)* в значении «тот самый, истинный, настоящий».

4-томный словарь русского языка дает и еще одно значение этого слова: *присные* — разг. (с оттенком пренебрежения). Близкие люди, единомышленники.

Ярко, понятно, убедительно

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ МАСТЕРСТВО
В. И. НЕВСКОГО

Н. Н. КОХТЕВ

доцент Московского университета

Советский государственный и партийный деятель Владимир Иванович Невский (настоящая фамилия, имя и отчество Кривобок-Феодосий Иванович, 1876—1937) был профессиональным революционером, пропагандистом и публицистом. Он рано вступил в революционное движение, был одним из организаторов социал-демократического кружка в Ростове-на-Дону, работал в Донском комитете РСДРП, во время учебы в Московском университете выполнял партийные задания. Перед событиями 1905 года В. И. Невский поехал к В. И. Ленину в Женеву и с этого времени стал работать по его поручениям. Н. К. Крупская писала А. И. Елизаровой в феврале 1905 года о В. И. Невском: «...страшно ценный человек. Его надо бы назначить в комитет и назначить ответственным пропагандистом» (цитируется по кн.: Пропагандисты ленинской школы. М., 1985, с. 231—232).

В дни Октябрьской революции Владимир Иванович участвовал в различных операциях, обеспечивших успех в свержении власти буржуазии. После Октября он работал в Наркомате по военным и морским делам, затем в Наркомате путей сообщения; в 1919 году возглавил специальный отдел ЦК партии по работе в деревне; в 1919—1920 годах В. И. Невский — заместитель председателя ВЦИК; с 1921 года — на научной и преподавательской работе.

Пламенный оратор, талантливый публицист и ученый, В. И. Невский выступал перед широкими массами на митингах и собраниях, публиковал статьи в газетах «Вперед», «Звезда», «Правда», «Пролетарий», «Известия», в журналах «Красный пахарь», «Красноармеец», «Вестник агитации и пропаганды» и других.

Основным содержанием выступлений В. И. Невского был текущий момент. Он написал множество злободневных статей и бро-

пюр: «Что такое Российская социал-демократическая рабочая партия», «Кто борется за землю», «Что такое большевики», «Мы должны победить», «Фокус мировых событий», «Прежде и теперь (От мрака к свету)», «Как образовалась Советская власть и что ею сделано за три года» и другие.

В. И. Невский писал ярко, образно, находил слова, захватывающие простую рабочую и крестьянскую аудиторию, которую прекрасно понимал. Он считал, что пропагандисты должны уметь пользоваться богатствами родного языка. Так, о работе в деревне Владимир Иванович писал: «Устройство деревенской жизни таково, что всякого агитатора и пропагандиста туда пустить нельзя, нельзя пустить туда человека, который, может быть, десятки лет работал в партии, создавал ее, вырос вместе с нею., но абсолютно не приспособлен к деревне., не знает строя крестьянской жизни, складывающейся веками, не умеет подойти к нему, не знает языка, слов, выражений, а между тем дело просто и ясно: нужно только наши принципы, наши лозунги уметь передать крестьянину ясным, понятным для него языком...» (цитируется по кн.: Пропагандисты ленинской школы, с. 237).

В. И. Невский прекрасно владел всем стилевым богатством русской речи, и это ярко проявляется в его произведениях. Он пропагандировал ленинское идейное наследие, изучал исторические события на основе не только собственного богатого опыта, но и детального анализа архивных и опубликованных материалов, относящихся к деятельности партии и к революционным событиям. Он писал о революционном народничестве, о первой русской революции, о Великом Октябре, о развитии страны в советский период.

В. И. Невский — ученый-историк; он был ректором Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова, заместителем заведующего Истпарта — Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б).

Стиль научных работ В. И. Невского характеризуется строгим отбором книжных языковых средств, логичностью и последовательностью изложения, точностью, сжатостью выражения, насыщенностью содержания. Такова, например, его работа «Третий съезд» (изд. 4-е. М., 1929), в которой подробно анализируются период, предшествовавший III съезду и работа этого съезда.

В 1930 году выходит большой научный труд В. И. Невского «Рабочее движение в январские дни 1905 года», который начал печататься с 1922 года в различных исторических журналах и отдельными выпусками. Старые работы были пересмотрены, поправлены и дополнены в свете новых исследований и архивного материала. На огромном количестве фактов В. И. Невский рассказал о собы-

тиях 1905 года в Петербурге, Москве, Прибалтике, на юге России, на Урале и в Сибири, воссоздал широкую панораму революционного движения в России. О предреволюционных и революционных днях 1905 года В. И. Невский рассказал также в двух литературно-художественных сборниках: «Революционные были» (Л., 1928) и «Красная шкатулка» (М., 1929). Эти сборники рассказов о революционерах, людях с яркой, интересной судьбой, проникнуты пафосом борьбы, овеванной романтикой.

В. И. Невскому принадлежит несколько произведений о жизни и деятельности В. И. Ленина: научно-популярный очерк «Владимир Ильич Ленин (Ульянов)» (М.—Л., 1924), биографический очерк «В. И. Ленин» (Чита-Владивосток, 1924) и др. На большом фактическом материале В. И. Невский анализирует деятельность В. И. Ленина, развитие революционного движения и укрепление хозяйственного положения страны после революции.

К научно-популярным произведениям относится и «В буре дней. Петроград за пять лет советской работы» (М.—Пг., 1922), в котором рассказывается о развитии города за послереволюционные годы. Автор показывает рост рабочего класса, развитие культуры в городе, отношение к деревне, к Красной Армии. Вот как В. И. Невский характеризует нового человека: «Это не только токарь или слесарь, ткач или электротехник, это организатор человеческих масс, руководитель, строитель. Он иногда не блестяще образован..., но зато он... понимающий и сознающий, что он теперь хозяин земли русской и что в его собственных руках счастье его и десятков миллионов таких же, как он, рабочих и крестьян. Это новый и невиданный человек на Руси... это — революционер, это — организатор и создатель Советов, их защитник, их герой и их дитя. Он прекрасно разбирается в политической жизни страны, интересующийся внутренней и внешней политикой власти..., сильный, деятельный, неспособный унывать, воспитанный и закаленный борьбой, способный до самозабвения отдать общественному делу...»

В этом отрывке почти все слова нейтральные, но большое количество однородных членов предложения, перечисления, которые создают динамику изложения, его смысловую насыщенность, богат-

ство ассоциаций с различными сторонами жизни и, что самое главное, несколько опорных слов и сочетаний, имеющих высокую окраску (*хозяин земли русской, новый и невиданный человек на Руси, защитник, герой*), делают этот текст приподнятым, он получает торжественное звучание.

В брошюре «Большевик, коммунист и рабочий» (Пб., 1921), предназначенной для крестьян и рабочих, автор популярно рассказывает о большевиках, о классовой борьбе, о революции, о строительстве новой жизни. Глубокое содержание раскрывается через очень интересную и доступную форму. Приведем в качестве примера два отрывка из этой работы:

«Были у нас такие крестьяне, что все крестьянство заключалось у них только в одном паспорте крестьянском, ни кола, ни двора не имели они и жили весь век свой по чужим людям в найму либо у помещика, либо в городе у богача фабриканта, либо у своего же брата мужика богатея.

Эти крестьяне так и назывались безземельными, безлошадными, бескровными батраками, сельскохозяйственными рабочими».

И второй отрывок: «Что если прийти к капиталисту и сказать: „Ты, милый человек, угнетаешь рабочих, у тебя капитал и сила, это очень нехорошо. Откажись от своих капиталов и власти и давай введем на земле коммунизм“».

На такие речи в ответ капиталист рассмеется, а то, гляди, еще и в тюрьму сволокет: от капитала, от земли, от власти даром не отказываются. Все это можно отнять и удержать только силой».

Эти отрывки отличаются по стилю от других работ В. И. Невского. Проанализируем их лексику, фразеологию и синтаксис. В них много разговорных и даже просторечных слов и фразеологизмов: *ни кола ни двора, жить весь век по чужим людям, бескровные батраки, милый человек, гляди*; разговорно-просторечные формы: *в найму* (вместо: *в найме*), *сволокет* (вместо: *сволочет*). Предложения простые, часто в тексте имитируется устная речь, даже ее некая ритмика, что позволяет легко воспринять написанное. Чтобы сделать изложение конкретным, В. И. Невский использует прямую речь, приводит возможный диалог рабочего с капиталистом, тем самым вызывая нужные ассоциации. Как видим, язык и стиль этого произведения простой и ясный для читателя. Сама эпоха диктовала в то время выбор этой языковой формы: вряд ли малограмотные крестьяне в полной мере могли понять книжные слова. Поэтому довольно сложные мысли В. И. Невского передает понятным, доступным для крестьян и рабочих языком, но не упрощает саму идею.

В 1929 году Всесоюзная публичная библиотека имени В. И. Ленина, директором которой в то время был В. И. Невский (ныне — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина), издала сборник «Смерть Толстого». Это издание опубликовало текст телеграмм, относящихся к пребыванию великого писателя на станции Астапово Рязанско-Уральской железной дороги (ныне — ст. Лев Толстой Липецкой обл.). К телеграммам даны комментарии: всякого рода персональные сведения, упоминание мест действия, объяснение названий учреждений, газет и т. д., примечания общего характера, необходимые для понимания текста. Весь этот материал отражает последние дни жизни Л. Н. Толстого и обстоятельства, сопровождавшие его смерть. Вступительную статью, послужившую предисловием к сборнику, написал В. И. Невский. Ясность, сжатость, публицистичность изложения, четкость композиции в этой статье подчинены выражению общей идеи — показать обстановку, в которой происходило это драматическое событие.

В. И. Невский анализирует телеграммы различных официальных лиц. Жемчужников (помощник начальника Тульского сыскного отделения), установив, что Л. Н. Толстой остановился в Астапове, телеграфировал начальнику в Тулу: «Остановился здесь на станции Астапово Рязанско-Уральской. Температура 40. При нем дочь, доктор. О дальнейшем направлении будет сообщено. Возвращаюсь Тулу». В. И. Невский со сдержанным гневом комментирует: «Жемчужникову, действительно, беспокоиться было нечего, так как Рязанский губернатор, князь Оболенский, уже взял крамольного больного в круг своего ведения».

Губернаторов беспокоила мысль о демонстрациях и беспорядках. Владимир Иванович пишет: «Толстой был страшен даже у врат смерти. Исправник Шатилов успокаивал губернатора, телеграфируя о том, что больной смирненько лежит в квартире начальника станции и что „демонстраций нет“, а усердный царев слуга, рисуя себе всякие ужасы, приказывал своему подчиненному: „Примите меры не допускать стечения окрестного населения Астапово, где лежит больной Толстой. Посылайте разъезды стражников дорогам возвращать идущих в Астапово“».

На станцию Астапово выехал сам вице-директор департамента полиции Харламов. Это обстоятельство было, действительно, чрезвычайное. Видимо, министерство внутренних дел придавало огромное значение событиям, совершившимся в Астапове. В. И. Невский пишет далее: «Теперь начались гражданские панихиды: почтители великого писателя земли русской не смущались тем, что Варсонофий или какой-либо другой не дал Толстому отпущения его грехов...»

Официальные телеграммы служат своеобразными композиционными вехами, вокруг которых концентрируется действие и благодаря которым оно развивается. Здесь сталкиваются два стиля: официальный (телеграммы) и публицистический (повествование В. И. Невского). Их легко сопоставить. С одной стороны, слова и выражения официально-делового стиля: *о дальнейшем направлении будет сообщено, примите меры, не допускать стечения окрестного населения*. Как видим, здесь максимальная стандартизация изложения, отсутствуют слова, имеющие эмоционально-экспрессивную окраску. Наложил свой отпечаток и жанр телеграммы: в некоторых случаях отсутствуют предлоги.

С другой стороны, яркий публицистический стиль В. И. Невского. Эмоционально-экспрессивная окраска изложения здесь проявляется прежде всего в сопоставлении различных семантических групп. Вот слова, называющие и характеризующие официальных лиц: *губернатор, князь, взять в круг своего ведения, исправник, усердный царев слуга*; а это слова и сочетания, относящиеся к Л. Н. Толстому: *крамольный больной, больной смирнехонько лежит в квартире, почитатели великого писателя земли русской*. Сопоставление этих двух рядов и создает выразительность авторской речи.

В. И. Ленин высоко ценил талант Невского-публициста. В его библиотеке в Кремле имеются 14 книг, автором или редактором которых был В. И. Невский.

Изучение наследия этого замечательного пропагандиста ленинской школы имеет большое научное и практическое значение. Язык и стиль публицистических и научных работ В. И. Невского представляет интерес для тех, кто хочет повысить культуру своей устной и письменной речи, писать ярко и содержательно.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Очень часто слышу выражение *«воздать сторицей»*, *«получить сторицей»* и сам иногда его употребляю. А вот точного смысла этого выражения не знаю».

Л. И. Павлюченко, г. Осташков

Слово *сторйца*, употребляемое обычно в выражении *сторйцей получить, воздать* является продолжением древнерусского *сѣторица*, образованного от *сѣто* (русск. *сто*).

Смысл этого выражения (устаревшего и книжного, как помечают словари) — *во много раз больше*, буквально — *в сто раз больше*. «За труд крестьянский Родина сторицею воздаст», — писал поэт А. Яшин.

Г. С. КИРИЧЕНКО,
кандидат филологических наук

научно-технический прогресс, оказывая огромное влияние на все сферы общественной жизни, вызывает интенсивный рост научной и производственной терминологии. Отражая стремительное развитие науки и техники, растет ее удельный вес и в общелитературном языке. Изучение средств и способов, а также особенностей образования терминов всегда было в центре внимания ученых, а в последнее десятилетие вопросы терминологии в связи с назревшими задачами ее нормализации приобрели также и важное практическое значение.

Одной из наименее исследованных является судостроительная терминология. Можно назвать лишь отдельные работы, в которых в историко-лингвистическом аспекте освещаются вопросы корабельного терминообразования. Между тем изучение того, как создается термин в этой области производства, дает возможность правильно ориентироваться в самих принципах их образования и способствует упорядочению в употреблении.

Судостроительная терминология, как и любая другая, входит в лексикон общелитературного языка. Но это не простая совокуп-

ность слов-терминов, а организованное целое, элементы которого связаны между собой определенными отношениями и взаимосвязями, то есть представляет собой определенную систему. Так, многочисленные термины-названия различных составных элементов судовых систем входят в ряды взаимосвязанных и взаимозависимых слов-терминов, образующих единую терминологическую систему. Например, родовое название *трубопроводы* объединяет термины разных видов трубопроводов, то есть термины видовые: *трубы, путевые соединения* (разъемные и неразъемные), *запорно-регулирующая арматура, приводы арматуры* и т. д. Видовой термин *запорно-регулирующая арматура* в свою очередь является родовым, то есть более общим по отношению к целому ряду других названий, представляющих разновидности запорно-регулирующей арматуры: *кран, клапан, клинкерная задвижка*.

Видовой же термин *кран* оказывается родовым по отношению к названиям, обозначающим устройство крана: *проходные краны, трехходовые краны, краны-манипуляторы*; в то же время он может объединить новые группы терминов: по способу присоединения к трубам — *краны фланцевые, краны муфтовые*; по их конструкции — *краны проходные, краны угловые*.

Термин *приводы арматуры* в качестве родового объединяет целый ряд соответствующих видовых: *валиковый привод, электрический привод*. Но видовой термин *валиковый привод* является родовым для другого ряда: *клапан, шарнир, валик, муфта ходовая*.

Однако система терминов судостроения не замкнутая сама в себе, а открытая: в нее включаются новые термины, создающиеся определенными способами. Как же появляются судостроительные термины?

Многие из них восходят к начальным этапам русского судостроения и представляют собой однословные термины русского или иноязычного происхождения: *корабль, судно, парус, мачта, штурвал, станель, бак, вал*. Выделяются многочисленные термины *-ние*, а также с суффиксами *-к* — в значении какого-либо действия: *стопорение, утяжеление, продувка, сборка* — и *-ость* — со значением какого-либо свойства: *стойчивость, скорость, вместимость* и многие другие.

Обращают на себя внимание также сложные термины, состоящие из своих или заимствованных основ, или же их комбинаций, и возникшие часто уже в советский период судостроения. Они могут быть двух- или трехкомпонентными (с соединительной глас-

ной или без нее): *кран-балка, дизель-электроход, атомоход, китобаза, судокорпусостроение, газотурбоход, ледокол, сухогруз.*

В терминах-названиях типов судов вторым компонентом могут быть элементы *-воз, -ход, -лов*: *рудовоз, углевоз, атомоход, теплоход, торпедолов.* Сюда примыкает также глагольная основа *-нос* с присоединением суффикса *-ец*: *авианосец, броненосец.* Часто наблюдаются суффиксальные образования на *-ник*: *сетеподъемник, мотонадводник*; на *-тель*: *гидродвигатель, воздухоохладитель*; сложносокращенные слова-термины: *плавбаза, авторулевой, жирзавод.*

Но чаще всего встречаются термины-словосочетания, по времени появления относящиеся главным образом к советскому периоду отечественного судостроения. По структуре это двух-, трех- и даже четырехсловные образования. Правда, некоторые лингвисты считают их не терминами, а свободными словосочетаниями, употребляющимися для выражения специальных понятий. В соответствии с этой точкой зрения, термином считается лишь отдельное целостное слово. Однако ряд характеристик позволяет такие сочетания признать терминами. Они постоянно закреплены за определенным терминологическим понятием, системно связанным с другими понятиями данной терминологии, употребляются как целостные наименования, имеют одно терминологическое значение.

Большую распространенность в разных областях науки и техники составные термины получили в последние десятилетия в связи с научно-технической революцией в нашей стране. Одной из распространенных моделей образования терминов-словосочетаний в области судостроения является модель «существительное + существительное в родительном падеже»: *стойчивость судна, топка котла, шейка вала, муфта двигателя, непотопляемость судна, амплитуда качки.* С такой же регулярностью выступают двухсловные термины-словосочетания, в которых определяющий компонент — прилагательное или причастие — стоит на первом месте и обозначает самые разнообразные видовые признаки: тип судна — *портовое судно, речное судно, рефрижераторное судно*; виды различных агрегатов и механизмов — *главные двигатели, скользящие подшипники, шатровые перекрытия, пластмассовая рубка, прогулочные пилубы.*

Термины-словосочетания могут состоять из слов, которые свободно используются также и вне терминов: *камбузный лифт, ро-*

ликовые подшипники. В состав таких терминпов-словосочетаний могут входить и слова-нетермины, занимая то первое место: *прогулочные палубы, речное судно, главные двигатели, пластмассовая рубка*, то второе: *стационарная постель, шатунно-поршневая группа*, а также объединенные одним значением: *металлические поезда, путевые соединения*.

Прилагательные, обычно относительные, входящие в термин-словосочетание в качестве определяющего компонента, могут быть и однословными, и сложными: *речное судно, газотурбинная установка*. Сложные прилагательные в таких терминах определяют видовой признак с разных сторон и тем самым более точно выражают понятие. В первой части сложного прилагательного-определения может быть основа существительного, иногда числительного: *рыбодобывающее судно, двухпалубный теплоход*. Редко определяющим компонентом может быть качественное прилагательное, которое в таком случае утрачивает грамматические признаки качественности: *короткий вал, наклонный стапель*.

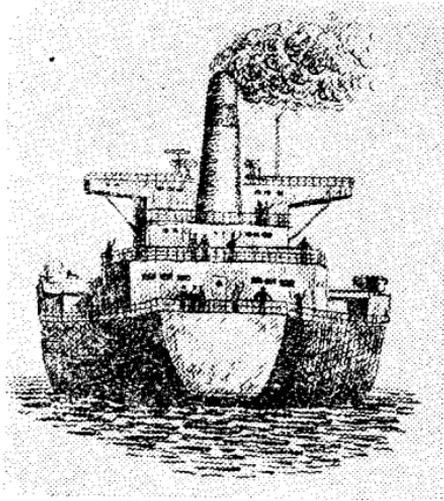
Трехсловные словосочетания образуются присоединением дополнительного определения к двухсловному термину-словосочетанию: *плавучий металлический док, океанский сухогрузный турбоход, океанский морозильный траулер*. Такие словосочетания иногда обозначают различного рода детали машин, технические приспособления. Первое, стержневое, слово в них определяется следующим за ним сочетанием прилагательного и существительного в родительном падеже: *шейка коленчатого вала, крышка рабочего цилиндра*. Среди терминов судостроения встречаются многословные словосочетания с грамматическими связями управления и согласования. Они обычно бывают громоздкими, что некоторые лингвисты рассматривают как аномалию, которой надо избегать.

Таким образом, в судостроительной терминологии по строению можно выделить три основных типа терминов: простые, сложные и составные. Простые — это однословные термины, среди которых значительная часть — традиционные, восходящие к разным периодам отечественного судостроения. Большей распространенностью характеризуются термины сложные, состоящие из двух или более основ. Однако наиболее активным процессом современного терминообразования в области судостроения является образование составных терминов. Они создаются для обозначения раз-

личного рода сложных технических приспособлений, деталей, орудий, агрегатов, действий и процессов судостроения и способны наиболее полно и дифференцированно выразить то или иное производственно-техническое понятие и выделить его признаки.

Николаев

Рисунок Н. Беланова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что означает слово *Волга*? Каково его происхождение?»

М. И. Муравьев, г. Тосно, Ленинградской области

В объяснении значения слова *Волга* есть соперничающие гипотезы: по одной — это слово происходит от древнерусского *волога* — *влага*. Отсюда слово *волглый* — сырой, влажный. По другой гипотезе, слово это пришло из финского языка: *Valge* — белый, светлый (см. об этом В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966).

Владимир Иванович Даль

1801—1872

В этом году исполняется 185 лет со дня рождения Владимира Ивановича Даля, замечательного лексикографа, писателя, этнографа, создателя знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка».

Сложным и разносторонним был жизненный и творческий путь В. И. Даля. Но куда бы судьба ни бросала его, чем бы он ни занимался, Даль всегда проявлял живой интерес к народному слову, желание собрать богатства русского языка, передать их потом-

кам, выявить характер, быт русского народа.

О некоторых аспектах лексикографической деятельности В. И. Даля рассказывается в статьях Л. И. Балахоновой и Н. В. Поповой.

На страницах «Русской речи» освещались разные стороны многогранного творчества В. И. Даля. Читатели, которых интересует жизнь и деятельность этого выдающегося ученого и писателя, могут обратиться к нашим публикациям (см.: Костицкий Ю. М. Домик в Луганске.— 1967, № 4; Сергеев И. Т. Даль и академическая лексикография, Зинин С. И. Даль о языке офеней.— 1973, № 2; Вомперский В. П. Бодуэновское издание Толкового словаря В. И. Даля.— 1976, № 6; Смолицкая Г. П. Владимир Иванович Даль.— 1981, № 6; Ланский Л. Р. В. И. Даль над корректурами Толкового словаря.— 1985, № 1).

К 185-летию со дня рождения В. И. Даля

Из истории создания областного словаря Академии наук

Л. И. БАЛАХОНОВА,
кандидат филологических наук

злагая в «Напутном слове» историю создания «Толкового словаря живого великорусского языка», В. И. Даль писал: «Первое признательное слово мое ... должно быть обращено к словарям Академии, общему, на коем весь труд основан, и областным, коими запасы мои пополнены...» [Вспомним, что названные словари содержат: Общий (Словарь 1847 г.) — около 115 000 слов,

Опыт областного великорусского словаря (1852 г.) вместе с Дополнением (1858 г.) — свыше 40 000 слов].

Известно, что отношения В. И. Даля с Отделением русского языка и словесности [ОРЯС] Академии наук, занятым составлением словарей отечественного языка, были непростыми. С одной стороны, В. И. Даль еще в 30-е годы за заслуги по естественным наукам был избран членом-корреспондентом Академии наук, а после выхода Толкового словаря — почетным академиком. Монументальный труд великого лексикографа был отмечен высшей наградой Русского географического общества — золотой медалью (на основании отзыва академика И. И. Срезневского, одного из создателей Опыта областного словаря) и Ломоносовской премией (академик Я. К. Грот дал самую высокую оценку Толковому словарю). С другой стороны, Академия не привлекала В. И. Даля к постоянному участию в своих лексикографических трудах, что вызывало его обиду.

В том же «Напутном слове» В. И. Даль касается своих взаимоотношений с Академией наук как раз в период подготовки областного словаря и второго издания Словаря 1847 г. В ответ на предложение министра просвещения князя П. А. Ширинского-Шихматова передать в ОРЯС собранные им лексические материалы В. И. Даль предложил и свое участие в словарных работах. Акаде-

мия наук не воспользовалась ни его участием, ни его материалами, просмотрев первую тысячу слов, присланных по ее просьбе.

Биографы В. И. Даля, исследователи, пишущие о нем в последние годы, не всегда объективно и точно показывают его взаимоотношения с Отделением русского языка и словесности. Материалы Архива АН СССР позволяют уточнить и правильно оценить эту сторону деятельности В. И. Даля в Академии наук.

Подготовка первого сводного словаря русских народных говоров — «Опыта областного великорусского словаря» — началась в Академии наук в 1845 году, когда было разослано циркулярное письмо к директорам и смотрителям губернских училищ, «касающееся собрания и доставления в Отделение областных слов с объяснениями и примерами, отнюдь не поставляя им, однако, сего в обязанность, а предоставляя такое занятие собственному и добровольному усердию их в пользу отечественного языка» [здесь и далее цитируются материалы Архива АН СССР]. Обращение привлекло внимание широких общественных кругов. Число желающих потрудиться «в пользу отечественного языка» с каждым годом увеличивалось: это были учителя, чиновники, врачи, священники, студенты и т. д.; люди, жившие подолгу на одном месте и, как правило, хорошо знавшие местные обычаи, язык, сказки, песни. Иногда одни и те же лица посылали свои записи не только в Академию, но и в Русское географическое общество, где их собирал В. И. Даль.

Подготавливая «Опыт» и одновременно переиздание Словаря 1847 года, ОРЯС поддерживало связь со многими учеными или просто любителями русского языка. В Архиве сохранился список двадцати четырех ученых, писателей, общественных деятелей, публицистов, среди них — Я. К. Грот, П. А. Катенин, М. П. Погодин, В. И. Панаев, С. П. Шевырев, О. М. Ковалевский, которым составители посылали для просмотра и исправлений подготовленные материалы. Наиболее продолжительной была связь с В. И. Далем. Получая на прочтение все составленные листы «Опыта», он мог яснее осознать характер, направление, принципы построения и подачи материала в собственном словаре.

В 1848 году в ответ на письмо председательствующего в Отделении В. И. Даль писал: «Убедившись в течение времени, что составление полного словаря, особенно на предполагаемых мною основаниях, есть труд непосильный для одного человека, занятого сверх того еще службой, я предвижу, что не доживу до окончания заданного себе урока и потому с удовольствием соглашаюсь на сделанное мне почетное предложение участвовать в словарных трудах

Академии». Как видно из этого письма, в конце 40-х годов В. И. Даль еще владел сомнениями, сумеет ли он осуществить свою мечту и создать словарь «живого великорусского языка». Поэтому он решил передать в ОРЯС свои лексические материалы, но при этом заметил, что ограничил себя «изучением устного, народного русского языка», и это обусловило характер собранной им лексики. «Запасы мои,— писал В. И. Даль,— состоят ныне: а) в довольно общих простонародных обиходных словах, не вошедших в Словарь [1847 г.]; б) в сборниках слов, принадлежащих русским наречиям (малобелорусскому) и областным говорам; в) в заметках, служащих пополнением и поправкой для словарей изданных, в указаниях на ошибки, неправильности и в более полных и верных объяснениях; г) в пословицах и поговорках, которые должны служить лучшим объяснением слова».

В. И. Даль предложил для образца дополнения к Словарю 1847 года и в то же время просил высылать ему подготовленные части Опыта, в которые он мог бы добавлять пропущенные слова вместе с их толкованиями. В сентябре 1848 года он передал для ознакомления академиком Отделения тысячу слов. Это были употребительные простонародные слова, отсутствующие в Словаре 1847 г., и академики единодушно решили, что они должны быть помещены во втором издании этого словаря. Часть же присланных слов являлась, по их мнению, собственно областными: *погусь* «до тех пор», *ставник* «большой церковный подсвечник», *чафди* «кафтан» и др. Они могли бы войти в Опыт областного словаря, но с указанием места их употребления. На основании этого Отделению решило: «Касательно областных слов ... по прочтении всех доставленных г. Далем слов, просить его о доставлении сведений, в каких губерниях и уездах Российской империи они употребляются».

Члены ОРЯС, конечно, не хотели этим выразить своего недоверия словарным материалам В. И. Даля, но сведения о территории распространения слова являлись неперемennым и необходимым условием для сводного областного словаря. Как видно из решения Отделения, Академия не отказывалась от материалов В. И. Даля, однако с присылкой этой тысячи слов все их отношения на этот раз прекратились. Именно описанный здесь эпизод приведен в «Напутном слове». «Меня спросили,— пишет В. И. Даль,— много ли их [слов] еще в запасе? Я ответил, что верно не знаю, но во всяком случае десятки тысяч. Покупка такого склада товара сомнительной доброты, по-видимому, не входила в расчет и сделка оборвалась на первой тысяче». Разрыв с ОРЯС послужил для него последним толчком к окончательному решению одному прийтись за словарь.

Несмотря на то, что Отделение не привлекло его к своим лексикографическим трудам, как того хотел В. И. Даль, этот удивительный человек, ставивший интересы общественно-патриотические превыше всего, не остался равнодушным к составлению областного словаря. Прочитав в присланном ему П. А. Плетневым отчете по Отделению за 1851 год, что возникли «непредвиденные трудности» при решении вопроса соотношения в областном словаре орфографии и фонетики, он предложил составителям некоторые рекомендации: «Своими соображениями о правописании в словаре желал бы только показать участие, которое принимаю в сем общем и особенно близком для меня деле, равно как полную готовность мою принести в дань посильную крупицу».

Во второй половине 1851 года он послал письмо со специальным разделом «О правописании в наречиях русского языка», где изложил свои мысли о фонетических особенностях народных говоров и литературного языка, впоследствии развитые в его статьях. Письмо привело к возобновлению переговоров о словарных материалах В. И. Даля, на этот раз только о собственно диалектных. Теперь, через три года, Отделение, послав В. И. Далю отпечатанные листы Опыта, обратилось к нему с тем же предложением, с которым в 1848 году обращался к нему Даль: исправлять и пополнять листы Опыта. В. И. Даль решительно отказался от этого предложения. Прежде всего он ссылаясь на то, что печатание областного словаря подходило к концу. Но, конечно, главной причиной отказа была подготовка Толкового словаря и несогласие В. И. Даля с основными принципами Опыта. Он не считал возможным свои материалы по диалектной лексике включить в качестве простого дополнения к лексикографическому труду, самые основы которого казались ему неверными. «Позвольте мне объясниться прямо, — писал он, — если бы я высылал запасы эти — сколь бы ни были они значительны — в Словарь Академии, то труды и заботы всей жизни моей расплылись незаметно и при том вовсе не в таком виде, не в таком порядке и нерусской одежде, в каком они у меня продолжительными и усиленными трудами подготовлены».

В этом же письме В. И. Даль сообщил свои замечания об Опыте, к которым он вернется еще раз в 1852 году, а потом подробно изложит в статье «О наречиях русского языка»: «В словаре встречаются, как мне кажется, все неудобства принятого правописания из г о в о р а». В подтверждение приведены несколько слов, орфография которых, по мнению В. И. Даля, неверна и вводит читателя в заблуждение: *бротать*, *истобок*, *латошить*, *галанить*, *бездилья* — это лишь фонетическая запись слов *обротать* (от *оброти*), *истопок* (от *истопить*), *лотошить* (от *лоток*), *голанить* (от *голанец*),

бездела. При том правописании, которого держатся редакторы Опыта, трудно объяснить, по мнению В. И. Даля, значения слов, так как теряется связь с однокорневыми словами и само представление о словообразовании.

Здесь же В. И. Даль высказал возражения против наименования издания (одно из первоначальных его названий — Опыт словаря областного русского языка). «У нас нет, — указывал В. И. Даль, — общего областного языка, а есть областные наречия, есть говоры и слова различных местностей». Он считал поэтому, что более правильными были бы названия — Словарь областных наречий русских или Словарь областных слов русского языка. Хотя специальных обсуждений этого вопроса в Отделении не проводилось, но, по-видимому, не без влияния письма В. И. Даля окончательное название этого труда стало таким: «Опыт областного великорусского словаря».

Отказавшись от присылки дополнений, В. И. Даль, однако, попросил дать ему все листы Опыта: «Это могло бы послужить для сравнения и проверки слов с моими записями, хотя бы на будущее время». Редакторы выполнили эту просьбу.

В начале 1852 года, перед самым выходом словаря, В. И. Даль прислал последнее письмо с замечаниями. И на этот раз они касались не критического отношения редакторов к отражению в словаре особенностей фонетики говоров.

«Опыт областного великорусского словаря» вышел в конце марта 1852 года. Его появление было встречено многочисленными откликами в печати. «Современник», «Москвитянин», «Библиотека для чтения», «Отечественные записки», «Сын отечества» и другие издания напечатали рецензии, заметки или краткие аннотации. В них «Опыт» рассматривался как один из важнейших трудов Академии наук, начало нового этапа в исследовании русского языка.

В отличие от других рецензентов В. И. Даль отнесся к «Опыту» в основном отрицательно. Особенно резкой, но в целом справедливой критике подверг он принцип орфографии. Отсутствие обстоятельного предисловия, в котором излагались бы сведения о фонетико-грамматических особенностях говоров, он также рассматривал как один из существенных недостатков. По мнению В. И. Даля, толкования в словаре по большей части односторонние, отрывочные, неполные; нередко раскрывается только переносное значение; много неверных определений; мало использовалось поговорок и пословиц в качестве иллюстраций. Есть ошибочные написания в заголовочных словах (например, *ирпень* вместо *игрень*; *калчан* вместо *калган*; *наговка* вместо *почевка*; *каможка* вместо *калюжка* и др.);

некоторые слова являются не диалектными, а офенскими (*корюка, кьяр*).

Многие из отмечавшихся недостатков — отрывочность географических указаний, включение общенародных просторечных слов, приведение фонетических вариантов в качестве самостоятельных слов, ошибки в толкованиях — были очевидны для составителей словаря. Как справедливо заметил в своей статье «Словарь областных речений...» Ф. И. Буслаев, эти недочеты неизбежны для областных словарей, которые еще только накапливали диалектную лексику (Известия ОРЯС, 1852, т. 1, в. 4). Естественно, что, являясь первым словарным опытом, созданный в период возникновения русской диалектологии как науки, этот словарь не мог быть безупречным. Совершенно сознательно и обоснованно ОРЯС назвало свой труд «Опытом» и стремилось как можно быстрее закончить его (он был составлен за шесть лет. «Дополнение» — за семь), чтобы после выхода широко обсудить и уяснить само направление, пути дальнейшего исследования русских народных говоров. Однако без этих подготовительных трудов не могли быть созданы и другие областные словари. Материалы этих работ используются составителями и нового сводного диалектологического словаря — «Словаря русских народных говоров», который выходит в издательстве «Наука» с 1965 года.

Что же касается Толкового словаря В. И. Даля, то он остается уникальным изданием в русской лексикографии во многих отношениях, в том числе по своему составу, включающему на равных правах без каких-либо ограничений общенародную и диалектную лексику. Но чтобы создать такой словарь, мало быть просто писателем и любить родной язык, надо еще быть выдающимся человеком, каким был В. И. Даль: «Совмещение в одном лице знатока народной словесности, выдающегося этнографа, известного писателя-беллетриста, медика, ученого-естествоведа, диалектолога, лексикографа и лексиколога, наконец, лица, работавшего на разных порах государственной службы, военно-морской и гражданской, большей частью имеющего близкое отношение к народным массам в разных местах старой России, — такое совмещение было явлением совершенно исключительным и как нельзя более благоприятным для успешного выполнения главнейшего труда его жизни, монументального памятника — Толкового словаря живого великорусского языка...» (Чернышев В. И. Избранные труды в двух томах. Т. I. М., 1970).

Ленинград

Авторские отступления в Словаре В. И. Даля

Н. В. ПОПОВА,
кандидат филологических наук

олковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля в русской лексикографии занимает особое место. До сих пор он не потерял своей актуальности и читается как книга, раскрывающая перед читателем картины жизни и быта русского народа. И подобно тому, как в «Евгении Онегине» или в «Мертвых душах» присутствует лирический герой, который врывается в повествование своими рассуждениями, шутками и репликами, так и в Словаре Даля лирический герой-автор оценивает весь этнографический, социологический, нравственный, лингвистический материал своим собственным судом, одобряя или порицая его. Эти авторские суждения даются в Словаре особым шрифтом, так как в структуре словарной статьи являются дополнениями. Поэтому специально они не изучались, хотя «лирические отступления» входят в число тех особенностей, которые отличают Словарь от других словарей. По содержанию эти дополнения можно разделить на такие группы:

1. Введенные в иллюстрации шутки по поводу комических ситуаций. Эти ситуации подробно излагаются в словаре (ничего подобного нет в лексикографической литературе, кроме Словаря Даля).

В словарной статье *Вчера* читаем: *Пошел завтра, пришел вчера. А где тот хлеб, что вчера съели?* К толкованию слова *пест* (для толчения или растирки чего в ступке, или в ступе, толчее) дана такая зарисовка: *«Глупая баба и песту молится. Отроду впервые старуха задумала идти на село, в церковь, да дорогою попала на мельницу.— Вы ли поны будете? — Мы.— А где ж у вас молиться? — Мельник указал ей на стуну: вот тут!»*

Среди примеров к слову *Разводить* есть такое рассуждение: *Первая забота, как бы жениться; другая забота — как бы развесться!* И далее шутка: *Не хочу жить с тобой, пойдём в баню, разведемся!* В иллюстрациях к слову *черт* эта шутка, кстати, повторена: *Чёрт с тобой, не живи со мной; пойдём в баню, да разведемся!*

Смех Даля иногда отзывается скрытым сарказмом. Вот какая далеко не безобидная для чиновника-бюрократа сценка приведена в статье *Писать*: «Это мы пишем, или к нам пишут? — спрашивал начальник каждый раз секретаря своего, прочитав бумагу от начала до конца внимательно вслух». Столь же язвительно звучит реченье, сочиненное, видимо, самим автором к слову *подгадить*: *У нас, коли нечем подгадить, так хоть лишним усердием.*

Об искаженном представлении о человеческом достоинстве, которое заменяется заботой о собственном благополучии, приводит Даль просьбу «зауряд-хорунжего» в статье *Переносить*: «*Все перенесу, хоть высечь прикажете, только чести не лишайте,* — сказал зауряд-хорунжий, опасаясь, что его разжалуют.

Даль без ограничения вводил и заимствованные слова, если они употребительны в живой речи, но при этом не пропускал возможности посмеяться над употребляющим чужое слово не к месту или невпопад.

«*Палундра*, морское, — окрик вроде: прочь, стерегись, ожгу, убью! остереженье от падающей вещи... *Палундра*, сам лечу! — закричал матрос, падавший с марсу»; «*Пардон* [французское] — прости, помилуй, покоряюсь, сдаюсь... — *Ах, ты, такой и сякой, ты сам пардон, и твоя жена пардониха, и твои дети пардонята,* — так будто бы ругалась нищая баба, которую кто-то толкнул и извинился перед нею словом *пардон*»; к слову *Палевый*, обозначающему цвет бледно-желтоватый, соломенный, Даль приводит ограничения в сфере специального употребления: *о лошадях, о собаках, о голубях*. И совершенно неожиданно заключает статью странным речением: *Карамзин воспевал палевые сливки*. Вероятно, это отголоски литературной полемики о вводе иностранных слов в живой обиходный язык.

2. Замечания, представляющие собой оценки, рекомендации и прогнозы автора о жизнестойкости и ценности того или иного слова. Например: *Пальто* — «*весьма неудобное для нас название верхнего платья, мужского и женского вроде широкого сертука...*» Как бы в подтверждение того, что название это «весьма неудобное для нас», Даль приводит его искаженное употребление: *пойдем пальты примерять*, сопровождая форму множ. числа пометой «множ. народн.», будто есть две грамматики, две формы множественного числа — литературная и народная. Кстати, Даль и тут, как нам кажется, прав, так как в устной речи есть свои грамматические приемы, пока еще недостаточно изученные.

В словарной статье *Позвонк* Даль прибавляет свои, более «приличные» наименования; к «четырем главным отделам животного царства прилично бы дать названия: *костяки, мякиши, кожу-*

ра́ны и жи́воросли (позвоночные, мягкотелые, суставчатые, животное-растения)». *Пыж* — клуб, ком, сверток, пеньковый, шерстяной, которым прибивают заряд; вообще затычка... «..Академический словарь [дает] ошибочно *пьеж*; множество подобных ошибок, с расстановкою слов в этом виде по азбучному порядку, крайне докучливы и могут всякого ввести впросак», — замечает автор посередине словарной статьи.

Рассыпаны в авторских отступлениях и этимологические экскурсы вроде такого: *Перу́н* — «Если *перу́н* одного корня с *прах*, *перхоть*, *перст*, то означает истребителя, испрашителя; если от *переть*, *пря*, то попирателя или воителя; у Шимкевича, от *прать*; менее вероятно от *перо*»; к слову *Пазуха* в конце толкования в скобках говорится: «*Пазухе* придавалось главное значение *груди*, а на связь с *па́зом* не указывали; а у Шимкевича *пазуха* принято за корень?»

Рассматривая словообразовательную роль приставки *пере-*, Даль сожалеет, что нельзя предусмотреть всех случаев, так как «образование предложных слов с предлогом *пере-* [по терминологии Даля, *пере-* — предлог, то же, что приставка] так обширно, что полноты их нельзя требовать даже от словаря, но они большей частью понятны по себе».

3. Много и иных шуточных фраз, остроумных диалогов, задорных, полных юмора реплик, которые не укладываются в рамки пословиц, поговорок, содержит этот уникальный лексикографический опыт: *Пальцы торчат, работать мешают* (статья *Пальцы*); *Ты больно тепло оделся. — А ты нареного человека видывал? — Нет, не видал. — А я мерзлого видел* (*Парить*); *Болен: на зубах мозоли, и волоса распухли. Шуточно* (*Распухать*).

Нам представляется, что изучение авторских отступлений в Толковом словаре раскроет перед нами добавочные черты личности В. И. Даля, полной оптимизма и душевной щедрости, а также пополнит наши знания о мировоззренческих идеалах автора. Подобный прием в лексикографии повторить или переписать не под силу пока никакому составительскому коллективу. В этой области В. И. Даль остался непревзойденным мастером.

Ленинград

Николай Вячеславович Крушевский

1851—1887

М. В. ЧЕРЕПАНОВ,
доктор филологических наук

Видный ученый-лингвист Н. В. Крушевский — один из основателей Казанской лингвистической школы. Это научное направление, сформировавшееся в Казанском университете в последней четверти XIX столетия во главе с выдающимся ученым И. А. Бодуэном де Куртене, сыграло значительную роль в истории мирового языкознания. Создание учения о фонеме, экспериментальное изучение фонетических явлений, исторический подход к языковым фактам, обоснование системного и знакового характера языка — вот в самых общих чертах то новое, что было внесено в науку о языке Казанской школой.

Николай Вячеславович Крушевский родился 6(18) декабря 1851 года в г. Луцке Волынской губернии, начальное образование получил в трехклассном уездном училище. Затем, окончив гимназию, в 1871 году он поступил в Варшавский университет

на историко-филологический факультет. Будучи студентом, Н. В. Крушевский проявил большой интерес к филологическим и философским дисциплинам. Под руководством известного русского ученого-слависта М. А. Колосова, работавшего в то время в университете, он написал выпускное кандидатское сочинение «Заговоры как вид русской народной поэзии». Это было своеобразное философско-филологическое исследование, в котором автор связал давний вид народного творчества с особенностями восприятия человеком явлений окружающего мира.

Н. В. Крушевский окончил Варшавский университет в 1875 году и летом того же года совершил поездку в Казань, где познакомился с И. А. Бодуэном де Куртене. В том же году Николай Вячеславович начал преподавать греческий и латинский языки в Троицкой классической гимназии Оренбургской губер-

нии. Помимо преподавания, он занимался изучением трудов по сравнительно-историческому языкознанию, а также переводом на русский язык с санскрита гимнов Ригведы — древнейшего памятника индийской литературы. Этот перевод был им окончательно обработан позднее в Казани и издав под названием «Восемь гимнов Ригведы» (1879).

Осенью 1878 года Н. В. Крушевский переехал в Казань, поступил на кафедру сравнительного языковедения Казанского университета, которой заведовал И. А. Бодуэн де Куртене, и стал активным членом лингвистического кружка. В него входили тогда В. А. Богородицкий, С. К. Булич, В. В. Радлов и другие языковеды. Особое внимание они уделяли изучению славянских языков, преимущественно их фонетического и морфологического строя. Ученые делали переводы текстов с одного славянского языка на другой с целью установления закономерностей сравниваемых языков. Н. В. Крушевский переводил со старославянского и болгарского на русский, с сербского на старославянский и русский, с болгарского на старославянский и др.

1878—1879 годы были решающими в формировании лингвистических воззрений Н. В. Крушевского. С одной стороны, глубокое изучение наследия виднейших представителей сравнительно-исторического языкознания, с другой — активная и твор-

ческая работа вместе с языковедами-энтузиастами принесли свои плоды. Следует подчеркнуть, что Н. В. Крушевский, по признанию его учителя И. А. Бодуэна де Куртене, сыграл видную роль в лингвистическом кружке и в дальнейшем его оформлении в самостоятельное лингвистическое направление.

В мае 1879 года Н. В. Крушевский представил на право преподавания работу «Наблюдение над некоторыми фонетическими явлениями, связанными с акцентуацией» и прочитал две пробные лекции, после чего ему было присвоено звание приват-доцента сравнительной грамматики индоевропейских языков. Первая лекция получила особенно высокую оценку среди ученых, о чем можно судить по отзыву И. А. Бодуэна де Куртене: «О способности г. Крушевского излагать ясно, строго научно и вполне самостоятельно самые основные лингвистические воц-

росы можно убедиться из его пробной лекции «Об „аналогии“ и „народной этимологии“...». Крушевский высказывает совершенно новые взгляды на разбираемые им процессы в языке» (Центральный гос. архив ТАССР, ф. 977).

В центре внимания научных интересов Н. В. Крушевского первоначально стояла морфологическая проблема — образование настоящего времени глаголов (на материале Ригvedы) сравнительно с аналогичными формами в классическом санскрите и других родственных языках. Однако, собрав и классифицировав фактический материал, ученый обратил внимание на зависимость образования грамматических форм от ударения. В названном исследовании «Наблюдения над некоторыми фонетическими явлениями...» он дал развернутый анализ этой проблемы.

Идея взаимозависимости языковых явлений, их системности, увлекшая Крушевского при исследовании Ригvedы, не была чем-то абсолютно новым: она высказывалась неоднократно Бодуэном де Куртене. Для Крушевского эта идея становится главной во всем научном творчестве. В магистерской диссертации «К вопросу о гуне. Исследование в области старославянского вокализма», защита которой состоялась 17 мая 1881 года, ученый рассматривает под этим углом зрения отраже-

ние индоевропейского вокализма в старославянском языке, устанавливает общие чередования звуков и связь его определенных категорий с формообразованием и словобразованием.

Опубликование диссертации в «Русском филологическом вестнике» (1881) вызвало многочисленные отклики в России и за рубежом. Видные лингвисты указывали на обобщающий характер работы и на стремление автора установить закономерности развития языков. Так, С. И. Булич отмечал, что в ней развиваются идеи Бодуэна де Куртене, но заслуга более глубокого анализа некоторых звуковых явлений принадлежит Н. В. Крушевскому (см.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона). Ученый-тюрколог В. В. Радлов указал, что «законы, установленные г. Крушевским, во всей своей полноте сохраняют значение и для урало-алтайской группы языков».

Основной труд Н. В. Крушевского — докторская диссертация «Очерк науки о языке» (Казань, 1883) — создавался в очень тяжелых для автора условиях. В этот период Николай Вячеславович испытывал значительные материальные затруднения и был вынужден в целях дополнительного заработка, кроме лекций в университете, выполнять большую преподавательскую работу в других учебных заведениях, что отрицательно сказывалось на состоянии его

и без того слабого здоровья. Приступая к работе над докторской диссертацией и стремясь по возможности совместить ее с занятиями в университете, Н. В. Крушевский прочитал в течение 1882—1883 учебного года курс лекций по общему языкознанию на основе материалов диссертации. Оценивая этот оригинальный лекционный курс, Бодуэн де Куртене отмечал, что он был очень полезен для студентов, так как давал им ясное и содержательное представление об одном из значительных разделов науки о языке и заставлял самостоятельно размышлять о проблемах языкознания.

Каково устройство языка, по каким законам он развивается, какие силы действуют при этом, в чем заключается источник развития языка — таковы основные вопросы, которые стремился решить Крушевский в докторской диссертации, защищенной в мае 1883 года. Его внимание привлекают факты превращения фонетически обусловленных чередований в морфологические, процессы возникновения морфем в результате их вариаций, взаимодействие между словами и их формами и т. д. В отзыве Бодуэна де Куртене говорится: «Подобная книга была бы не лишней даже в других литературах, более богатых сочинениями общелингвистического содержания. В русской же ученой литературе не было до сих пор ничего похожего на нее.

Одним словом, сочинение г. Крушевского представляет удачное обобщение многих явлений языка, представляет труд самостоятельный и строго научный». «Формулируя здесь основные законы и факторы развития языка, — писал С. К. Булич, — автор обнаруживает выдающийся философский ум, глубокий и проницательный взгляд настоящего ученого».

В мае 1883 года Крушевский был избран ученым советом Казанского университета экстраординарным профессором по кафедре сравнительной грамматики индоевропейских языков, а в октябре 1885 года — ординарным профессором сравнительной грамматики и санскрита. К сожалению, педагогическая и научная деятельность Н. В. Крушевского была непродолжительной. В конце 1885 года наступило резкое ухудшение здоровья, а в феврале 1886-го Николай Вячеславович подал прошение об отставке. Н. В. Крушевский умер 31 октября (12 ноября) 1887 года в расцвете творческих сил. Он не оставил большого количества научных исследований, но даже то, что было им создано за чрезвычайно короткое время, настолько значительно, что позволяет поставить его в один ряд с выдающимися представителями русского языкознания XIX века.

Все исследования Крушевского основаны на глубоком понимании внутренней взаимосвязи фонетических, морфологиче-

ских и лексических элементов языка. Исследование закономерностей развития языка он связывал с наблюдениями над живыми языками и диалектами, подвергая критике тех ученых, которые видели задачу лингвистики исключительно в установлении взаимного родства языков и в восстановлении праязыка. Но это не означает, что Н. В. Крушевский отрицал значение исторических изысканий, он сочетал изучение современного состояния языков с их историей. Ставя вопрос об упорядоченности языковых явлений, Крушевский подчеркивал, что закономерности изменений в языке определяются стремлением к «полному и частному соответствию мира слов миру понятий».

Значителен вклад Н. В. Крушевского в изучение фонетических явлений. Своими трудами в этой области он способствовал выработке фундаментальных понятий общей фонетики, возникновению и расцвету экспериментально-фонетического направления в русском языкознании; его труды, наряду с трудами Бодуэна де Куртене, подготовили возникновение современного учения о фонеме.

Н. В. Крушевский был одним из первых языковедов в России, давших систематизацию и удовлетворительное решение многих вопросов физиологии звуков речи (антропофоники). При этом, реализуя принципиальные установки Казанской лингвистиче-

ской школы, касающиеся требования исследовать все явления языковой системы в двух аспектах (современном и историческом), Крушевский делит физиологию звуков речи на статику, изучающую условия образования звуков, и динамику, целью которой должно быть изучение условий изменения звуков в реальной речи. Н. В. Крушевскому принадлежит развилка позднее В. А. Богородицким мысль о необходимости выделения в каждом звуке экскурсии (когда «органы речи, так сказать, выходят на работу») и рекурсии (возвращения их в первоначальное положение). При этом Крушевский замечает, что в связной речи «в работе органов замечается тенденция начать экскурсию второго звука раньше рекурсии первого» (Крушевский Н. В. Очерки по языковедению. II. Антропофоника, Отд. оттиск из РФВ, 1893).

Теория чередования, выдвинутая Н. В. Крушевским, имела важное значение для создания учения о фонеме. Сам создатель этого учения И. А. Бодуэн де Куртене писал: «Н. В. Крушевский, слушавший мои лекции и принимавший участие в заведенных мною упражнениях с 1878 г. по настоящее время, возымел мысль формулировать все это еще точнее и установить особые термины для различных родов чередования. Он же предложил термины „коррелятив“, „корреспондент“ и „фонема“...»

Только теперь, когда эти мысли формулированы и представлены так наглядно г. Крушевским, возможны их дальнейшее развитие и разработка» (Бодуэн де Куртенэ И. А. Некоторые отделы сравнительной грамматики славянских языков. Варшава, 1881).

Не утратили своего значения исследования Н. В. Крушевского в области морфологии и словообразования. Ученому принадлежит принципиальное ре-

шение ряда вопросов, касающихся исторического изменения морфемного состава слов. К какой бы области лингвистики ни обращался Н. В. Крушевский, он всегда оставался оригинально и глубоко мыслящим ученым-новатором. Его труды обогатили лингвистическую науку и сохранили свое значение до настоящего времени.

Саратов

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Встретила в книгах слова «вретище» и «изволок». Что они означают, каково их происхождение?»

И. Савостьянова, г. Новозыбков

Вретище — «мешок из рогожи или грубого холста», «толстая грубая ткань, дерюга, употребляемая в качестве подстилки, полога» связано отношением производности с русским *веретá* и этимологически тождественно русск. *верать* — «плести (сети, корзины), шить грубо, наспех» (См.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I, М., 1964, 293, 297).

Изволок — «отлогая гора, склон, некрутой длинный подъем, дорога, идущая в гору», *изволока* — «веревка для подъема» родственны *волоку*, *волочь* (См.: М. Фасмер. Этимологический словарь славянских языков. Т. I, 341, 342).

Заголовок-метафора и художественный текст

М. Ю. НОВИКОВА

Русский писатель Иван Алексеевич Бунин был выдающимся стилистом, чье дарование с наибольшей силой проявилось в великодушном владении изобразительно-выразительными средствами русского языка, в умении точно и образно раскрыть «душу каждого слова» (М. Горький).

Бунинский рассказ «Солнечный удар» характерен для писателя во многих отношениях. Он раскрывает тему внезапной, сильной и быстротечной (а потому и подлинной, по Бунину) любви. Написанный уже зрелым мастером, этот рассказ, небольшой по объему, поражает глубиной содержания. В нем нет ничего «пустяшного», каждое слово весомо, несет в себе предельную эстетическую и смысловую нагрузку. Наиболее наглядно это проявляется в заголовке-метафоре, где с одной стороны, как бы закодированы все происходящие события этого рассказа, а с другой, если говорить условно, бунинское повествование здесь — своего рода расшифровка художественными средствами метафорического смысла заглавия.

Обратившись к тексту, мы обнаруживаем несколько групп слов и словосочетаний, которые по смыслу связаны с метафорой *солнечный удар* (внезапная и сильная любовь). Это прежде всего слова и сочетания слов, подкрепляющие прямое значение выражения *солнечный удар* (болезненное состояние от перегрева головы лучами солнца). Например: легкое *головокружение*; *почувствовал такую боль...*; *сердце* поручика вдруг *сжалось...*; *почувствовал, что просто нет сил...*; *голова кружится*; *сердце* просто *разрывалось на части...*; страшно *замерло сердце*; *сердце поражено*.

Однако речь в рассказе идет, конечно же, не о физической болезни; не случайно автор нигде, кроме заголовка, не употребляет без оговорок словосочетание *солнечный удар* (ср.: *что-то вроде*

солнечного удара, *точно какой-то солнечный удар*, «солнечный удар» — в кавычках). Бушнн повествует о любви — сильной, искренней и внезапной, о муке и счастье, которые, с точки зрения автора, являются необходимыми спутниками настоящего чувства. Метафорический же смысл заглавия проясняется в ходе сложных взаимодействий (основных и неосновных, прямых и переносных) значений слов *солнечный* и *удар* со значениями других слов в тексте произведения.

Слова, связанные по смыслу с прилагательным *солнечный*, составляют первую группу. В смысловую структуру этого слова входят отдельные значения: с ярким светом солнца; перен. Являющийся источником, средоточием чего-нибудь ценного, жизненно необходимого (см.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1986). Рассмотрим, как реализуется первое из указанных значений (прямое общеязыковое):

ярко и горячо освещенная столовая; смугла... после целого месяца лежания под южным солнцем, на горячем морском песке; красновато желтело вечернее солнце; зной нагретых железных крыш; жаркий... садик; запах ее загара; страшно душный, горячо накаленный за день солнцем номер; горячая щека; шум закипевшей... воды под колесами; рыжее, выгоревшее сиденье; южное, напоминающее Севастополь, Керчь... Анапу; где-нибудь в Туркестане, Сахаре; погоны и пуговицы... нажгло. Околош картуза внутри был мокрый от пота, лицо пылало и др.

Как видно из приведенных примеров, общеязыковое значение слова *солнечный* (с ярким светом солнца) в тексте приобретает конкретные смысловые оттенки: горячий, красно-желтого цвета, южный, душный и т. д. Попутно складываются ассоциации оценочного характера: *солнечный*, с одной стороны, — животворный (*все было залито жарким, пламенным и радостным... солнцем; сияющая Волга; розовый парход*), с другой стороны — губительный (*лицо, серое от загара,*

с белесыми, выгоревшими от солнца усами и голубоватой белизной глаз, от загара казавшихся еще белее; знойный; мокрый от пота). Это противопоставление оттенков внутри одной смысловой структуры прилагательного *солнечный*, проходя через весь художественный текст, приобретает в конечном итоге обобщающее метафорическое содержание: *счастье и радость любви — боль и ненужность обыденной жизни*.

Другое значение слова *солнечный* (переносное общезыковое) — ясный, радостный, счастливый. Характерно, что Бунии часто сталкивает слова с первым прямым и вторым переносным смыслами в одной конструкции, что свидетельствует о зыбкости и условности границ между ними (ср.: яркий свет — яркое чувство, горячий песок — горячая любовь, радостное событие — радостное настроение и др.). Происходит выявление скрытых, невыраженных в общезыковой системе отдельных смыслов значения прилагательного *солнечный*. Например: в десять часов утра, *солнечного, жаркого, счастливого...*; блестящая под солнцем река, *...сияющая* над водой и небом; все было хорошо, во всем было безмерное счастье, великая радость, даже в этом зное; *блаженно...* замерло сердце при мысли, как... *смугла* она; все это *слепило*, все было залито *жарким, пламенным и радостным... солнцем*; необыкновенно *приветливо*, хорошо показалось от многолюдства этого парохода, уже везде *освещенного*.

И, наконец, третье значение прилагательного *солнечный* — являющийся источником, средоточием чего-нибудь ценного, высокого, жизненно необходимого, животворного — раскрывается в противопоставлениях слов, в которых а) содержится или б) отсутствует значение ценности:

а) чувство только что испытанных наслаждений; в легком и счастливом духе; он мучительно и восторженно любит ее; легко и беззаботно;

б) бесцельное солнце; как дико, странно все будничное, обычное; боль и такую ненужность всей своей дальнейшей жизни без нее; будет жить... своей одинокой жизнью; это было бы слишком дико, неестественно, неправдоподобно! и др.

Проследив, какие новые добавочные смыслы появляются у слова *солнечный* в контексте рассказа (помимо уже названных: радостный, блаженный, мучительный, восторженный и т. д.), обратимся к существительному *удар*. Причем, интерес представляют лишь те общезыковые смыслы данного слова, которые художественно обыгрываются писателем в тексте, а именно: резкий, сильный, стремительный; потрясение (см.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1986). Как и в предыдущих случаях, отдельные

значения и их оттенки слова *удар* часто проявляются в контекстуальных противопоставлениях (сила и внезапность возникшего у героя чувства — бесконечность и бессмысленность его дальнейшей жизни). Например:

а) значение силы и внезапности:

...избавиться от этой внезапной, неожиданной любви; отлогий подъем... показался бесконечным; он ... потом долго шагал, кружил; и что делать, как прожить этот бесконечный день, с этими воспоминаниями, с этой неразрешимой мукой; ни с того ни с сего приехать; — Я, кажется пьяна ... Откуда вы взялись? Три часа назад я даже не подозревала о вашем существовании.

б) значение потрясения:

Никогда ничего даже похожего на то, что случилось, со мной не было, да и не будет больше; Нет, этого не может быть!; ...мысль о том, что... он уже никогда не увидит ее, мысль эта изумила и поразила его; Да что же это такое со мной? И что в ней особенного и что, собственно, случилось? В самом деле, точно какой-то солнечный удар!; никогда ничего подобного не испытал за всю жизнь ни тот, ни другой.

Все эти примеры дают представление о том, каким сложным путем происходит реализация эстетического значения заголовка в художественной системе рассказа, как осуществляется взаимодействие отдельных значений и смыслов, в результате чего перераспределяются отношения между компонентами смысловой структуры: одни значения затухают, другие — активизируются. Метафорическое значение заголовка «Солнечный удар» отнюдь не воспринимается как нечто надуманное, а естественно вплетается в смысловую структуру произведения.

Формулировка метафоры *солнечный удар* по мере развития действия рассказа и осознания героями, особенно поручиком, силы и глубины вспыхнувшего так внезапно чувства, претерпевает существенные изменения. Сначала героиня воспринимает возникшее у нее к поручику чувство как *сумасшествие* («На меня точно затмение пашло...»), да и герой считает происшедшее с ними *странным приключением; забавным знакомством; случайной, такой мимолетной встречей* («...что, собственно, случилось?»). Но вот *прекрасная незнакомка*, пожелавшая остаться безмянной, уезжает, и постепенно поручик осознает, что *дорожное приключение*, подобно солнечному удару («В самом деле, точно какой-то солнечный удар!»), поразило его *неразрешимой мукой*. Не сразу герой понимает, что это его *совсем новое чувство — то странное, непонятное чувство — на самом деле внезапная, неожиданная любовь; слишком большая любовь, слишком большое счастье.*

Как видим, прямое общеязыковое значение словосочетания *солнечный удар* обросло новыми контекстуально обусловленными метафорическими смыслами: внезапность, неожиданность, счастье и мука одновременно, уникальность чувства (ср.: *дико, страшно все будничное, обычное — никогда ничего подобного не испытал за всю жизнь ни тот, ни другой*) и т. д. Эти новые оттенки значений в своей совокупности и взаимодействиях и составляют ту «душу слова», тонким знатоком которой был Иван Алексеевич Букин.

Рисунки В. Мирошник

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Во многих русских словах встречается приставка *досто*: *досточтимый, достопамятный, достодолжный*. О многих подобных словах в словаре говорится, что они устаревшие, книжные. Но есть и современные, широкоупотребительные: *достоверный, достопримечательный*. Как возникло это *досто*? Что это — приставка?»

Т. Н. Семенова, г. Чебоксары

Компонент *досто* — представляет собой усеченную основу прилагательного *достойный*, имеет значения *очень, весьма, достойный чего-либо*.

Тепловатый — «слегка» или «слишком теплый»?

А. С. ЦУККЕРМАН

Бледноватый, синеватый, круговатый, тяжеловатый... можно продолжить этот ряд производных слов, образованных с помощью суффиксов *-оват*, *-еват* от имен прилагательных. Они составляют значительную группу лексики, которая все время пополняется. Словари «Новое в русской лексике» отмечают употребляемые в произведениях последних лет прилагательные *вульгарноватый, сонноватый, шальноватый*. Кроме того, нередки индивидуально-авторские образования, например слово *чужеватый* у В. Астафьева: «...ребятишкам и не верилось, будто эта вот беснечная, чем-то и в чем-то чужеватой ставшая молодайка — их, касьяшек, мать!» (Царь-рыба); «Чужевато мне пальто, но я постепенно обживал его, обнюхался» (Последний поклон). Однако в современных толковых словарях, кроме 17-томного, нет им объяснений. Значения этих прилагательных, между тем, обнаруживают одну интересную особенность.

Производные слова с *-оват*, *-еват* часто называют прилагательными «неполноты», «недостатка» признака. В «Русской грамматике» (т. I. М., 1980) значения таких производных определены следующим образом: «обладающий в смягченной, уменьшенной степени качеством, названным мотивирующим словом» (с. 299). 17-том-

ный «Словарь современного русского литературного языка» в большинстве случаев толкует их с использованием наречий *несколько*, *немного*, *слегка*: *полноватый* — «несколько полный», *горьковатый* — «слегка горький», *твердоватый* — «немного, несколько твердый», *жидковатый* — «слегка, умеренно жидкий». Слова *несколько*, *немного*, *слегка*, *умеренно* близки по значению и действительно обозначают низкую, ослабленную степень качества.

Однако в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля обнаруживаем такие, казалось бы, противоположные толкования: *бледноватый* — «несколько или слишком бледный», *жирноватый* — «изрядно жирный», *близковато* — «слишком, чересчур близко». Как видим, В. И. Даль использует для определения значений группы рассматриваемых слов совсем не наречия ослабленности, сниженности меры, а наречия *слишком*, *изрядно*, *чересчур*, которые обозначают излишек, избыточность, чрезмерность. Значит, слова, которые обычно определяются как прилагательные «неполноты» и «недостатка», способны иметь значение избыточности, чрезмерности?

Прилагательные на *-оват*, обозначающие сниженную степень проявления признака, должны и образовываться от прилагательных, называющих такие же качества: *грустный* — *немного*, *слегка*, *несколько грустный* — *грустноватый*; *кривой* — *немного*, *слегка*, *несколько кривой* — *кривоватый*; *сырой* — *немного*, *слегка*, *несколько сырой* — *сыроватый* и др. Но нельзя сказать: «немного, слегка добрый, умный, славный, милый» и нет прилагательных «доброватый», «сумковатый», «славноватый», «миловатый». Однако есть случаи, когда, казалось бы, правило нарушается, например: *пустая* — *пустоватая* комната, но не «слегка пустая»; *плоский* — *плосковатый* камень, но едва ли «немного плоский». Такие образования становятся возможными потому, что значение неполноты, сниженной меры качества — не единственное для производных слов с суффиксами *-оват*, *-еват*.

Слова *слишком*, *чересчур*, *изрядно*, *излишне*, сочетаясь с прилагательными, показывают на нарушение обычной нормы качества, на чрезмерность, излишек меры. Отклонения от принятого традиционно воспринимаются как явления отрицательные, а потому такие сочетания, как правило, сопровождаются также и неодобрительной оценкой. Эта скрытая, не выраженная специальными словами оценка присутствует и тогда, когда значение избыточности (хотя и ослабленной) имеют рассматриваемые нами прилагательные с суффиксами *-оват*, *-еват*. Они, таким образом, имеют значение не только меры признака, но и субъективной оценки: «... Ира не в его вкусе: крупновата. Правда, симпатичная и простая»

(М. Чулаки. Что почем?) — *крупновата*, то есть несколько, слишком крупна.

В следующем примере наречие на *-оват* употреблено в контексте с производящим, отчего становится более отчетливой отрицательная оценочность и присущее производному *жарковато* значение избыточности «слишком жарко»: «— Жарковато сегодня на улице,— отвечал я Дарье Степановне.— Я в озере купался, а уж в баню не хочется. Жарко!» (Г. Семенов. Будорань).

Иногда значение сниженной, ослабленной меры качества или избыточности, чрезмерности становится ясным из контекста. При этом играют роль несколько факторов. Сочетаемость с определенными существительными — первый из них. Вот примеры: «Жирные и соленые, они [миноги] возбуждали острую жажду, которую плохо утоляла прогорклая вода из паровоза или тепловатая мутная вода редких станционных колонок» (Нагибин. Ранней весной) — здесь для утоления жажды желательна холодная вода и указание на ее «тепловатость» подчеркивает ненужную избыточность; «... в одном из котлов обнаружил темный тепловатый чай...» (Богомолов. Зоя) — чай обычно употребляется горячим, указание *тепловатый* означает, что он «слегка, чуть теплый», а не «несколько, слишком теплый», как в первом случае.

Прилагательные с *-оват*, *-еват* могут употребляться переносно, выступая в качестве эпитетов при существительных — именах качества: «Оба мужика, отец и сын, были невысоки, худощавы, с бледноватой тонкостью в лицах...» (Трифонов. Другая жизнь); «...порой окружала холодноватая тишина аудитории, где наискось лилось зимнее солнце...» (Бондарев. Игра). Метафорическое значение не предполагает количественных градаций признака. Всякого рода количественные определители при таком слове по преимуществу имеют значение оценки, а не меры. В приведенных примерах слова *бледноватый*, *холодноватый* невозможно заменить сочетаниями *слегка*, *немного*, *несколько бледный*, *холодный*. На первый план здесь выступает отношение говорящего, значение оценки.

Как правило, излишек, избыточность качества выражается краткой формой употребляемой в позиции сказуемых рассматриваемых прилагательных. При этом значение сниженной нормы качества, свойственное полному прилагательному, переходит в большинстве случаев в значение ослабленной чрезмерности: «Помпрокурора Скумбриев, конечно, грубоват, но ведь и прав тоже» (Макаши. Безотцовщина); «— А, стерлядки,— с удовольствием говорил Петр Андреевич.— Ну и хорошо. Мелковаты только» (Казанков. Ночь); «...Я бы пошел, но староват уже...» (Шукшин. Наказ).

Значение «слишком, чрезмерно, чересчур» проявляется и тогда,

когда в тексте имеются специальные показатели соответствующих ситуаций. Указания на них чаще всего даны посредством сочетаний с предлогом *для*: «В полукруглые окна видно, как в конце аллеи ... появилась черная точка. Для посетителя это еще рановато... Значит, появился на работе Славочка» (Есин. Имитатор); «...мы переехали на другую квартиру, просторную и для нас дороговатую, в шикарном доме Аудерского на Маразлиевской, одной из лучших улиц города» (Катаев. Разбитая жизнь, или волшебный Рог Оберона).

Итак, наречия *слишком, чересчур, изрядно, порядочно, излишне*, употребленные В. И. Далем для объяснения прилагательных с суффиксами *-оват, -еват*, отражают существенную особенность их значения. Определяемые обычно как прилагательные «неполноты, недостатка признака», в контексте эти слова могут обозначать избыточность, чрезмерность степени его проявления. Получается, *тепловатый* — и «слегка» и «слишком теплый».

Ленинград

Рисунок В. Леонова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что общего между словами *симптом* и *синдром*?»

В. Г. Луговой, Руза

Слова *симптом* и *синдром* иноязычного происхождения. *Симптом* — от греческого *symptoma* — совпадение, признак. Это существительное имеет два значения: 1) характерное проявление, признак болезни; 2) внешний признак какого-либо явления.

Слово *синдром* образовано от греческого *syndrome* — стечение. Это медицинский термин, означает — сочетание признаков (симптомов), имеющих общий механизм возникновения и характеризующих определенное болезненное состояние организма.

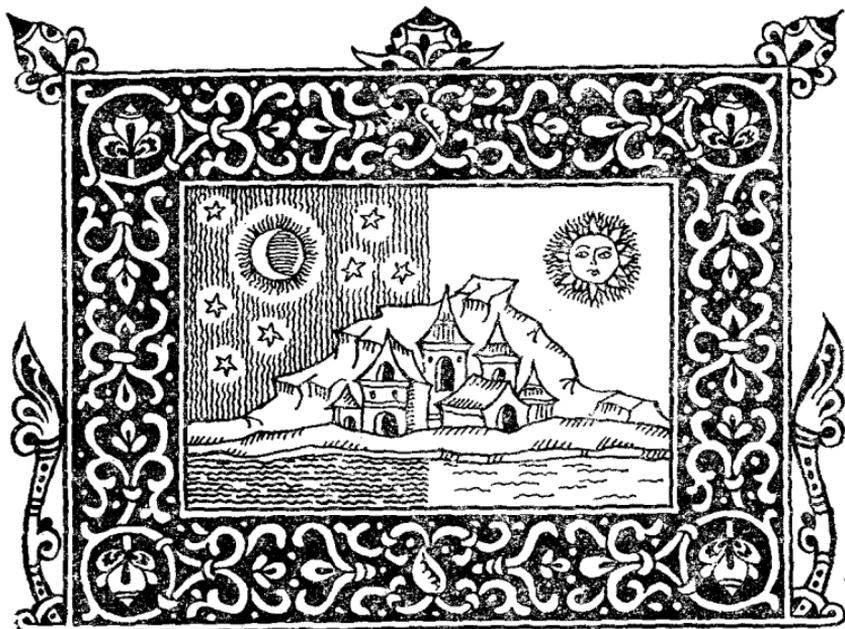

«Часто слышу слово „абориген“. Что оно означает?»

Л. П. Казанцев, Львов

Абориген — от латинского *aborigines* «изначальный» — первоначально о древнейших жителях Лациума (области, населенной латинами).

Так называют коренных, исконных жителей какой-нибудь страны или местности. В биологии — это растения и животные, которые возникли в процессе эволюции в какой-нибудь местности и поныне в ней обитают.

850 лет «Учению» Кирика Новгородца

Р. А. СИМОНОВ,
доктор исторических наук

В современную эпоху, когда в системе общей культуры возрастает вес точных наук, неизбежно появляется интерес к их пред-
ыстория, и не напрасно. Еще 850 лет назад наши предки создавали
выдающиеся для своего времени произведения научного характера.

В 1136 году в Новгороде было написано первое русское обобщающее произведение о календаре — «Учение им же ведати человеку числа всех лет». Этот трактат посвящен единицам счета времени и основным понятиям древнерусского церковно-государственного календаря (юлианского). Автор демонстрировал умение устанавливать даты «подвижных» праздников. Сочинение поражает логикой композиционного построения, четкостью и ясностью изложения, отсутствием церковно-богословской фразеологии. Автор труда — 26-летний монах-дьякон Антониевого монастыря Кирик, который был регентом (дирижер хора) монастырской церкви (см.: Симонов Р. А. Кирик Новгородец. — Русская речь, 1976, № 1).

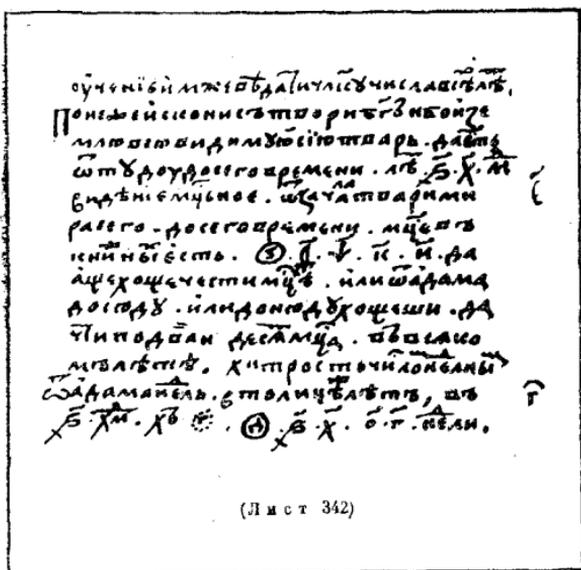
Судя по письму известного историка К. Ф. Калайдовича к главе знаменитого кружка ученых графу Н. П. Румянцеву, «Учение» Кирика привлекло внимание русской общественности не позже 1820 года. Однако история изучения творчества Кирика в этот период складывалась драматически. В 1828 году текст «Учения» был опубликован митрополитом Евгением, недостаточное внимание которого к календарно-арифметическому существу текста привело к неточной передаче записи чисел, что впоследствии породило неверное мнение об ошибках, якобы допущенных Кириком. Эти «ошибки» пытался исправить в 1847 году П. В. Хавский, но его комментарии больше запутали, чем разъяснили расчеты Кирика. Выдающийся русский математик академик В. Я. Буняковский (1804—1889) первым разобрался в вычислениях Кирика Новгородца, отметив их абсолютную правильность. Свое мнение он изложил в статье «Арифметика» в «Энциклопедическом словаре, составленном русскими учеными и литераторами» (СПб., 1862, т. V). Однако оно не изменило отношения научной общественности к наследию Кирика, может быть, из-за анонимности статьи (подписанной инициалами), принадлежность которой В. Я. Буняковскому была установлена только в советское время В. Е. Прудниковым. В науке возобладала ошибочная трактовка «Учения»: в 1884 году В. В. Бобынин, на основании поверхностных суждений П. В. Хавского, сделал необоснованный вывод о невысоком уровне вычислительной культуры на Руси, в то время как Кирик производил точные расчеты с гигантскими числами (порядка до 10 в седьмой степени). Незаслуженно низко, как бесполезное произведение, оценил «Учение» Кирика историк Е. Е. Голубинский (1834—1912).

Перелом в отношении к творчеству Кирика Новгородца внес академик А. А. Шахматов (1864—1920). Он назвал его автором статей Новгородской летописи под 1136 и 1137 годами, исходя из представленной в них сложной номенклатуры единиц счета времени, сходной с имеющейся в «Учении» (Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908).

Недавно советский историк А. М. Пашков в Ленинградском отделении Архива АН СССР изучил письма 1908—1913 годов, адресованные А. А. Шахматову историком календаря Н. В. Степановым. Они раскрывают неизвестную ранее страницу интересов А. А. Шахматова, ратовавшего за необходимость глубокого, специального изучения календарного произведения древнерусского автора. С помощью А. А. Шахматова Н. В. Степанов опубликовал обстоятельную статью о календарно-арифметическом трактате Кирика Новгородца в Известиях Отделения языка и словесности имп. Академии наук (СПб., 1910, т. 15, кн. 3). В письмах Н. В. Степанова, как и в

упомянутой книге А. А. Шахматова, не обсуждался возникший впоследствии вопрос о том, что Кирик писал и перерабатывал Новгородскую летопись. Эту гипотезу высказал Е. Ю. Перфецкий (Русские летописные своды и их взаимоотношения. Братислава, 1922). В советской науке аналогичное представление разрабатывал академик Д. С. Лихачев.

В последние пять лет значительно возрос интерес ученых к творчеству Кирика. Немецкий исследователь Г. Подскалки в мо-

пография, посвященной христианской и богословской литературе в Киевской Руси (Мюнхен, 1982), дал обзор почти всем работам, связанным с творчеством Кирика.

Была обнаружена не попавшая ранее в работы о Кирике статья историка церкви Гр. Малышкина: «О Кирике — писателе XII века и его сочинениях», опубликованная в «Смоленских епархальных ведомостях» в 1868—1869 годах. В ней признается высокая значимость «Учения»: «Это есть драгоценность для истории русской хронологии».

Историк педагогики В. М. Петров (Советская педагогика, 1982, № 6) считает, что трактат предназначался для развития абстрактного мышления учащихся и являлся «высшим достижением в области обучения методике математики в Древней Руси». Автор отмечает, что методика Кирика замечательна тем, что дает «материал одновременно как бы в трех уровнях: бытовом, образном и абстрактном». В реализации своей методики Кирик опирался на педаго-

гические идеи и представления, которые в дальнейшем вошли в сокровищницу дидактики: изложение материала по принципу от простого к сложному, от конкретного ко все более отвлеченному понятию, переход от знаний к формированию умений на основе системы упражнений с последовательно повышающейся сложностью.

В 1985 году издательство «Педагогика» выпустило «Антологию педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV—XVII вв.» (составители и авторы биографических очерков с комментариями — С. Д. Бабишин и Б. Н. Митюрков). Здесь впервые среди педагогических произведений рассматривается «Учение» Кирика, причем отмечается, что трактат построен на важнейших дидактических принципах: последовательности, связи нового материала с известным, иллюстрации абстрактных положений примерами, обобщении в конце каждого раздела.

Книговед И. Л. Шурыгина (см. Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. Межведомств. сб. научных работ, вып. 2, М., 1983) высказала мнение о том, что «Учение» Кирика потому оставалось как бы в стороне от других произведений, что в нем отсутствует изложение христианских догм, наивных верований, образов народного творчества, присущее древнерусским произведениям. Эта особенность и позволила трактат Кирика считать, по мысли Д. С. Лихачева, сочинением «подсобного для ведения летописи характера» (Текстология. Второе изд., М., 1983, с. 386). Возражая этой точке зрения, И. Л. Шурыгина полагает, что «Учение» представляет собой законченное произведение по содержанию и по форме, характеризующееся единством предмета, целевого назначения и читательского адреса. Она относит «Учение» к самостоятельному жанру древнерусской научной литературы и признает его «важную роль в становлении научной литературы и жанра монографии на Руси».

Историк философии М. Н. Громов (Исторические традиции философской культуры народов СССР и современность.— Сборник научных трудов. Киев, 1984) рассматривает «Учение» Кирика Новгородца в ряду древнерусских философских источников. Он выделяет кроме натурфилософских сочинений апокрифического характера, которые только условно можно назвать естественнонаучными, действительно научные произведения, к каковым причисляет сочинение Кирика Новгородца как образец средневекового научного трактата, где тесно переплетены математические, календарные, хронологические и философские идеи и представления. Исследование М. Н. Громова показывает, что сочинения, подобные «Учению» формировали научный стиль мышления, по крайней мере элементы

его, что расширяет и углубляет наши представления об особенностях древнерусского миропонимания, в котором существовало сложное перелетение различных способов осмысления эмпирического материала.

Важное открытие сделала текстолог Е. К. Пиотровская (Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 40, Л., 1985). «Учение» сохранилось в малом числе списков (в научном «обороте» находилось три). Рядом с ними подразумевался и четвертый, с которого, как известно, в начале XIX века для канцлера графа Н. П. Румянцева (после 1817 г.) сделана копия, по ней памятник и был издан в 1828 году. В конце копии говорилось, что она снята с книги, имевшей шифр — Соф. № 475. Но следы рукописи надолго затерялись. Е. К. Пиотровская обнаружила эту книгу в собрании Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, № 245 (в одиннадцатой коллекции археографической комиссии); рукопись датируется XVI веком. К этому же столетию относится еще один — Погодинский список «Учения», два остальных — позднейшие.

Е. К. Пиотровская сдвинула с мертвой точки еще один вопрос. В «Учении» встречается слово «промузгы», не известное по другим древнерусским памятникам. По контексту, в котором оно находится, его соотносили с понятием «мудрецы». Е. К. Пиотровская пришла к выводу, что «промузгы» — испорченная калька с греческого, обозначающая человека, которому дана привилегия первого слова. В новгородской языковой среде из «промусты» получились «промузгы». В таком случае перевод «мудрецы» приобретает еще один оттенок — иронический: ведь не каждый, владеющий привилегией считаться мудрецом, им является на самом деле. Е. К. Пиотровская полагает, что именно в таком ироническом смысле употреблял слово «промузгы» Кирик.

Важный результат получил палеограф и археограф А. А. Туринцов в решении вопроса об истоках и причине написания Кириком начальной части трактата. На основе тщательного изучения хронологико-арифметических текстов о единицах счета времени (годе, месяце, неделе, дне, часе), содержащихся в семи тысячах лет, он установил, что наиболее архаичные варианты сохраняют черты глаголицы. Исследователь аргументирует, что в XI—XII веках они получили распространение на Руси. Причем в их кириллической транскрипции были допущены ошибки, типичные для «перевода» глаголических цифр в кириллические. Начальная часть «Учения» посвящена аналогичному вопросу: количеству месяцев, недель, дней и часов в 6644 годах, соответствующих в летоисчислении от «сотворения мира» времени написания трактата (1136 г.). Таким образом, Кирик трудился не на пустом месте, а продолжал суще-

ствовавшую в славянском мире календарную традицию. Его текст имел важное практическое значение, так как в «семитысячниках» накопились ошибки, а исправить или убедить в их наличии можно было путем указания верной методики проведения соответствующих расчетов, что и сделал Кирик.

В последние пять лет продвинулось исследование второй части «Учения», посвященной теоретической основе принятого на Руси юлианского календаря. Из текста Кирика следует, что он применял способ, позволяющий находить день недели любого юлианского года. Кирик Новгородец мог иметь в руках, говоря нашими словами, вечный календарь.

Вечные календари относятся к вспомогательной научной литературе. Для различных систем летосчислений их существуют сотни, если не тысячи. Условно их можно разделить на две категории: набор таблиц с правилами пользования, иногда сводящимися к математической формуле, облегчающей расчеты, и словесные методики, в которых не использовались вспомогательные таблицы; эта категория вечных календарей также не исключает возможности математического моделирования их «устройства». Кирик Новгородец мог пользоваться трехтабличным вечным календарем, подобным тому, который сохранился в русских рукописях XIV века и позднейшей болгарской записи XVI века в Новороссийской псалтири. Кроме того, была составлена математическая модель (формула) вычислительных операций, необходимых для пользования этим календарем (Симонов Р. А. Кирик Новгородец — ученый XII века. М., 1980. См. об этом также отдельную статью в сб. «Язык и письменность среднеболгарского периода». М., 1982).

Этим вопросом заинтересовался советский историк астрономии И. А. Клемишин, включивший во второе издание книги «Календарь и хронология» (М., 1985) специальное дополнение, в котором подтвердил правильность предложенной математической модели. Он высказал мнение, что разработка трехтабличного календаря была связана со слиянием западноевропейских и византийских календарных традиций.

В последнее время ведется работа по разысканию и изучению трехтабличных вечных календарей в славянских рукописях. Выявлено несколько их вариантов, древнейшие представлены списками XIV века. В «Служебнике» из собрания Государственной публичной библиотеки (ГПБ) календарь соседствует с летописной записью о захвате татаро-монголами Рязани 21 декабря 1237 года. Можно сделать вывод, что до этого времени календарь мог находиться в протографе «Служебника». Бытование на Руси трехтабличного вечного календаря в первой половине XIII века подтверж-

дается находкой фрескового фрагмента одной из таблиц такого календаря при археологических работах в старой Рязани (публикация подготовлена А. А. Мединцевой).

Таким образом, за сравнительно короткий срок была значительно приближена ко времени «Учения» (1136 г.) источниковая база, а на ее основе рассмотрен метод календарных расчетов, каким мог пользоваться Кирик. Но это не значит, что он действительно применял трехтабличный вечный календарь. Изучение творчества Кирика Новгородца позволило сделать более важный вывод: примерно во времена Кирика во многих древнерусских городах применялся трехтабличный вечный календарь, что само по себе говорит о высокой календарной культуре в домонгольской Руси вообще.

Кирик, умея находить день недели любой юлианской даты, мог составить роспись календарных дат на многие годы вперед. По мнению А. М. Пентковского, Кирик использовал календарные таблицы, восходящие к западноевропейским источникам.

Подводя итог, можно сказать, что за последнее время сделано немало в изучении творчества Кирика: открыт «потерянный» список «Учения», более точно определено место произведения в системе древнерусской литературы, установлена его преемственность с предшествующими славянскими календарными произведениями глаголической традиции, выявлена важность трактата для истории древнерусской философской и педагогической мысли.

Наконец, справедливо отмечено (в упомянутой работе Е. К. Пятровской), что «имя Кирика, его сочинения, дошедшие до нас, заслуживают самого пристального изучения, так как они являются, можно сказать, истоками древнерусской образованности».

Рисунок В. Леонова

(...) Язык, которым Российская держава великой части света повелевает, по ея могуществу имеет природное изобилие, красоту и силу, чем ни единому европейскому языку не уступает. И для того нет сомнения, чтобы российское слово не могло приведено быть в такое совершенство, каковому в других удивляемся.

М. В. Ломоносов.

Из «Краткого руководства к красноречию»

Замолаживает, заволаживает...

Т. В. ГОРЯЧЕВА

В марте 1819 года в морозную погоду молодой мичман В. И. Даль ехал в кибитке к месту службы на юг (это было под Новгородом, у Зимнего Яма). Ямщик, желая подбодрить замерзшего седока, сказал, указывая кнутовищем на небо: «Замолаживает», Даль спросил, что это означает, и занес в записную книжку легендарное первое слово, положившее начало его Словарю: «замолаживать — иначе пасмурнеть — в Новгородской губернии значит заволаживаться тучками, говоря о небе, клониться к ненастью».

Вот и статья из Словаря В. И. Даля на *замолаживать*: «*Замолаживать*, *замолодить пиво, мед*, приводить в винное брожение хмелем, навеселить; о квасе, приводить в кислое брожение. // *Замолаживать* бзлч. орл. тул. и вост. пасмурнеть, заволаживаться тучками, клониться к ненастью, замываться, начинать бродить, переходить в брожение; // быть замолаживаему. *Замоложаветь?* тмб. пвн. захмелеть; опьянеть. *Замолодеть?* олон, о солнце, покрываться белыми тучками (не замолаживать ли?)». Далем также было записано

псковское, тверское *моложить* «о погоде, замолаживать, пасмурнеть», *мбложная погода* «пасмурная, туманная, серенькая», а также тверское *молодое молоко* «кислое, простокваша, свежее, квашеное» и *мблочь, молодизна* «молодость... пена на недобродившем пиве, меду, квасу».

Диалектологами в разное время были записаны также архангельское, орловское *зámолочь* «дождевые облака, посящающиеся на небо», ярославское *замолодить* «покрыться тучами, облаками (о небе)», курское, костромское *замолаживать* «начинать бродить (о квасе, пиве и т. д.)», воронежское «бурлигь (о молодом квасе)», ярославское «загнивать», воронежское «спинеть (о небе)», архангельское, калужское, курское «свежить, холоднеть, подмораживать», архангельское «наносить туман», новгородское, костромское «клонить ко сну»; новгородское, саратовское *молодѣть* — «заволакиваться тучами, делаться пасмурным (о небе)».

Ср. также укр. *молбдяться* безлич. «собираются тучи; то тучи, то снова прояснится», польское диалектное *młodzie* «дрожжи», *romłodziny* «облака», нижнелужицкое *rozmlódzenie* «моложение», «заквашивание», «квашеное тесто, кваша», *rozmloda* «закваска», польское *młodzić* «покрываться облаками (о небе)».

В представлении древних славян скисание молока, брожение пива, заквашивание хлеба отождествлялось с заволакиванием неба облаками, замерзанием воды, порчей погоды вообще. Так, известный фольклорист и этнограф XIX века А. Н. Афанасьев писал: «Любопытны свидетельства языка, указывающие на уподобление грозы и ненастья приготовлению хмельных напитков: области. *замоложаветь* употребляется в смысле: захмелеть, опьянеть, а *моложить* применяется к погоде и значит: затягиваться небу тучами, делаться пасмурным; *молбжный* — туманный, серый; средний глагол *замолаживаает, замолодило* — становится или стало облачно, пасмурно, а действительная форма *замолаживать, замолодить* — делать так, чтобы напиток заиграл, запенился («замолодить пиво»)...)» (Афанасьев А. Н. Древо жизни. Избранные статьи. М., 1982).

Относительно *молбжить* «омрачаться, становиться пасмурным», *замолаживать* «приводить в брожение» и связи их со словом *молодой* и польским *niebo się młodzi na deszcz* «небо покрывается дождевыми облаками» писал М. Фасмер вслед за Брюкнером и Потебней (см.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка).

Итак, погода может *кваситься*, как и молоко. В говорах польского языка есть такие названия облаков, как *kwaśne mleko* и *siadłe mleko*, буквально «кислое молоко» и «ссевшееся молоко».

Любопытно также, что смоленское *закулаживаться* значит «становиться пасмурным, покрываться тучами (о небе)», Оно обра-

зовано от слова *кулага*, которое в разных говорах значит «кушанье из толокна, заваренного кипяченой водой», «закваска для браги или кваса — мука, сваренная с солодом», «напиток из солода, похожий на пиво, брагу», «простокваша».

Древние славяне воспринимали дождь как молоко, а тучи — как небесные стада.

В Полесье хозяйка так обращалась к корове, выгоняя ее первый раз на пастбище весной: «Дахаджу я да цябе, кароўка, из хлеба и паскай, а ты да мяне — из любисцею и ласкай. Ишло три хмарки на небу: адна хмарка дажжевая, а другая — спегавая, а третяя — градавая. Як дождь, дай бог малачко, як снех — сметану, як град — сыр» (с. Жаховичи, Мозырск. р-н, Гомельск. обл.)). А вот сербский рождественский или юрьевский ритуальный диалог: «Как на деоре? — Облачно! (Большая туча). — На дворе облачно, пусть у меня будет каймак (сливки), как ковер (т. е. пусть в молоке будет больше сливок)» (Толстые Н. И. и С. М. О задачах этнолингвистического изучения Полесья. Полесский этнолингвистический сборник, М., 1983).

В болгарских говорах записан глагол *затестило се* в значении «заволокло облаками (о небе)», образованный от существительного *тесто*. В представлении древних славян и замерзающие воды подобны сседающемуся хлебу: «Мержуцам бо водам подобно хльбом сседаються». Пример взят из Псалтири толковой XV века.

Облачное состояние неба, подавленное, угнетенное состояние человека, состояние скисания молока могут выражаться словами *кваситься, кислый*. Погода, состояние человека могут быть тревожными. О начавшем киснуть молоке также можно сказать, что оно *потревожилось (потревожиться* «о молоке, кушаньях и т. п., прокисать» — записано в псковских, тверских говорах).

В Подмоскowie говорят о молоке, начавшем прокисать: «Оно уже задумалось».

Отождествление туч на небе с задумчивостью, грустью, кручиной человека отражено, например, в таком отрывке из пародной свадебной песни: «Синии тучи по небу нашли, Марычка на думак села».

Иногда о задумчивом, горестно настроенном человеке скажут, что «он сидит туча-тучей». *Пасмурный, хмурый* — эти слова приложимы и к человеку в грустном состоянии, и к небу, покрытому облаками. *Хмара* — «темное облако, туча; густой туман, мгла» и «угрюмый человек» (псковское, тверское), *хмарить* — «замолаживать, заволакивать, становиться пасмурным, идти к ненастью, к дождю».

В Словаре Даля есть выражение *небо сунится* «хмурится, помрачается к непогоде», ср. *человек сунится*. Псковское *мóрщиться* также значит «хмуриться (о погоде)».

Среднеуральское *бутѹситься* имеет значения «становиться пасмурной (о погоде)» и «хмуриться, сердиться». На Урале же записано и *заскучать* «нахмуриться, сделаться пасмурным (о небе, погоде)»: «Небо *заскучало*: видно, к дождю».

В псковских говорах записано *гмырить* «хмуриться, пасмуриться (о погоде)» и *гмыриться* «печалиться, хандрить, быть в плаксивом настроении».

А. Н. Афанасьев писал: «Древнейший язык, давая названия предметам по их признакам, сблизил и отождествил все, что только напоминало текущие струи влажной стихии; поэтому не только вода, но и молоко, моча, сок дерева, растительное масло и общепотребительные напитки (мед, пиво, вино) дали метафорические выражения для дождя...» (там же). Это высказывание относится не только к дождю, но и к облакам, тучам, пасмурной погоде вообще. Ср. выше уподобление облака квашеному молоку в польских говорах, а также такое, например, название дождевой тучи в архангельских говорах, как *влага*. В вологодских говорах *волога* — «пенастая, дождливая погода». Интересно, что слово *влага* родственно немецкому *Wolke* «туча», они восходят к одному и тому же индоевропейскому корню (Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*).

В вологодских и костромских говорах записан глагол *заволаживать* в значении «покрываться облаками (о небе)». Ср. *волажить* «увлажнять, мочить; поливать» (южн., зап., нижегор.), по также и «приправлять пищу вологою (жиром, маслом, сметаной и т. п.); маслить» (волог., пск., останк., твер.). Слово *волога*, кроме значения «влага, вода, жидкость», имеет в говорах также значение «скоромная приправа к еде (масло, сало, сметана и т. п.)» — новг., волог. и т. д.

Дождевое облако в Архангельской области (Номорье) называется *водолей*. В Словаре Даля приведено выражение *на дворе жиделеет* «пенастится» и слово *жидели* «низкие облака». Во владимирских, муромских, тамбовских говорах записано слово *замываго* «начинать появляться (о тучах)». В Словаре Даля приводится выражение *на небе замывает*, которое объяснено синонимами «замолаживает, заволакивает».

А. Н. Афанасьев писал: «Старинные поучительные слова обозначают бездождевые завязанным или замкнутым небом...» (там же).

В противовес *замкнутому, завязанному* небу — бездождному, небо пасмурное бродит, движается, облака ходят, бегут.

В русском фольклоре словосочетание *облако ходячее* стало устойчивым. В народной поэзии есть такие примеры его употребления:

Он и скачет выше дерева стоячего,
Чуть пониже облака ходячего.

Былина об Илье Муромце

Удалилась моя белая лебедушка
За горушки она за высокия,
За облачка она за ходячии...

Северный Плач по крестнице

В Подмоскowie была записана такая фраза: «Сегодня сколько набрелось». Говорящий подразумевал тучи. В рязанских говорах *побресть* употребляется по отношению к пасмурной, хмурой погоде.

Повсеместно известно слово *заходить* в значении «надвигаться (о туче)». Глагол *накататься* в соликамских говорах значит «внезапно, стремительно надвигаться (о тучах)». В словенском языке выражение *oblaki se rodě* значит «облака быстро двигаются (гоняют друг друга)».

Признак движения можно увидеть и в некоторых названиях дрожжей, простокваши, кислого теста и т. д. Ср., например, название дрожжей *ходун* в тверских говорах, *ерзалка* в воронежских говорах значит «простокваша», в архангельских говорах *ходелое тесто* — «квашеное тесто», белорусское *скакуха* — «простокваша». В белорусских говорах слово *збегчыся* значит «ссесться, створожиться (про молоко)».

Пасмурное небо — небо заволоченное, затянутое тучами. Само слово *облако* восходит к праславянскому *ob-velkti «обволочь, обтянуть». А. Н. Афанасьев писал: «Темные тучи, облака и туманы казались наблюдающему уму древнего человека покровами или одеждою, в которые рядится небо. О таком воззрении с особенною ясностью свидетельствует наш язык: *облако, оболоко, оболок* — от глагола *обволочить, наволочло* — небо нахмурилось, покрылось тучами, *наволочка* — погода, когда небо омрачается серыми облаками, *оболокаться (облекаться)* — одеваться...» Он приводит также цитаты из народных заговоров: «Оболокусь я оболочками (или темным облаком кроюся), подпояшусь красною зарею»; «Облаками облачуся, небесами кроюся» (там же).

В стихотворении «Колдунок» Сергея Клычкова находим поэтический образ онучи-облака:

В облаках заревой огонек,
Потухает туманный денек.

Повернула дорога во мглу...

По селу
Идет колдун в онучах,
В онучах — в серых тучах...

Облачное небо представлялось как затянутое чем-либо, задернутое, закрытое потолком и т. д.

Так, архангельское *натягивать* («Воздух *натягивает*, т. е. собирается ненастьем») свидетельствует об этом. В костромских говорах *натяжная туча* — это дождевая туча.

Вот как причитала в Сибири невеста при обряде расплетания косы:

Ветры буйные, потяните
Да ветры буйные, со восточной стороны,
Натяните-ка, ветры буйные,
Тучу да грозную
Со громами да со сверкучими,
Со дождями да со ливучими.

В Подмосковье (Клинский район), если вы вышли на улицу в ненастную погоду, вас могут шутливо спросить: «Куда собрались, на тягу? Тучи пнатягивать?».

В Словаре Даля приведено выражение *небо задёгнуло* «стало пасмурно»; в воронежских говорах *запотолочило* значит «заволокло тучами».

Итак, мы привели некоторые синонимические названия, связанные с ненастной погодой. Думается, даже этот небольшой перечень дает представление о неисчерпаемых богатствах русского языка.

Рисунок В. Леонова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что означает слово *прилука*? Связано ли как-то его значение с названием города?»

Н. И. Морозова, г. Прилуки

Прилука «берег на изгибе реки» (Даль, III, 424), как и топоним. *Прилуки* (мн. ч.), входит в гнездо слов, родственных русск. *лук* (для стрельбы), *лукавый*, диал. *лукá* «изгиб, луговое или лесное пространство в излуине реки». См. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. II, М., 1967, 531; т. III, 365.

О фамилии Фелицын

В. П. ФЕЛИЦЫНА,

кандидат филологических наук

Редакция «Русской речи» в связи с публикацией материалов из Словаря русских фамилий получает много писем от читателей, желающих узнать происхождение своей фамилии, а вместе с тем и жизнь своих предков. Это вполне естественно. Ведь часто в фамилиях отражается история русского народа, его быта, память об отдельных исторических событиях. Фамилия *Фелицын* выглядит обычной русской фамилией (сравните: *Лисицын*, *Куницын* и др.), но в ней невозможно выделить русский корень, чтобы узнать, от какого слова она произошла, как это легко сделать в названных фамилиях, образованных от слов *лисица*, *куница*. По-видимому, это обстоятельство, а также забвение (или незнание) истории некоторых сторон русской жизни породило много легенд в семьях носителей этой фамилии.

Некоторые из Фелицыных считают, что их предок был греком, приехавшим в Россию в качестве библиотекаря в XV веке вместе с Софьей Палеолог, племянницей византийского императора Константина XI, второй женой Великого князя Московского Ивана III.

Другие причисляют своего предка к знатному татарскому роду, полагая, что он был мурзой. Эта легенда основана, очевидно, на неверном понимании державинской оды, в которой «богоподобная царица Киргиз-Кайсацкия орды» Фелица (так назвал поэт Екатерину II) окружена мурзами.

Третьи возводят свою фамилию непосредственно к Екатерине II: якобы первый Фелицын был любимцем императрицы, а так как ее называли «Фелица» (опять реминисценции державинской оды), то и фаворита-де стали называть Фелицыным.

Придется огорчить тех, кто верит в эти красивые легенды. Появление их фамилии не так поэтично и не так глубоко уходит своими корнями в историю. И все-таки подлинная судьба ее не менее интересна.

Как известно, наши далекие предки не имели фамилий. Фамилии у русских людей появились значительно позднее, чем имена и прозвища. Процесс образования фамилий в русском литератур-

ном языке закончился, как считают исследователи, к началу XVIII века. Источники русских фамилий разнообразны: это имена предков (*Петров, Иванов, Романов*), географические названия (*Ржевский, Щипачев*), профессии предков (*Столяров, Слесарев*), прозвища (*Лисицын, Дудаков*) и т. д. Есть в русском языке искусственно образованные фамилии, о которых Ю. А. Федосюк в Предисловии к популярному этимологическому словарю «Русские фамилии» (М., 1972) пишет, что с начала XVIII века вплоть до середины XIX они «присваивались учащимся духовных учебных заведений».

С. Н. Сергеев-Цепский в повести «Счастливица» устами одного из героев рассказывает историю создания этих так называемых семинарских фамилий. В повести описывается дом отдыха в первое десятилетие Советской власти. В день приезда за столом во время знакомства отдыхающих происходит такой разговор:

« — Никак не мог ожидать, чтобы особа, знающая три языка, оказалась из духовного звания!

— Я ... я? — покраснела вдруг Ландышева.

— Пустяки, что же тут такого и зачем краснеть?.. Я сам из духовного звания, потому что Вознесенский... „Есть такое предание о древнем московском академическом начальстве, как оно перекрещивало бурсаков... Кто был тихого поведения и громких успехов, тот, видите ли, получал фамилию от праздников, — например, Рождественский, Богоявленский, Успенский, Троицкий или Вознесенский, как я... Горжусь своим неведомым предком: был он высокой марки... Кто был тихого поведения и тихих успехов, — этим скромникам, в тиши процветавшим, давали фамилии от цветов... Вот тогда-то и пошли все Розовы, Туберозовы, Гиацинтовы, Фиалковы, а также Ландышевы... Да, да, да... Но были и такие, что успехов тихих, а зато поведения громкого, — эти получали прозвища от язычества: Аполлонов, Посейдонов, Архитриклинов, Илионский, Амфитеатров и прочее и прочее... Так говорит семинарское предание...“

— Хотя я и Ландышева, по отец мой все-таки не из духовенства, — начала было Ландышева...»

Это предание о перемеще фамилий у семинаристов передавалось от поколения к поколению и не лишено исторической правды. Так вот, *Фелицын*, стало быть, был «тихих успехов и громкого поведения» и получил поэтому фамилию «от язычества». Происходит эта фамилия от имени богини счастья и блаженства Фелицы (а не от императрицы Екатерины II, названной Державиным в своей оде Фелицей).

Но можно предположить и другую версию происхождения фамилии *Фелицын*, которая известна в некоторых семьях: поступавший в семинарию ученик был удачлив, ему повезло при вступительной проверке знаний, где он проявил сообразительность, он счастливо прошел все испытания, вот его и назвали Фелицыным. Имя *Фелица* происходит от латинского прилагательного *felix* (род. пад. *felicis*), что значит «счастливый».

Один, теперь уже пожилой человек по фамилии Фелицын, вспоминает: «Отец мне рассказывал, что дедушка был из крестьянской семьи, носил фамилию Васильев и с этой фамилией поступал в бурсу. Когда в бурсу приехал архиерей, он спросил деда: „А как твоя фамилия?“ Дед ответил: „Васильев“, на что архиерей сказал: — Будешь носить фамилию Фелицын, то есть счастливый».

Лавдышева из повести «Счастливица» отрицала свое духовное происхождение и наверняка говорила правду. Семинарская фамилия свидетельствует только о том, что какой-то предок носителей этой фамилии учился в семинарии, но это не значит, что он сам и все его потомки были священниками. Каждый окончивший курс обучения семинарист мог выбрать себе любое занятие, поступить в университет, на службу по своей склонности. Вспомним, хотя бы, художника первой половины XIX века академика живописи народных сцен Ростислава Ивановича Фелицына (умер в 1882 г.), картины которого выставлены во многих музеях нашей страны.

Приношу глубокую благодарность тем Фелицыным (особенно В. Н. Фелицыну и Т. М. Балабиной-Фелицыной), которые поделились со мной своими семейными преданиями.

Ленинград

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Расскажите, пожалуйста, о слове *частушка*».

Е. Б. Чалых, *Вольск*

Частушка — это песня, исполняемая в компании, плясовая. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля говорится: «Частушка произошла из обрядного припева танцевальной песни, у которого она переняла краткость, рифму и быстрый темп. Образовано от *čestъ*, первоначально: то, что часто повторяют».

ИЗ СЛОВАРЯ русских фамилий

В. А. НИКОНОВ

Яткин. В основе фамилии — *ятка*, слово в украинском и белорусском языках означает «лоток, накладка для мелкорозничной торговли».

Яфаров. Отчество от искаженной формы *Яфар* из канонических имен Евфер, Евферий, которые у русских были очень редки, а в нашем столетии бесследно забыты. Но не исключено возникновение фамилии из принесенного мусульманством арабского мужского имени Джафар.

Яхимов. Отчество от белорусской формы мужского имени Яхим из канонического Иоаким (М. В. Бирюла. Белорусская антрапонимия, т. 3, Минск, 1982), русская народная форма — Аким, в якающих говорах — Яким. Не исключено также влияние имени Я(Е)фим, Евфим (ий) — в древнерусском языке не было звука *ф* и для передачи иноязычных слов его заменяли на *з*.

Яхлаков. Фамилия записана в Верховажском районе Вологодской области. Суффикс *-ак* особенно часто встречается в фамилиях, записанных именно в бассейне Северной Двины (напр., Шестаков, Симаков). Но значение основы *яхл-* раскрыть пока не удалось, возможно, она принадлежала языкам, которые предшествовали русскому заселению Севера.

Яхно. Фамилией стала форма личного имени, образованная от канонического Иаков (рус-

ское повседневное — Яков) со славянским суффиксом *-хно* (ср. в украинском и белорусском Полесье — Сахно из Александр, Михно из Михаил, Юхно из Юрий и мн. др.). Затем эта форма проникла к русским вверх по Днепру — через Смоленск и дальше до Пскова, вниз по Оке — через Калугу до Рязани.

Яхнов. В основе фамилии Яхно, записанная в традиционной форме русских фамилий на *-ов*.

Яхонтов. Основа — *яхонт*, старинное название рубина и сапфира. Как и названия других драгоценностей, слово еще с конца XVIII века часто служило основой фамилий, даваемых священниками выпускникам духовных семинарий: Алмазов, Серебров и прочие.

Яхремов, Яхримов. Отчество от Яхрем — украинская и белорусская форма канонического мужского имени Ефрем.

Яхъев, Яхъев. Отчество от мусульманского имени Яхъя, в прошлом широко распространенного, которое еще и сейчас существует у народов Средней Азии и у татар Поволжья. Ислам ввел его как имя арабского пророка, которое заимствовано из древнееврейского имени Иоханан, к русским оно принесено христианством в форме Иоанн (современное Иван).

Яцкий, Яцков, Яцкой. В основе, вероятно, прилагательное *ятский*. По В. И. Далу, *ятской*

или *яцкой* (олопецко-ярославское) означало «широг, который ели с медом, печенье с маслом и яйцами, испеченное в латке, черепке». Такое объяснение возможно, но не вполне надежно.

Яцук. Отчество от производящего *яцук*. Суффикс *-ук* характерен для фамилий украинско-белорусско-польского Полесья. Но основа *яц-* неясна.

Ячни. От старорусского глагола *ячать* — «стонать, жалобно кричать».

Ячнев. Основа — русское диалектное (северное) слово *ячный* — «ячменный» или шире — «яровой».

Яшенькин, Яшечкин. Отчество в форме притяжательных прилагательных, выражающих принадлежность конкретному лицу: чей сын? — Яшенькин, Яшечкин (образование с ласкательными суффиксами *-еньк(a)*, *-ечк(a)* от имени Яков).

Яшин. Отчество от уменьшительного Яша от Яков (русское разговорное преобразование капищического мужского имени Иаков). От основы на гласный *-а* образовалась форма притяжательного прилагательного с суффиксом *-ин*.

Яшкевич. Одна из многочисленных фамилий, образованных из различных форм имени Яков; суффикс *-евич (-ович)* в XV—XVII веках был очень распространен у поляков, причем чаще прибавлялся к фамилиям небогатого городского населения в отличие от фамилий дворянских па *-ский (-цкий)*; суффиксы *-ак*, *-ик* были принадлежностью фамилий «простолудинцов».

Яшкин. Отчество; образование как притяжательное прилагательное от уничижительной формы имени Яшка. В России XVI—XIX веков было принято при обращении к вышестоящему по должности и социальному положению лицу называть себя по

имени, прибавляя к нему обязательно уничижительный суффикс *-к(a)*.

Яшнев, Яшнов. Так же, как и *Ячнев* (см.), замена *ч* на *ш* перед *н* > *ин* в русской речи встречается нередко, примеры такого явления в фамилиях многочисленны: известные издатели Сабашниковы из *Собашниковы*, Прянишниковы из *Пряничниковы* и другие.

Яшник. Основа — *яшник* — «изделие из ячменной муки»; прилагательное означало изготовителя или торговца этими изделиями, *яшником* называли и человека, любившего полакомиться ими.

Яцук, Яцук. Основа — различные производные формы имени Яков (Иаков). Суффикс *-ук* характерен для фамилий в областях Полесья.

Яшутин. Отчество от формы *Яшута*, образованной от имени Яша с суффиксом *-ут(a)* (как Малюта и т. п.), употребительным в польском языке, куда принесен из литовского.

Яценко. Основа фамилии — украинская или белорусская форма имени Яшка, производного от Яков (Иаков), образовано суффиксом *-енк(o)*, который обозначал потомка во всей приднепровской и правобережной Украине, в восточной полосе Белоруссии (соответствовал русскому *-онок*).

От редакции:

Дорогой читатель! На этом публикация отрывков из «Словаря русских фамилий» В. А. Никонова заканчивается. За одиннадцать лет в «Русской речи» (с № 1, 1976) представлено более тысячи фамилий. Это лишь малая часть Словаря, около двух процентов. Всего автором собрано более тридцати тысяч фами-

лий (фамилии на букву А рассмотрены в трех книгах «Этимология» — 1971, 1972, 1974 годы). Неослабевающий интерес читателей на протяжении этих лет помогал автору упорно и настойчиво продолжать столь нелегкий труд, связанный с постоянными поездками по стране, кропотливой работой в библиотеках и архивах, встречами и беседами с людьми. Сотни писем направлены читателям, интересующимся историей и географией своей фамилии, но, естественно, далеко не всем возможно было ответить на вопросы. Ведь каждая фамилия требует от исследователя немало времени и труда, упорных поисков, чтобы найти хотя бы крупицу сведений, вос-

становить значения слов, которые нашими современниками начали забываться.

История русских фамилий позволяет специалистам прояснить многие интересные вопросы развития русского языка, народа, страны. И в эту область отечественной науки Владимир Андреевич Никопов внес свой достойный вклад: он помог современникам восстановить бесценные сведения из прошлого русского народа и русского языка, сосредоточив их в уникальном труде — «Словаре русских фамилий».

Пожелаем автору и читателям, чтобы «Словарь русских фамилий» поскорее увидел свет.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Когда появились на Руси фамилии на -ов(-ев), ии, такие как Шурьгии, Тургенев, Туров?»

А. Я. Турьгии, *Свердловск*

Впервые фамилии на -ов(-ев), ии были зафиксированы в русских древних документах не ранее XVI века. До того времени на Руси были личные имена, отчества и прозвища.

☛ «В поэзии мне встречалось слово *сильфиды*. Что оно означает?»

О. И. Смириов, *Советск*

Сильфы или *сильфиды* (от французского *symphe*, *sympheide*, сд. ч.) — в кельтской и германской мифологии, а также в средневековом фольклоре многих европейских народов — духи воздуха.

Домра и домбра

Струнный щипковый музыкальный инструмент, пазываемый *домра* и весьма популярный в русском быту прошлого, имеет интересную историю. Раннее упоминание о нем содержится в Поучении митрополита Даниила (II четверть XVI века): «...дьяконы, и чтецы, и певцы глумяся играют в гусли, в домры, в смыки...» Из этих слов видно, что домры к этому времени не только широко бытовали среди простого народа, но и глубоко проникли даже в среду культовых служителей. Слово *домра* отмечено средневековым словарем иностранных слов — «Азбуковником» XVI века, где *домра* встречается при объяснении слова *мусикея*: «Мусикея, гудения, рекше игра гусельная и кинаров, рекше лырей, и домр, всякаго рода устроения гудебаго».

До середины XVII века инструмент был весьма популярен среди представителей всех со-

циальных слоев Руси. В царствование Михаила Федоровича игра на домре была основным развлечением даже царской семьи в придворных. Однако после того, как престол занял царь Алексей Михайлович, игра на народных инструментах, в том числе на домре, была запрещена, а сами инструменты были уничтожены. В юридических актах того времени читаем: «Чтобы в бесовские игры, в сопели и в гусли, и в домры и во всякие игры не играли и в домех у себя не держали».

С этих пор вплоть до конца XIX века инструмент домра и его название исчезли из употребления. Не сохранилось даже описания инструмента, хотя есть предположение, что домра являлась прообразом балалайки. (См. Горяев Н. В. Этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896 год). И только в 90-х годах XIX века 3-струнная домра была реконструирована Ф. С. Пасерб-

ским и включена в состав бала-лаечного ансамбля. В 1908 году Г. П. Любимов вместе с масте-ром С. Ф. Буровым создали пер-вую 4-струнную домру, а в 1914 году Любимовым был орга-низован домровый оркестр. В на-стоящее время домра получила большее распространение в са-модельных и профессиональ-ных оркестрах русских народ-ных инструментов.

Столь же необычна судьба названия *домра* в русском язы-ке. Так, В. И. Даль считал, что слово *домра* произошло из «дуть, дму, потому что встарь это было духовое орудие, дудка» (Словарь В. И. Даля). Авторы же других словарей (толковых, этимологи-ческих) русского языка утвер-ждают тюркское происхождение этого слова. Ярким доказатель-ством такого утверждения слу-жит производное от слова *дом-ра* — *домрачей*, обозначающее му-зыканта. В тюркских языках название музыканта звучало как *домрачы*: «Конечный тюркский суффикс *-чы* (или *-чи*) в этих словах уже на почве русского языка был переделан в *-чей*, так как кощечное *-и* было нетерпи-мо в русских словах в имени-тельном падеже единственного числа» (Добродомов И. Г. Еще раз о казначее, а также о груба-чее. — Русская речь, 1967, № 5).

Слово *домра* в различных фонетических оформлениях ши-роко представлено во многих тюркских языках: казахском, но-гайском, каракалпакском: *дом-*

быра, татарском *думбра*, киргиз-ском *домбура*, чувашском *тамра*, узбекском, турецком *тамбура* и др. Оно восходит к персидско-му *тамбура* и попало в тюркские языки в XI веке. Известные своей музыкальностью, турки освоили инструмент, и слово, обозначавшее его, прочно вошло в лексический состав тюркских языков. *Тамбура* во многих тюркских языках изменилась в *дамбыра* (*дамбура*, *домбура*) с начальным *д* —; этот же на-чальный согласный сохранился в русском заимствовании.

Отсутствие согласного *-б-* в середине слова в русском *домра* объясняется тем, что для рус-ской фонетики не характерно стечение нескольких согласных и поэтому согласный *-б-* выпа-дает из слова.

Видимо, слово *домра* приш-ло в русский язык из кыпчак-ско-ногайской группы языков. Судя по цитированному выше отрывку из Поучения митропо-лита Даниила, этот музыкаль-ный инструмент вместе с назва-нием попал в церковные круги в начале XVI века. Следова-тельно, в народном быту он пользо-вался популярностью гораздо раньше, может быть, в XIV—XV веках, когда Русь граничила с Золотой Ордой, где говорили, в основном, на тюркских язы-ках.

В середине XV века хан Но-гай был одним из влиятельных правителей Золотой Орды. Он вел интенсивную торговлю

с Русью. Ногайцы поставляли русским лошадей и овец. Среди сопровождающих табуны лошадей и стада овец могли быть люди, владеющие игрой на музыкальных инструментах под названием *домбра*. Скоморохи заимствовали у них не только инструмент вместе с названием, но и название музыканта, который играл на нем — *домрачей* (выше уже говорилось об этом слове). К этому необходимо добавить, что слово *домрачей* очень часто встречается в Исторических актах начала XVII века, так как при царском дворе одновременно находилось несколько скоморохов — домрачеев, которых царь поставил на жалованье: «Государева жалованья домрачею Путяте» (Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1977, в. 4).

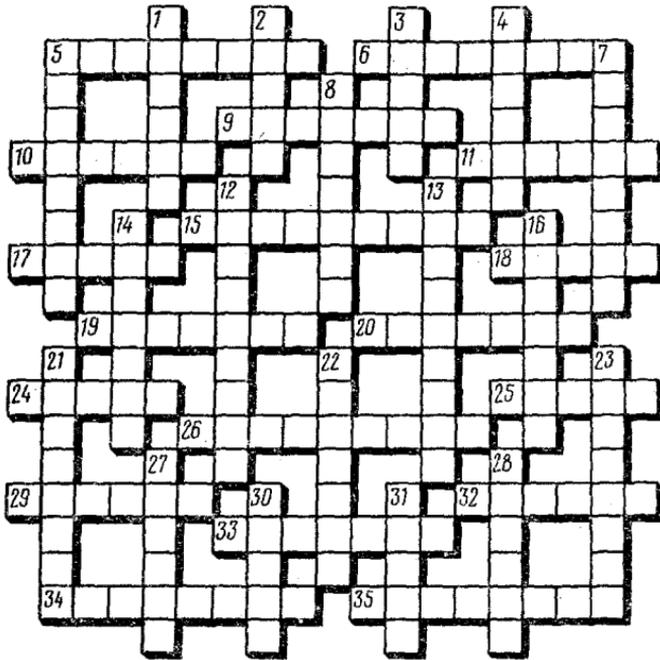
Дополнительным своеобразным показателем тюркского происхождения слова *домбра* являются поговорки: «Рад скомраха о своих домрах» и «Любить игра — купить домра», где ударение в слове *домра* стоит на последнем слоге. Как известно, тюркская акцентуация предполагает ударение строго на последнем слоге. По-видимому, эти поговорки появились в то время, когда ударение в слове еще падало на последний слог, как и в

языке-источнике. Впрочем, ударение на конце слова сохранялось еще долгое время, что фиксирует Словарь В. И. Даля: «Домра́, ж. или мн. домры́, азиатская балалайка, с проволочными струнами. Домра известна у многих славянских племен...» Впоследствии ударение в слове *домра* переместилось с последнего слога на первый. Вероятно, такое явление произошло под влиянием множественного числа *домры*. Со временем домбра как национальный музыкальный инструмент сохраняется вместе с названием лишь у казахов.

К сожалению, порой наблюдается отождествление слов *домра* и *домбра* и их понятий. Например, в Словаре современного русского литературного языка находим: «Домбра, ы, ж. То же, что домра. Домра, ы, ж. Музыкальный струнный народный инструмент с кузовом закругленно-грушевидной формы».

Слова *домра* и *домбра* — два разных слова, обозначающие в настоящее время разные музыкальные инструменты: домра — 3- или 4-струнный русский народный инструмент, а домбра — двухструнный казахский национальный инструмент.

Б. Б. Джанарова

КРОССВОРД
«МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ»

По горизонтали: 5. Книга, по которой Ломоносов учился грамоте. 6. Первое печатное руководство на русском языке по теории литературы и ораторскому искусству, составленное Ломоносовым. 9. Советский академик, один из крупных знатоков ломоносовского наследия. 10. Знаменитый философ древности, имя которого фигурирует в Оде 1747 года Ломоносова рядом с именем знаменитого английского ученого. 11. Поэма Гомера, собственные переводы из которой Ломоносов использовал в «Риторике». 15. Пиротехническое средство для развлечения двора во время торжеств, к участию в устройстве которых часто привлекался Ломоносов. 17. Персонаж трагедии Ломоносова о «позорной гибели гордого Мамая царя татарского». 18. Наука из круга интересов Ломоносова. 19. «История, ритор, ... , химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник» (А. С. Пушкин о Ломоносове). 20. Слово, содержащееся в названии од, посвященных Ели-

завете Петровне. 24. Зерна, на которые за провинности и «беспамятность» ставили коленами учащихся Спасских школ, где начал учиться Ломоносов. 25. Разновидность языка в зависимости от различных условий речевой практики; Ломоносов создал учение о трех таких разновидностях. 26. Оптический прибор, упоминаемый Ломоносовым в «Письме о пользе Стекла». 29. Степень родства Петра I с императором Павлом, о которой напоминает Ломоносов в оде на рождение последнего. 32. Древнегреческий философ, презиравший смерть, упоминаемый Ломоносовым в «Риторике». 33. Фаворит императрицы Елизаветы Петровны, оказавший в пору своего могущества поддержку Ломоносову. 34. Сасановое, о котором идет речь в стихотворении Анакреонта, переведенном и дополненным Ломоносовым. 35. Российский ... тобою освещен, Тобюю наш восход на оном озарен. По вертикали: 1. В древнегреческой мифологии бог подземного мира, 2. Троянский царь, часто

упоминаемый в античной поэзии, переводы из которой делал Ломоносов. 3. Церковное учреждение, добивавшееся от Елизаветы указа, чтобы «таковые соблазнительные и ругательные пасквили (речь идет о сатире Ломоносова «Гимн бороде».— В. Ш.) истребить и публично сжечь». 4. Промысловое объединение, в котором работали отец и сын Ломоносовы. 5. Имя древнегреческого астронома в одном из стихотворений Ломоносова. 7. Научное учреждение, в котором Ломоносов вел борьбу с иностранным засильем. 8. В древнеримской мифологии богиня, покровительница ремесел и искусств. 12. Критик, который назвал Ломоносова «Петром Великим русской литературы». 13. Одно из ученых званий Ломоносова. 14. Древнеримский оратор,

у которого «генералы, сенаторы и сами консулы... приватно в красноречии обучались». 16. Свойство французского языка, которое, по мнению Ломоносова, можно найти и в русском. 21. Астроном, чье учение о движении небесных светил разделял Ломоносов. 22. «Специальность» Ломоносова, не упомянутая А. С. Пушкиным. 23. Пмя русской императрицы в Оде 1747 года. 27. Современник Ломоносова, руководивший 1-й и 2-й Камчатскими экспедициями. 28. Понятие, употребленное Ломоносовым в названиях его трактатов о Стекле, Химии и др. 30. Устар. и обл. Крестьянин. 31. Житель побережья Белого моря и Ледовитого океана.

Составил В. Н. Шендрик

~~~~~

Весьма погрешают те, которые по свойству чужих языков деепричастия от глаголов личных лицами разделяют, ибо деепричастие должно в лице согласоваться с главным глаголом личным, на котором всей речи состоит сила: *идуци в школу, встретился я с приятелем; написав я грамотку, посылаю за море. Но многие в противность сему пишут: идуци я в школу, встретился со мною приятель; написав я грамотку, он приехал с моря; будучи я удостоверен о вашем к себе дружестве, вы можете уповать на мое к вам усердие*, что весьма неправильно и досадно слышу, чувствующему правое российское сочинение.

М. В. Ломоносов. Из «Российской грамматики»

~~~~~

Тематический указатель статей,

опубликованных в журнале

«РУССКАЯ РЕЧЬ»

в 1986 году

Виноградов С. И. Русский язык эпохи НТР: споры, мнения, оценки	1
Источник духовного обогащения	5
Костомаров В. Г. Всемирное пространство русского языка	1
Паначин Ф. Г. Основа лингвистической культуры	6
Программа роста материального и духовного потенциала народа	2
Протченко И. Ф. В дружной семье народов и языков	3
ЯЗЫК ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА	
Житенева Л. И. Приемы создания экспрессии в газетных текстах	2
Иванова Т. Ф. Приемы цитирования в ленинских текстах	4
Матвеев Б. И. Разговорно-бытовые фразеологизмы в ленинской публицистике	2
В ПОМОЩЬ ПРОПАГАНДИСТУ	
Кохтев И. Н. Оратор всепокоряющей силы	2
Кохтев И. Н. Энергия слова	5
Кохтев Н. Н. Ярко, понятно, убедительно (Публицистическое мастерство В. И. Невского)	6
К ДНЮ ПОБЕДЫ	
Глицкина Л. А. «Пишет домой война» (О письмах военных лет)	3
ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	
Архангельский А. И. «Нет истины, где нет любви» (О содержательной роли противительного союза «но» у А. С. Пушкина)	1
Бабаев Э. Г. Возвращение слова	5
Балахонова Л. И. О языке поэмы «Хорошо!» В. Маяковского	2
Вацуро В. Э. Из записок филолога	3, 4
Владимирцев В. П. Кто такие «адмирал Чайковский» и «кулики» у Ф. М. Достоевского	2
Гладышева Л. А. Крылатая фраза М. Е. Салтыкова-Щедрина «Чего изволите?»	1
Довгалло Г. И. В. Г. Белинский и наука о русском языке	3
Калашников В. И. Осенний А. Вознесенского	4

Коваленко А. Г. «Я выхожу на Place de la Concorde» (Иноязычная лексика в поэзии В. Маяковского)	5
Колганова А. А. «Идея, умноженная на стиль» (К 80-летию выхода в свет романа А. М. Горького «Мать»)	6
Красикова Е. В. Новое восхождение В. Быкова (О символах в повести «Знак беды»)	5
Ланский Л. Р. Авторские переводы А. И. Герцена	1
Ланский Л. Р. Белинский о слоге и слог Белинского	3
Ладис А. А. Письмо из Болдина к невесте	4
Луценко Н. А. «Месяц кинул золотые клинья, но угасли лунные лучи...» (О связях грамматических форм в поэтической речи)	5
Мазья М. Г. В. К. Кюхельбекер и литературный язык 20-х годов XIX в.	4
Майорова О. Е. Игра словом у Н. С. Лескова (<i>Чудо</i> в рассказе «На краю света»)	1
Матвеев Б. И. Слово «дорога» у Н. В. Гоголя	6
Мурьянов М. Ф. Пушкин о Дельвиге	3
Н. А. Добролюбов о русском языке	1
Огнев А. В. «Главный учитель родного языка — народ» (О прозе С. И. Антонова)	3
Серков С. Р. Ф. Глинка и коренное русское слово	6
Степанян Т. Р. «Воздушной арфы легкий звон»	1
Тарасенко С. В. Ленинское слово в поэмах В. Федорова	2
Тарланов Е. З. Глагольная метафора в повести В. Астафьева «Последний поклон»	1
Тименчик Р. Д. Адмиралтейская игла	3
Тихомиров Б. Н. Почему <i>Родион Раскольников</i> ?	2
Тищенко В. И. Автор «Слова о полку Игореве» в изображении советских писателей	3
Федосюк М. Ю. Портрет в «Анне Карениной»	6
Фонштейн В. М. «Богатырская повесть стихами» А. Н. Радищева	2
Трибуна писателя	
Дудочкин П. П. Душа слова	5
Культура речи	
Веселов П. В., Овчинникова П. В. Служебный речевой этикет	5
Голуб-И. Б. Источники выразительности художественной речи	2
Граудина Л. К. Из истории русского красноречия. Риторика М. М. Сперанского	4
Дерibas В. М. Антигриппин, антикомарин	3
Дмитриева О. Л. «Женский вопрос» в наименованиях профессий	1
Зелена Р. В. Поговорим о том, как мы говорим	1
Иемченко В. Н. Галифе — широкое или широкие?	4
Иугач С. А. Тавтология как средство выразительности	1
Рогожников Р. П. Сокровищница русской лексики	5
Скворцов Л. И. О языке — неравнодушно	1
Сорокина Э. А. <i>Межпозвоночный</i> или <i>межпозвоноквый</i> ?	3
Шкатова Л. А. Речевой этикет: если вы покупатель	2
Шкатова Л. А. Речевой этикет. «У меня зазвонил телефон...»	4

ОТВЕЧАЕТ СЛУЖБА ЯЗЫКА

Лазуткина Е. М. Акт [на что-либо, чего-либо, о чем-либо, по чему-либо]	2
Лазуткина Е. М. Запланировать командировку [кому-либо, кого-либо]	5

ТЕРМИНОЛОГИЯ

Волкова П. Н. Как назвать изделие?	2
Даниленко В. П. Стандартизованные термины. Лингвистическая правильность	5
Кириченко Г. С. Термин в судостроении	6

ЯЗЫК ПРЕССЫ

Орлова П. И. Мирная жизнь десанта	3
-----------------------------------	---

СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

Балахонова Л. И. Из истории создания областного словаря Академии наук	6
Безуглова О. А., Скобликова Е. С. Всеволод Антонович Малаховский	1
Бернштейн С. Б. Афанасий Матвеевич Селищев	1
Горшков А. И. Борис Николаевич Головин	4
Добродомов Н. Г. Аптон Семенович Будилевич	5
Зеленин Г. Л. Виктор Александрович Истрип	5
Кедайтене Е. Н. Григорий Андреевич Ильинский	3
Попова Н. В. Авторские отступления в Словаре В. И. Даля	6
Русинов Н. Д., Черняева В. М. Алексей Васильевич Миртов	4
Черепанов М. В. Николай Вячеславович Крушевский	6

СЛОВО МОЛОДОМУ ЛИНГВИСТУ

Багрянцева Г. И. Деловой язык Петровской эпохи	4
Бунина Г. В. Ритмическая гимнастика или аэробика?	5
Дерябина А. С. Торцовый и торцевой	3
Дизенко Н. Д. Листья — дождем, слезы — ручьем	3
Золотарева Е. Д. Душа у В. В. Маяковского	3
Кадеева М. И. Свитер, джемпер, пуловер — «сыновья» фуфайки	3
Караваева С. Е. «И носят светлые звуки...»	5
Кононенко И. В. Золотые слова, серебряные строчки	4
Кускова Е. В. Ввод — введение, регулирование — регулировка	4
Новикова М. Ю. Заголовок-метафора и художественный текст	6
Новикова М. Ю. Метафора в повести Ю. М. Нагибина «Перекур»	4
Новикова Н. В. Неологизмы в научной фантастике	4
Соколянский А. А. Из истории безударных гласных	4
Цуккерман А. С. Тепловатый — «слегка» или «слишком теплый»?	6
Чистякова И. Ю. Пейзажная живопись К. Паустовского	5

СРЕДИ КНИГ

Г. А. Богатова. И. И. Срезневский	4
М. В. Горбаневский. Имена земли Московской	3
Л. П. Калакуцкая. Склонение фамилий и личных имен в русском литературном языке	2
Т. С. Коготкова. Письма о словах	1
А. Н. Кожин. Лексико-стилистические процессы в русском языке периода Великой Отечественной войны	5
Д. Э. Розенталь. Прописная или строчная? Опыт Словаря-справочника	1
А. И. Федоров. Образная речь	2

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Горбаневский М. В. От знания — к пониманию, от понимания — к доверию	5
Макаренко В. А. Русский язык в Республике Филиппины	2
Международный симпозиум МАПРЯЛ	2
Целищева Н. И. Созидательная сила русского слова	4

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

Баранкова Г. С. «Уди и части телу»	1
Виноградова В. Л. О Словаре-справочнике «Слова о полку Игореве»	1
Воинов С. С. Кто ты, Ярославна?	3
Вомперский В. П. «Российская грамматика» М. В. Ломоносова	6
Жуковская Л. П. М. В. Ломоносов о русском языке и письме	6
Заказчикова Т. А. Формы древнерусского имени в десятиях	2
Калугин В. В. Байса́ и басма́	2
Козлов В. П. Источник первых комментариев «Слова о полку Игореве»	2
Кондакова И. А. <i>Скарэдный</i> пьяница	5
Коткова Н. С. Ужника и жесть	4
Мурьянов М. Ф. История одной эпиграммы (из «Риторики» М. В. Ломоносова)	6
Немировский Е. Л. Издания Петровского времени	4
Немировский Е. Л. Н. И. Новиков — русский издатель XVIII века	5
Пименова М. В. Обозначение цвета в древнерусских «Травниках»	5
Пушкарев Л. П. Юрий Крижанич	1
Симонов Р. А. 850 лет «Учению» Кирика Новгородца	6
Сиромаха В. Г. Книжная справа Московской Руси	3
Смирнова Л. Г. «И исполчишася Русь, и бысть сеча велика...»	2
Судаков Г. В. «Каков женишок, таков его и сапожок»	5
Судаков Г. В. От коврижки до марципана	1
Шкляревский Г. И. «Лучшее его произведение во всех отношениях» (Язык и стиль «Слова о пользе химии» М. В. Ломоносова)	6
Эркенов М. М. Овлур, Влур, Лазр	3

ДЕЯТЕЛИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Жигулина Н. А., Кондрашов Н. А. Василий Никитич Татищев	2
---	---

РУССКИЕ ГОВОРЫ

Гольдин В. Е. Из рассказов диалектолога	1
Ильинская Н. Г. «Колчан пригож стрелами, а обед — пирогами»	4
Кудряшова Р. И. Мещерские говоры на территории Волгоградской области	5
Райская Л. М. Народная речь Среднего Приобья	3

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА

Вакуров В. Н. «Белая березушка низко к земле клонится»	5
Вакуров В. Н. Кто вино любит, тот сам себя губит	3
Мокиенко В. М. Во всю ивановскую: площадь или мощь?	1
Хроленко А. Т. Чистое поле, синее море	4

ПОЭТ И ФОЛЬКЛОР

Бояркин В. Д., Степанова Л. И. Масленица в Ростов поехала	2
---	---

НА КАРТЕ РОДИНЫ

Добродомов И. Г. Оскол	3
Рогонова Р. С. Брянск	4

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Алаторцева С. П. Ремонтер	3
Бирих А. К., Мокненко В. М. Посить усы, бороду	2
Берисова Л. П. Хирург, то есть... цирюльник	1
Варбот Ж. Ж. Задать латапы	1
Ганулич А. К. «Бубенчик под дугой лепечет...»	5
Горячева Т. В. Замолаживать, заволаживать	6
Горячева Т. В. Под микитки	5
Добродомов И. Г. Держать в черном теле	1
Ивченко А. А. Заткнуть за пояс	5
Лалаянц И. Э. Длинноволосая гостья	5
Лалаянц И. Э. Кока-кола, пепси-кола	3
Миротворцев В. Н. Победная головушка, победа	4
Мокиенко В. М. С бзиком	3
Мурьянов М. Ф. С чего начиналась лексика морской фауны?	4
Насилова Н. Д. От мала до велика	2
Наумов О. П. А склянки продолжают бить	1
Носкова З. А. «Хитон из ... виссона»	4
Опришко А. Я. Зеленый шум	3
Отин Е. С. «Меленколия, которая болезнь называется хипохондрия»	2
Павлюченкова Т. А. Какого цвета синица?	4
Сумникова Т. А. Что же такое «лютый зверь» Владимира Мономаха?	1
Филиппов В. С. Лира, лютня, арфа	5
Чекалов К. А. «Да будет солдат, а не шаматон»	4
Чекалов К. А. Цикада, стрекоза или кузнечик	3
Шелякин М. А. Выходить замуж, жениться на...	2

Шустов А. П. От бака к дредноуту	3
Эсанов У. Д. Брульон и черновик	2
Эсанов У. Д. Ностальгия	4
ОНОМАСТИКА	
Никонов В. А. Из словаря русских фамилий	4, 6
Никонов В. А. О русских фамилиях	2
Фелицына В. П. О фамилии <i>Фелицын</i>	6
ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»	
Домра и домбра	6
Еще раз о слове <i>аншлаг</i>	2
~~«Звездные войны»~~	5
Как «присвоить» женщине воинское звание?	4
Как-то — однажды	2
Кузнецкий Мост или мост?	4
Обустроить — обустривать	2
Пирафен	2
Поздно, позднее, позже	4
Помощник	1
Прогностический и прогнозный	1
Сели ... в переполненный автобус	1
Слова — приметы времени	5
«У нас в Рязани...»	2
Человеческий фактор	5
Эпитафия... себе	4
КРОССВОРД	1—6

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. С. ВАЛГИНА, И. Ф. ВОЛКОВ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ, П. Н. ДЕНИСОВ, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВАНОВ (главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь), Л. И. СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД «МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ»

По горизонтали: 5. «Псалтырь». 6. «Риторика». 9. Вафилов. 10. Платон. 11. «Илиада». 15. Фейерверк. 17. Селим. 18. Химия. 19. Механик. 20. Престол. 24. Горох. 25. Стиль. 26. Микроскоп. 29. Град.

32. Сократ. 33. Шувалов. 34. Кузничик. 35. Горизонт. По вертикали: 1. Плутон. 2. Приам. 3. Синод. 4. Артель. 5. Птоломей. 7. Академия. 8. Мигнерва. 12. Белинский. 13. Профессор. 14. Цицерон. 16. Живость. 21. Коперник. 22. Географ. 23. Елисавет. 27. Беринг. 28. Польза. 30. Мужик. 31. Номер.